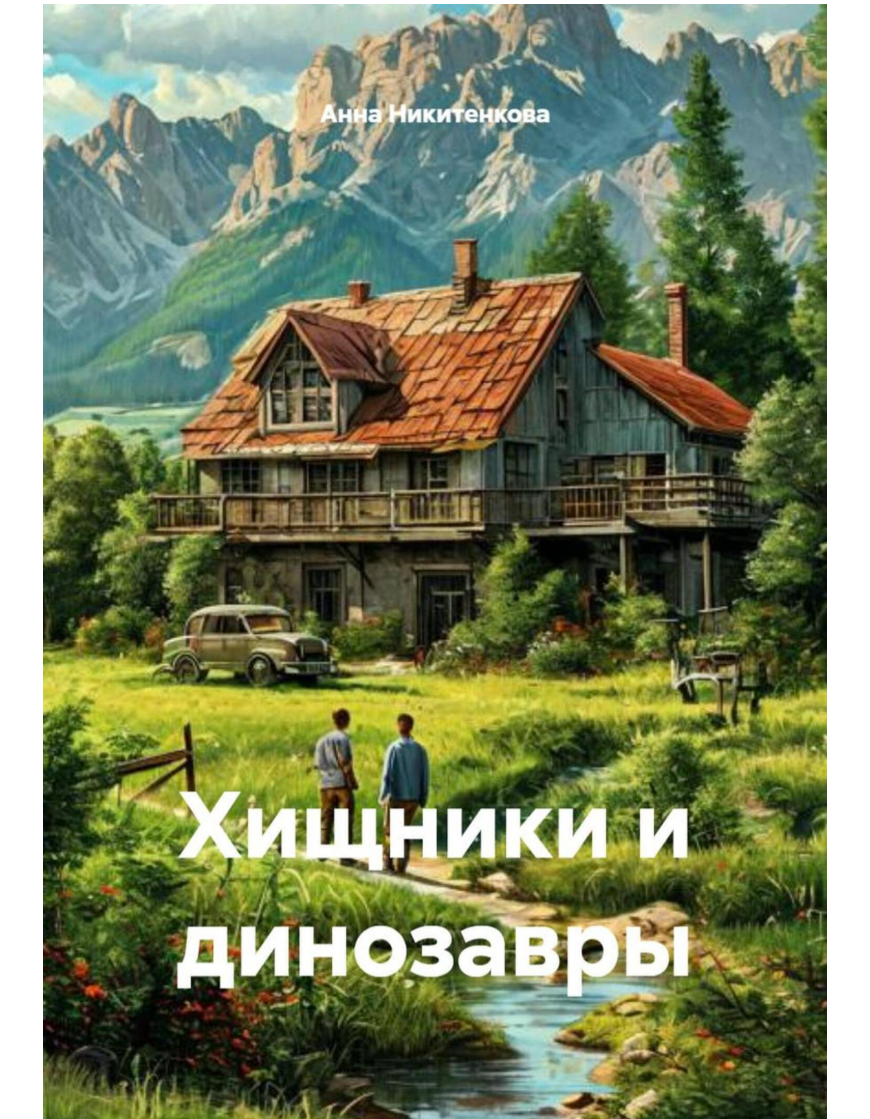




Анна Никитенкова

Хищники и динозавры

Анна Борисовна Никитенкова

Хищники и динозавры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72683845

SelfPub; 2025

Аннотация

В советское время в Белоруссии существовала научно исследовательская база, где трудились сотрудники на оросительно – осушительной системе. А вместе со взрослыми находились их дети, коих и прозвали "хищники". Я одна из них! А "Динозавры" – это уже руководители. Трудились еще химические и биологические медведи". Ну что сказать, не скучно мы жили! И вам не скучать!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

177

Анна Никитенкова

Хищники и динозавры

Глава 1 – Встать после падения

«Самый большой враг в жизни человека – это он сам» – вспомнила я золотые слова Будды. В центре Москвы золотая осень рассыпала драгоценные листья, лучи солнца то и дело пробивались сквозь небольшие тучки. Привычку опаздывать у меня отбили еще в раннем детстве, как говориться раз и навсегда. Я шла на прием к психологу, на ходу думала о предстоящей встрече, гадала какую тему мы затронем на этот раз и чуть не проскочила мимо.

По прошествии нескольких месяцев после смерти отца я действительно стала понимать, что не могу прейти в душевное равновесие. На этот раз «сметана не взбивалась», если провести аналогию с известной сказкой, как бы я не шевелила лапками. Так я про себя окрестила душевные, ментальные и даже физические потуги обрести то самое равновесие. Не сбавляя хода, я буквально влетела в кабинет, вежливо поздоровалась и присела на низенький диванчик. Надежда Алексеевна посмотрела на меня удивленным взглядом, дождалась, что я переведу дух и успокою дыхание, а затем спросила о самочувствии и графике, где я должна нанести на линию прожитых лет свои самые значительные, с моей точки зрения события. Или как я назвала ее шкала грешной жиз-

ни. «Почему сразу грешной» – она отреагировала по-своему: «Это всего лишь твой путь и опыт. Ошибки совершают многие, и не надо их бояться! И что стоит за каждым из них?» – продолжала она рассуждать, разглядывая страницу в большой тетрадке, где аккуратно, по линейке я прочертила линии, падающие то вверх, то вниз.

Василий Викторович, мой новый начальник сам связался с Надеждой Алексеевной, заметив, что со мной твориться что-то не ладное. Он не стал скрывать от меня своих выводов, сделав безапелляционное заявление: «Вы девушка явно не в себе! Совершенно не адекватны! Что с вами?» Я смотрела на него испуганным взглядом, пытаюсь сообразить, что мне сейчас делать, что говорить, а главное понять, что же позволило генералу в отставке, а ныне владельцу крупной строительной компании сделать такие нелестные выводы. Я всегда была достаточно умна и наблюдательна, а главное объективна к собственной персоне, чтобы не понимать, что начальник просто так говорить не будет. «Глазки, испуганные мне, тут строить не надо» – грубо пресек он мою попытку надавить на жалость: «Я ведь и из компании могу за две минуты вышвырнуть! Мне тут долбанутые сотрудники не нужны! У самих хватает!» – обвел он взглядом офис и сквозь прозрачную перегородку посмотрел на сидящих за компьютерами людьми. Я молча покачала головой, так и не решив, что можно сказать в свое оправдание. «Ефросинья» – обратился он ко мне полным именем: «В молчанку играть не будем.»

Я кивнула и невнятно произнесла: «Язык орган маленький, но многие жизни погубил.» «А!»— протяжно протянул он и с шумом поставил чашку на стол: «Мы еще и Омаром Хайямом прикрываемся! Еще поумничаешь и точно свою пятую точку погубишь! Это я тебе обещаю!» Офис, услышав шум в кабинете начальника тут же притих, в надежде понять, что же там происходит. С генералом в отставке работать не просто, но те, кто проходил его школу и свыкался с мыслью, что так будет всегда, сотрудничали с ним годами, хотя что скрывать, текучка была огромная. Многие тут же подумали, что и меня ждет та же участь. Некоторые тяжело вздохнули, правда скорее про себя, не показывая окружающим, что очередной офис — менеджер, пятый или шестой по счету скоро уволиться. Я им вроде понравилась и за короткое время зарекомендовала себя с хорошей стороны. Как ни странно, Василий Викторович протянул мне салфетку, утереть набежавшие слезы и я сбивчиво описала ему положение дел. Офис притих, расслышать наш разговор у них так и не получилось.

Мой рассказ в общем то ничем особым его не удивил. Безрадостная жизнь с деспотичной матерью, братом алкоголиком и малолетним сыном. Чем-то я его зацепила, да и внутренний голос подсказал, что у меня есть шанс справиться со сложившейся ситуаций. После того, как я окончательно успокоилась, он взял в руки мобильный телефон и после долгих и протяжных гудков услышал чарующий голос Надежды Алексеевны. Расплывшись в улыбке, он не свойственным

для него тембром произнес: «Категорически приветствую! Все-таки офицер» – выразительно взглянув на меня продолжал он объясняться с психологом: «Да и человек скорее всего не поганый. Приезжайте прямо ко мне, буду рад вас увидеть» – закончил он предложение. Надежда Алексеевна его поблагодарила, прекрасно понимая, что это очередной предлог с ней пообщаться, но и от потенциального клиента отказываться ей не хотелось.

Покидая кабинет, я заметила заинтригованные взгляды сотрудников, сделав отрицательный жест попыталась пресечь попытки наиболее любопытствующих товарищей. Я молча села за свое рабочее место и сосредоточилась на входящей корреспонденции. Незаметно для себя я вспомнила год, когда устроилась на службу в милицию и там почти сразу отметили мое явно неадекватное поведение, связанное с бывшим мужем, он после развода терроризировал меня постоянными ночными звонками, как по телефону так в дверь, угрозами, шантажом и открытым преследованием. Как только я выходила из подъезда, он как тень следовал за мной до самых ворот отделения, что послужило первыми пересудами в отношении моей персоны. Прошло больше десяти лет, да и бывший муж умер. История повторялась, только мучали теперь самые близкие.

Василий Викторович с первого дня знал, что я вряд ли останусь у него в офисе, слишком далеко добираться и все же решил помочь, тем более я пришла к нему по рекомен-

дации. Он совершенно не занимался какой-либо благотворительностью, но людей с пагонами уважал и считал своим долгом поддерживать условное братство.

Внимательно выслушав Василия Викторовича, я, впрочем, не спешила звонить психологу, решив поработать над собой, тщательно выверяя свое поведение. «Надо быть как все, убрать с лица затравленный взгляд, чаще улыбаться, перестать дергаться» – как мантру повторяла я про себя каждый день с утра и до вечера. Я даже попыталась визуализировать как отталкивается двумя ногами от дна. Такой прием я придумала еще много лет назад, вспомнив однажды как чуть не утонула и тот трюк помог мне доплыть до берега. В этот раз ноги завязли глубоко в иле. Я это отчетливо поняла, когда через две недели Василий Викторович вновь позвал меня в кабинет и в ультимативной форме заставил связаться с Надеждой Алексеевной. «Вот и вся твоя психически не развитая натура вылезла» – выслушав как заикаясь я разговаривала по телефону, заключил взрослый мужчина. «А почему ты совершенно не улыбалась? Я же приказывал! Иди отсюда» – он грубо вытолкнул меня в чрево бурлящего офиса.

Первая встреча с Надеждой Алексеевной в переговорной комнате произвела на меня хорошее впечатление. Это мой первый и надеюсь последний опыт обращения к психологу. Василий Викторович с широкой улыбкой провожая Надежду Алексеевну, недобро взглянул и я поспешила убрать с глаз долой.

Надежда Алексеевна долго разглядывала мой график, водила по нему линейкой сопоставляя годы жизни и описание запавших в душу событий. «И так я смотрю в восемь лет график падает вниз, потом идет ровно, а с двенадцати по семнадцать просто зашкаливает! Поясни.» Я с интересом посмотрела на свои же стрелочки, как будто видела их в первый раз. «Так это отец взял меня в экспедицию, и я шесть лет провела как в раю» – удивленно подняв брови, я сама не заметила, как так получилось, что стрелки взлетели вверх. А вот опытный взгляд подобные вещи не упустил из виду. «Потом идет небольшое падение, а затем взлет.» «Да, те годы были просто прекрасными на радиорынке» – пауза затянулась. «Снова взлет.» «Это я замуж вышла.» «Падение – это развод?» Я кивнула. «Снова взлет.» «В органы поступила, отца своего сына встретила.» «Потом снова падение.» «Он меня бросил и мне пришлось сына самой воспитывать.» «Падение затянулось!» «Времена сложные, он родился больным ребенком...» «Тут взлет идет.» «Я вышла из декретного отпуска.» «Понятно... Долго шел этот устойчивый период.» «Да! Пока не пришлось уволиться из органов...» «И с тех пор я вижу падение, вплоть до отрицательных значений.» «Это отец умер и пошло-поехало.» «Я смотрю стрелка вверх не особо у тебя поднимается.» «А куда ей расти, если совсем нет радости. Денег нет! Отношений нет! Одна ругань и упреки от матушки.» «У тебя не закрыты сейчас основные базовые потребности» – подвела итог Надежда Алексеевна. «Это

какие?» «Все те же, что ты мне сейчас озвучила. Нормальные личные отношения, здоровье и деньги. Вот посмотри, где у тебя раньше стрелка зашкаливала, все было в твоей судьбе, ведь правда?» Я на короткое время задумалась и полностью с ней согласилась: «Так как быть?» «Вот этим мы и займемся!» В конце сеанса Надежда Алексеевна дала мне дурацкое задание написать сто своих достижений и сто желаний. Я совершенно не понимала, на что сейчас трачу свою время и последние деньги в кармане.

Мы тепло попрощалась, и я не спеша пошла в сторону метро. Уже стемнело, дул прохладный ветерок, а в голове вереницей шла череда достижений и провалов, горя и радости, на иное фантазии так и не просыпалась. «Неужели у тебя нет воображения?» – вспомнила я ее удивленный возглас, когда сказала, что ничего не могу придумать. «Что, сумочку купить новую? Поцелуй любимого мужчины? Море. Солнце. Совсем ничего?» – крутились в голове элементарные вещи.

«Совсем ничего» – сокрушенно думала я и по дороге домой безостановочно лила горькие слезы. «Все слезы мы льем по себе» – вспомнила я цитату из одной книги и действительно поняла, что маятник дошел до упора. Все, о чем я сейчас мечтала, что, когда ни будь в моей жизни не будет пьющего брата и истеричной матери, а о косметике или ресторане речи вообще не шло. Я как будто похоронила себя заживо. Домой я добралась в ужасном душевном состоянии и снова поругалась по телефону с матерью. А ночью мне стало совсем

плохо, и я в первый раз вызвала скорую помощь. Трехкомнатная квартира погрузилась в полную темноту, слышался звук тикающих часов на кухне, не было никого, кто бы подал пресловутый стакан воды или просто открыл дверь фельдшеру. И я пожалела себя еще больше. На дворе стоял август и мать с моим сыном, а заодно и не работающим братцем отдыхали на даче. Через сорок минут приехала скорая, мне измерили давление и сказали, что опасений для жизни нет. «А как же сердце» – не унималась я, показывая в область груди. «Сердце!?» – многозначительно произнес крупный дядька: «Понервничали небось, вот оно и разболелось, попейте по десять капель валокордина утром и вечером, а лучше всего сходите к невропатологу. Мой вам хороший совет» – сказал он мне перед уходом.

С утра я позвонила Василию Викторовичу и предупредила, что ночью мне стало плохо. Он так и не добился вразумительного ответа, что все-таки со мной случилось и посоветовал хотя бы отлежаться. На этом я повесила трубку и легла обратно под одеяло, не смотря на жару меня немного потрясывало. А еще через час позвонила неугомонная Надежда Алексеевна и спросила, как продвигается список. «Какие желания?» – я искренне возмутилась, все еще ощущая боль в области груди. «Обыкновенные!» – ответила та, как ни в чем не бывало: «как раз самое время этим заняться.» На это я мысленно повертела пальцем у виска, намекая на полное «ку-ку»! Я так сильно испугалась за свое самочувствие, что

не стала возражать и спорить, решив, что пока обойдусь без мифических желаний. «Тут бы выжить» – поймала я себя в зеркале с кривой ухмылкой: «Вот оно первое и пока единственно, что по-настоящему я хочу!»

Я поднялась с постели, не стала делать зарядку и не спеша отправилась в поликлинику, где мне рассказали, что невропатолога у них в штате нет, есть только дежурный доктор. Тяжело вздохнув, наряду со всеми я примостилась на узенькой лавочке. Через два часа, перечитав журнал и газету неприступный кабинет раскрыл для меня свои двери. Медсестра, даже не спросив с какой жалобой я пожаловала к ним и толком не взглянув, начала выписывать направления на анализы и лишь услышав горестный рассказ про ночную встречу со скорой, врачаха отвлеклась от компьютера и посмотрела мне прямо в глаза: «Больничный нужен?!» «Нет» – покачала я головой. «А зачем пришли?» – недоуменно возопила медсестра. «Так плохо же. Что тут непонятно?!» – показала я в область груди, где под тонкой кофточкой билось мое неуговорное сердце. Дежурный врач все же решила померить мне давление, а заодно провести визуальный осмотр. Давление оказалось в норме, в принципе, как и сам пациент: «Купите в аптеке валерьянки и успокойтесь» – вынесла она свой вердикт и как ни в чем не бывало отвернулась к компьютеру. Я потрясенно смотрела на нее: «И это все?» «А что еще?» – ее начала раздражать моя назойливость: «От больничного вы отказались.» Медсестра растерянно держала в руках направ-

ление на анализы, врач сердито махнула на нее рукой, и она нехотя вложила их в мои руки. «Сдавайте анализы, записывайтесь ко врачу. Можете к кардиологу! Невропатологу! Кому хотите» – и выпроводила меня из кабинета.

Я обошла всех врачей, что мне посоветовали и вновь попала на прием к дежурному терапевту. «Вы же абсолютно здоровый человек! Посмотрите на себя в зеркало! Нам бы ваши проблемы, деточка! Не отвлекайте нас по пустякам» – только и смогла произнести врач, рассматривая результаты моих анализов и хождения по специалистам.

Еще больше потрясенная, чем в первый раз, я вышла из поликлиники и пошла, обратно домой забыв про ноющую боль в области груди, в голове звучала лишь одна фраза: «Абсолютно здоровый человек!» Вечером позвонила Надежда Алексеевна и спросила, как продвигается список. Я рассказала ей последние новости. «Вот и славно! Значит один из основных базисов в норме! А теперь зачитай мне свои желания!» «Я только штук двадцать записала» – жгучая стеснительность залила меня изнутри и захотелось, как-то избежать назойливого внимания. На одиннадцатом желании «родить второго ребенка» – она строго спросила: «Кого?» «Ребенка!» – недоуменно ответила я. «Мальчика или девочку?» «Дочь конечно» – я возмутилась так, как будто это было само собой разумеющимся. «И так держать, везде даты, ссылки и уточнения. Не надо нам размытых желаний, понятно!?» «Понятно» – и тут я повеселела, как будто незримый тум-

блер щелкнул у меня изнутри. «Ерунда какая-то! А как работает» – ловила я себя на посветлевших мыслях. А уж когда я приступила к написанию ста своих самых значительных достижений, тут уж в пору продлевать его гораздо длиннее!

Те года, что шли у меня сплошной линией счастья не давали покоя Надежде Алексеевне и она попросила описать их. Вначале я попыталась возразить, что вряд ли получится, она аккуратно подтолкнула: «Надо попробовать! Сочинения в школе писала?» Я утвердительно покачала головой. «В милиции своей и вовсе только этим и занималась?» Воспоминание о некогда любимой работе резанули по сердцу и тяжело вздохнув, я промолвила: «Контора пишет!» «Вот и умница! И ты пиши! Жду с нетерпением!»

Вполне здраво я рассудила, что дорога занимает у меня много часов, которые я все время проводила за книгой: «А теперь будет ручка с тетрадкой, благо у сына их много валяется!» И как прилежный ученик принялась описывать детство. И чем глубже я погружалась в прошлое, тем отчетливее понимала, откуда идут большинство проблем моей взрослой жизни. Вначале это повествование содержало скупое описание людей и событий. По мере продвижения рассказа, мне захотелось описать все в художественной манере, а за главную героиню сделать себя любимую, раз уж психолог сказал, что нужно вначале разобраться с собой, а затем и до остальных членов семьи добираться. В полотно своего произведения мне вольно и невольно пришлось вплести все нити сво-

ей небольшой, но как оказалось, очень насыщенной жизни, со множеством событий и встреч. Я достала из коробки старые дневники, что вела в тот период. После чего моя жизнь, как и собственная личность, открылась мне совершенно по-новому. Перечитывая страницы, что смогли уцелеть за годы беспощадной собственной цензуры и времени, я смотрела на себя со стороны и не понимала, как я могла даже подумать, что меня ждет беспросветное будущее! «Успокойся» — на следующем сеансе подбодрила меня Надежда Алексеевна: «И более сильные люди ломаются! Жизнь пройти, не поле перейти!»

Из моего детского дневника: «Сейчас читала биографии писателей, поэтов. Фета, Рылеева, Грибоедова, Льва Толстого. У меня появилась такая мания. Я не знаю, что я в них ищу. Быть может примеры как жить, может ради интереса. Мы многое узнаем быстрее, чем люди раньше, быстрее вступаем в противоречивый мир. Лев Толстой оставил свои дневники. Вот что нужно изучать и как строить внутренний мир. Личность может быть сама по себе произведением. Наверное, не все понятно в этой фразе даже мне самой. От общения с личностью, как от прочтения прекрасного произведения можно вырасти, стать богаче. Что деньги? Я, конечно, не отказалась бы иметь приличную сумму, но пока важнее обрести знания и укрепить душу, а там может и деньги появиться.»

У меня не было достаточного количества денег, любимом-

го человека и нормальной работы, чтобы она удовлетворяла хотя бы материально, не говоря уже о моральной стороне дела. А кредит за квартиру усугублял и без того бедственное положение. В дневниках я нашла текст позабытой песни и не смогла сдержать нахлынувших эмоций: «Когда ты в пропасть падаешь с обрыва, тогда картина вовсе не ясна, Ты не смотри на окружающих тоскливо, ведь ты еще не долетел до дна, не падай духом! Не падай духом! Ведь ты еще не долетел до дна!» «Интересно» – закрылось у меня сомнение: «А я на дне!? Или продолжаю падение?»

Стрелка, что так стремительно устремилась вниз на графике, когда умер отец, разделила мою жизнь на до и после. Я поставила во главе угла карьеру, потом родных и близких, не создав собственную семью, свой круг силы и теперь пожинала последствия. Отца не стало, и вся система координат рассыпалась. Я согласилась с Надеждой Алексеевной, легче мне от этого не стало.

На следующий день у меня вновь сильно разболелась голова и в офисе я отсидела пол дня, не в силах сосредоточиться на работе. Голову сдавило железным обручем. Дождавшись Василия Викторовича, я отпросилась и тут же уехала. По дороге домой меня мучили горькие мысли и на середине пути я перестала сдерживаться и нарыдалась всласть, мало обращая внимания на сидящих вокруг пассажиров.

Я долго лежала в постели, пересилив себя, встала и продолжила описывать свое детство и юность. По всему по-

ду валялись разрозненные листки из дневников разных лет. Мне то и дело приходилось отвлекаться, опускаться на пол, чтобы найти нужную страницу. И тут я поймала себя на мысли, что сама живу в полном хаусе, подобно разбросанным листочкам. Я встала на колени и долго раскладывала все в хронологическом порядке, перевязав затем каждую стопочку. «Пора и убраться!» – оглядев грязный пол я взяла ведро и тряпку, тщательно вымыла каждый угол. Вроде бы нехитрое действие вселило в меня чувство завершенности. И чем больше строк выплескивалось на экран, тем легче мне становилось на душе и боль в груди отступала.

Спустя несколько дней Надежда Алексеевна подтвердила мои нехитрые выводы. «Неужели так просто!? А ларчик просто открывался» – вспомнила я избитую фразу матушки. «Да не каждому дано понять, что делать, куда идти» – возразила она мне. «Когда я ушла из органов, то потеряла свой статус» – произнесла я, потрясенно хлопая огромными синими глазами. «Вот именно! Ну какой бизнес? Какие тендера?! Тебе нужно возвращаться в свой круг, где у тебя есть опора, своя ведущая роль в жизни! Тем более еще ничего не потеряно! Путь открыт!» «Как открыт?» – я попыталась возразить: «А возраст? А здоровье?» «Тебе же в поликлинике сказали, что видимых причин нет! А с возрастом в отделе кадров разберутся! Такими как ты, не разбрасываются!»

«Еще труднее определить свой путь. Тот, кто не делает выбора, умирает в глазах Бога, хотя по-прежнему живет и

ходит по улицам» — когда-то записала я в своем дневнике, как и то, что: *«Время летело, дни шагали, месяцы проезжали, годы уплывали.»*

Я торжественно передала Надежде Алексеевне многодневный труд по описанию своих детских и юношеских лет. «Стесняешься или волнуешься?» — с улыбкой спросила она меня, наблюдая за моей реакцией. «Есть немного! Но мне стало легче!» «Отчего?» «От всего! Пустота ушла из сердца, радость появилась. Надежда. Благодаря вам, я обрела заново Лесное и годы, приведённые с отцом в экспедиции!» «У каждого есть свое место силы! Ну что ж! Я обязательно побываю в твоём...»

Глава 2 —

С чего начинается детство

Из моего детского дневника: «Я никогда не отличалась в своих сочинениях особыми литературными талантами, но приходит время и хочется выплеснуть на бумагу все то, что так долго живет в мыслях и воображении. Мой рассказ будет о пережитом и увиденном мною. Да многие книги так и начинаются».

«С чего начинается детство?» — Фрося сразу ответила, с шума льющейся воды, гремящей посуды, кряхтения отца, когда его большая неповоротливая фигура протискивалась в узкое пространство кухоньки. И вечно недовольного голоса матери, вставшей чуть свет. Девочка часто думала, что они начали ругаться задолго до ее рождения и что истеричный

крик не замолкнет в их доме никогда. Ее голос разносился по лестничной площадке и не было такой силы, способной уgomонить или немного утихомирить. Они уже несколько лет жили вчетвером, после переезда бабушки в новую квартиру.

Природа оказалась очень щедрой к Александре Федоровне. Точеная фигура, темные волосы, живые черные глаза и изумительно красивое личико, заставляли людей оборачиваться и думать, что перед ними ожившая фарфоровая кукла. Ах, да! Одевалась она с огромным вкусом и фантазией. Отец же являл собой прямую противоположность, с огромными лопоухими ушами, за что его сразу прозвали «ушастик», да еще вечно серьезным выражением лица. Обладая высоким лбом, тонким ром и вечно взъерошенными кучерявыми волосами он с первого взгляда заставлял окружающих думать, что он, типичный ученый. Если бы не супруга, то до конца дней он и одевался бы абы как, совершенно не обращая внимания на внешний вид. Альберт Бориславович настолько контрастировал со своей женой, что их пару смело называли красавица и чудовище. К счастью, обоих родителей, дети унаследовали общие черты, правда Фросе досталась большая часть родовых признаков семьи Вознесенских, особенно всех огорчали ее оттопыренные уши. Вид миниатюрной копии, так сильно потряс тетю Женю, что она на полном серьёзе предлагала не забирать ее из роддома. «Она же больше похожа на обезьянку!!» – всматриваясь в сморщенное лицо новорожденной та в ужасе качала головой.

Благо родственники оказались благоразумней и успокоили ее словами, что она выправится: «Не переживай, такие дети к старости становятся очень даже симпатичными. Природа свое возьмет» – примирительно высказался дедушка Федор Алексеевич, огорченно поглаживая лопоухое создание. «А вдруг я до старости не доживу!?» – поправляя розовую ленточку произнесла тетя Женя.

Они учились в одном техническом вузе. По окончании первого курса Вознесенского, как круглого отличника отправили в Белоруссию, в его первую научную экспедицию по осушению болот, где он и заработал радикулит, не привыкшей столь долго находиться в заболоченной местности. После академического отпуска его перевели в группу Шурочки. Такого подарка судьбы, она явно не ожидала, а потому недолго думая, решила не упускать свой шанс и взять в оборот необыкновенного парня, как во все уши жужжали у них на курсе.

Прекрасным сентябрьским днем Александра Федорова выходила замуж за ленинского стипендиата, окружавшие ее преподаватели и сокурсники нисколько не сомневались в его блестящих способностях, пророчили весьма благополучное будущее. В своих мечтах она видела себя купающейся в роскоши и внимании, а потому старалась не замечать странностей в его поведении, списывая все на неординарность натуры. Между тем выпивать он начал еще на первых порах института, нисколько не стесняясь приходить на экзамены в

легком подпитии и ярких гавайских рубашках. Для дедушки, Федора Алексеевича, столь очевидный факт вызвал большие сомнения в продолжении их отношений, не говоря о браке. От столь опрометчивого шага ее отговаривали все, от подруг до близких родственников.

Вознесенский оказался не промах. Обладая феноменальной памятью, он выучил наизусть «Евгения Онегина». Ушаковские считали себя настоящими пушкинистами. И конечно же первенца называли Александрой, не говоря про ее младшую сестру Евгению. Двоюродные братья и сестры носили знаковые имена, такие как Владимир, Татьяна и Ольга. Молодой и бойкий студент писал любовные стихи для ненаглядной Шурочки, пел трогательные романсы под гитару, да и в повседневной учебе стал для нее просто незаменим.

Одно стихотворение особенно нравилось Фросе, так и подписавшая его в своем дневнике «Звездочка на небе»:

Много звездочек на небе
Но одна ярче всех
Много девочек на свете
Но Александра ты милее всех

Вспоминаю минувшее время
Вспоминаю прошедшие дни
Вспоминаю те дни, что забыты
Когда познакомились мы

Никто никогда не узнает
И я никому не скажу
О ком мое сердце страдает
Кого я безумно люблю.

«Вот поживи с ним в общежитии, тогда все поймешь!» – настаивал Федор Алексеевич, не смотря на ужас в глазах старшей дочери: «А что? Ты предлагаешь мне в зятя алко-голика?» – обращался он к ней: «Даже если он и умный!? У него нет даже пары новых трусов на свадьбу. Мы что, ее за свой счет играть будем?» Так оно и случилось. Мать ленинского стипендиата приехала на свадьбу с одним тортом, даже не спросив, во что обошлось одеть, обуть и устроить застолье для полусотни гостей. Он тяжело вздохнул, увидев на столе белый квадратик, завязанный бантиком, и огорченно пожал плечами. А в это время молодой гений читал стихи для своей будущей жены, сорвав не малые аплодисменты от приглашенных:

Мою любовь не объять ни измерить
Тысячу верст до нее идти
Тысячу лет искать и верить
Тысяча бед не страшна в пути.

Эта любовь сравнима с кристаллом
Что поражает своей чистотой
Эта любовь крепче металла
Песней летит за звенящей струной.

Эту любовь пронесу сквозь преграды
Долгие годы жизни своей
Ей не нужны никакие преграды
Что может сравнимо с любовью моей...

Разве ветер затушит горящее пламя
Разве можно забыться в бреду
Эта любовь, как пылающий факел
Путь освящает и рубит мглу.

Я прорывался сквозь бури и ветер
Сил не жалея, себя не щадя
Мне ты не можешь совсем не поверить
Эта любовь горит для тебя!

После бракосочетания он сразу переехал в их трёхкомнатную квартиру, ее не так давно получил Федор Алексеевич, как работник службы госбезопасности.

Манеры и поведение новоиспеченного зятя шокировали всю семью, включая Шурочку. Он, не смотря на свою феноменальную начитанность и ум, вырос в глухой смоленской деревне и его манеры и поведение в быту оставляли желать лучшего, да и пристрастие к горячительным напиткам, начавшаяся под сводами общежития привели к ежедневным скандалам.

О такой ли судьбе мечтала Александра Федоровна? Вме-

сто роскоши и достатка она много лет прожила в дикой бедности. И если бы не ее родители, то и голода не избежать. После окончания института с отличием, он поступил в аспирантуру и на долгие годы погрузился в мир вечной мерзлоты Якутии, изучая лиманное орошение реки Лены, для дальнейшего использования в сельском хозяйстве. Все деньги, включая не малые командировочные, уходили на его исследования и конечно же алкоголь, так что даже по возвращении из очередной экспедиции, она вынужденно отдавала долги за непутевого мужа. Не говоря уже о том, что его месяцами не было дома и все хлопоты и заботы о подрастающих детях лежали на плечах ее родных и близких. Так однажды Сережа, старший брат Фроси, не узнал собственного отца и спрятался под диваном, надрываясь в истошном крике, он появился на пороге в огромной мохнатой шапке, с гитарой в руках и длинной черной бородой.

В отведенные три года диссертацию он не защитил, посчитав свою якутскую работу не достойной кандидатской работы. Известие, что муж не будет защищаться, едва не разбило их и без того шаткий брак. Только вмешательство Федора Алексеевича, считавшего развод не приемлемым, заставило ее забрать заявление о разводе. Еще несколько лет вся семья жила на его мизерную зарплату аспиранта. От отчаянья она заложила в ломбард их обручальные кольца.

Спустя двадцать лет глядя на его белоснежные волосы и такую же аккуратную, чуть длинноватую бородку можно бы-

ло по-прежнему сказать, что он имеет прямое отношение к науке. А если прибавить природную лень и не желание лишний раз двигаться, то фигура его, из худой и долговязой, постепенно превратилась в солидную и весьма упитанную. Он явно выглядел намного старше своих лет, в отличие от Александры Федоровны, ее легко принимали за его студентку.

«С чего начинается зависть? С картинки в твоём букваре. С хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе» – так Фрося переделала всем известную песню из ее любимого фильма про разведчиков. Она сильно завидовала своим школьным подругам, что у них такие хорошие семьи. Так получилось, что у них никогда не было совместных ужинов, теплых семейных посиделок, что так классно изображают в кино или книгах. Глава семьи, пожалуй, даже не понимал, что это такое и гостей в их доме не водилось. Разве что его старший брат Борис мог приехать из Саратова, да и то в служебную командировку. Дядю Борю раздражало в их доме все, а самым главным камнем преткновения конечно разобщенность в питании. Как правило, они ели все в разное время и самое большее собирались вдвоем или втроем на малюсенькой кухне. Не то, что в его патриархальном доме, когда никто не смел сесть за стол, пока не собирались все члены семьи и вообще его слово служило непререкаемым законом.

Фрося любила отца до потери сознания. Отец был для нее и небом и землей, она буквально дышала им. Бог поцеловал его в самое макушку. Он родился с огромным потенциалом.

Его мягкий, спокойный характер полностью противоречил резкой, напористой и очень властной матери, она держала в ежовых рукавицах всю семью. Сергей был не просто любимцем матери, в своей «рыбаныке» она не чаяла души. Никто и никогда не смел говорить ничего против ее обожаемого сына, чтобы он не делал. Он и впрямь был хорош собой, отлично учился, слушался во всем матушку. Так в их семье сформировалось два противоположных лагеря, бесконечно враждующих друг с другом. Сын умело пользовался слепой любовью матушки, действуя против отца и сестры исподтишка. Фросе всегда находилась на передовой и принимала первые удары и несправедливые оскорбления в свой адрес, прежде чем очередь доходила до отца. Он утирал ее «слезки на колёсиках» и учил выдержки. Она же, уткнувшись в его колени с трудом понимала, как можно сдерживаться и не орать в ответ взбесившейся женщине. «Можно» – убеждал он ее тихим и ласковым голосом: «Без выдержки, ты ничего и никогда не добьешься! Считай это своей проверкой!» «Легко тебе говорить!» – думала Фрося: «Ты такой умный!»

Но и у обожаемой «рыбаныки» случались частые заскоки. Так Сергей категорический отказывался мерить, не говоря уже носить вещи, что привозили из-за границы иностранные аспиранты отца. Так они и лежали по несколько лет, пока до них не дорастала Фрося, впрочем, это касалась и обуви, курток и прочих мальчишеских одежонок. Экономившей на всем Александре Федоровне это было на руки, что говорить,

жили они бедно. Все звали ее пацанкой, ругали за внешний вид, а вот купить лишнее платьице ни у кого не возникало желания.

Волей судьбы один из двоюродных братьев Ушанских женился на девушке с прекрасного хутора, затерянного в степях Краснодарского края. Женю пригласили погостить с племянницей в огромный дом с большим приусадебным хозяйством, где кур, уток и гусей не счесть, а еще корова и свиноматка, она как раз только что опоросилась. И маленькая Фрося не могла оторвать восхищенного взора от лежащей огромной свиньи и малюсеньких очаровательных поросят с кругленькими торчащими хвостиками.

О том, что Евгения не хотела забирать девочку из роддома, все уже и думать позабыли. И даже Толик, когда пришел свататься к тетушке, серьезно настроился ее удочерить. Женя его сильно разочаровала, ответив, что это всего лишь племянница.

Перед приходом жениха Евгения тщательно вымыла свою малышку, одела красивое белое платьице, такие же носочки и сандалики, неосторожно выпустив на улицу. Она хотела привести себя в порядок перед приходом любимого мужчины. А в это время Фрося оказалась рядом со своим заветным местом. Не заметив крошечную девочку, хозяин усадьбы случайно открыл дверку хлева, едва не сбив ее с ног. И в этот момент орава веселых и озорных поросят неожиданно получила долгожданную свободу. Невозможно пере-

дать что творилось с ней, когда маленькие забавные существа с хрюканьем и гуканьем бегала вокруг и суетились, кто во что горазд. Воспользовавшись волшебным моментом, она схватилась за самого резвого поросенка и в своем белоснежном наряде попыталась залезть на него верхом. Воспоминание как она проехала буквально несколько метров на хрюкающем поросенке Фрося с удовольствием рассказывала, как одно из самых ярких и запоминающихся. Со всего размаху она слетала со своего питомца и лежала в грязи полная щенячьего восторга и счастья. И даже душе раздирающий крик тетюшки, увидевшей во что превратились все ее труды показать девочку с самой лучшей стороны совершенно ее не испугали. На хуторе, где из благ цивилизации имелся магистральный водопровод и газ из баллонов, понадобилось не мало сил и стараний, привести ее снова в нормальный вид. От достигнутого успеха она находилась под таким сильным впечатлением, что стерпела все тетюшкины выпады. Толик ждал их достаточно долго. Молодой симпатичный мужчина очень понравился маленькой девочке, а его открытая улыбка и вообще очаровала. Так что весь вечер, пока она не уснула, она провела у него на коленях.

Толик, не получил Фросю в приемные дочери, а вот с Женей они обручились. Свадьбу играли с размахом! Три дня как это и положено в Краснодарском крае. С настоящим выкупом невесты, шатром на триста человек и переодеваниями. Подавались чарки и шишки, маленькие булочки из кру-

то замешанного теста. Главным атрибутом свадьбы стал Бой каравай, украшенный виноградом из теста и двумя коньками. Только вот когда жених с невестой вскрыли его, приготовившись порезать по кусочку гостям, он оказался полностью сырой изнутри, не смотря на красивый внешний вид. На лицах многих гостей пробежала тень огорчения. «Плохая примета!» – шептались по дворам. А Женя сияла от счастья. Только из семьи старшей сестры никого не приехал на этот праздник жизни. Инициированный внутри института партийное собрание в отношении Вознесенского и его пьянства, порочившего честь советского ученого, довели его до острого приступа язвенной болезни желудка, и он попал в реанимацию. Вмешательство его аспиранта, имеющего нужные связи в московском здравоохранении, помогли ему не только не умереть, но и выздороветь. Пить алкогольные напитки он перестал начисто. И это тоже стало переворотной точкой в их жизни. В Москве свадьба пошла по второму кругу, правда уже без Бой каравай и ряженных, зато со всей московской родней.

В маленькой трёхкомнатной квартирке после рождения сына тети Жени стало невыносимо тесно. И Александра Федоровна начала прикладывать максимум усилий, чтобы разъехаться. Инфантильный муж, погруженный в свои формулы и вычисления, под ее мощным нажимом попытался сходить к ректору института на прием, все оказалось безрезультатным. На дворе шел 1983 год, начиналась смена эпох

и к власти пришел Андропов, бывший руководитель ГКБ СССР. А для Федора Алексеевича продолжавшему даже на пенсии трудиться в отделе снабжения, такой ход событий оказался очень кстати. Именно ему принадлежала заслуга, что под новый 1984 год он получил ключи от огромной квартиры в соседнем районе Москвы, к обоюдной радости для всех домочадцев, всего в сорока минутах езды друг от друга.

С рождением Николя вольготная летняя жизнь для Фроси значительно усложнилась. Двоюродный брат родился болезненным ребенком, да еще с тяжелым пороком сердца. Женя родила его уже в тридцать лет, будучи тяжело больным человеком. Конечно, она совершила в своем роде подвиг, но все эти факторы стали для нее значительным испытанием в жизни. У нее был чрезвычайно упрямый характер, она ни к кому и никогда не желала прислушиваться. Надломленная многолетней болезнью, слабый болезненный ребенок, да еще сильно расшатанная психикой, главным образом собственной распущенностью и все дозволенностью, превратили ее в обыкновенного домашнего тирана.

Тетка с паникой воспринимала, все, что не бы не происходило кругом, будь то царапина на ноге или укус мухи единственного отпрыска. Фросе приходилось находиться в непростой, порой враждебной обстановке. Мать Толика, здоровая деревенская женщина, держала с мужем огромное хозяйство и огород. Тетя ни в чем не принимала участия. Целыми днями она сидела на лавочке, либо в своей комнате,

плотно завесив занавески. Выглядела она очень худой, изможденной женщиной, вечно не довольной всем на света. Фросе быстро пришлось научиться мести веником ковры, кормить кур и полоть сорняки на огороде. А заодно гулять с братом, ловить ему бабочек и всячески опекать. Время от времени ее отпускали поиграть с местными ребятами, но часы проведенные дома казались ей бесконечно долгими. Суровая жизнь приучила ее к трудолюбию. «Честно зарабатывай себе на хлеб!» – поучали ее деревенские. Веселые и заводные люди на сельском празднике, где все дети могли наплясаться до упаду, да и жаркий климат с потрясающими закатами и восходами наполняли ее душу непередаваемой радостью и спокойствием. После города, даже если это столица, девочка ела с большим аппетитом так много вкусной и здоровой еды, что почти восполняла грустные моменты, что приходилось испытывать из-за тяжелого и вредного характера любимой тетушки.

Фросе исполнилось восемь лет, она бежала сломя голову через весь дом и не заметила открытого погреба. По дороге в селпо она обнаружила, что забыла кошелек с деньгами и ей пришлось вернуться, с естественным желанием побыстрее догнать своих друзей. Толик спокойно открыл дверь погреба находящегося прямо перед выходом, рассчитывая, что дом пустой. За доли минуты она кубарем скатилась вниз, сметая стоящие на ступенях банки. Все произошло так быстро, что она ничего не успела осознать, увидев себя посередине

непонятной жижи, в которую превратилось вишневое варенье, компоты и прочие съестные запасы, большая часть которых уезжала с ними в Москву.

В свете тусклой лампы, находясь под действием сильнее-шего страха и испуга, что теперь ее будут сильно ругать за разбитые банки, она никак не могла подняться хотя бы на колени. Ее руки и ноги разъезжались на скользкой массе. Больше всего ее пугала реакции тетушки, когда та увидит, во что превратился белоснежный сарафан.

Сквозь рыдания от предстоящей взбучки она никак не могла сообразить, что же ей делать и как выбираться наружу. И она поползла на четвереньках вверх сквозь усыпанные стеклами ступени. То и дело попадались огурцы и сливы, а уж липкое вишневое варенье лилось повсюду: «Я же сама их и собирала» – горестно вспоминала Фрося. Находясь в сильно неадекватном состоянии, она не нашла ничего лучшего, как залезть в ванную и попытаться смыть с себя, все то что на нее налипло, а заодно выстирать белый сарафан. «Женя меня сейчас просто убьет! Он же у меня единственный» – билась в голове беспокойная мысль. А то, что она свалилась почти с двухметровой высоты, разбила вдребезги несколько десятков трехлитровых банок и осталась полностью цела и невредима, об этом она даже не думала. На правом бедре виднелось лишь две небольшие царапины, появившиеся, то ли при падении, то ли когда она ползла по липким ступеням вверх.

Кое-как помывшись и посчитав сарафан достаточно белым, хотя по полу текла красноватая жидкость, пока она шла сдаваться на милость победителю. Тетка просто обомлела, увидев ее в первый момент, но по своему обыкновению не заорала своим высоким истеричным голосом, боясь разбудить мирно спящего в коляске сына. Понимая, что девочка явно находится не в себе, она в первые мгновенья попыталась ее успокоить. Фрося рыдала и плакала так, что женщине стало по-настоящему страшно. Девочка просила прощение, чуть ли не на коленях умоляла не бить ее за испорченный сарафан и разбитые банки. Быть может, в первый раз в жизни Евгения одумалась и не стала повышать голос.

И чем больше Фрося об этом задумывалась и приходило понимание и шок от происходящего, тем сильнее становились рыдания. Пока на крики и истошный плач девочки не прибежали все взрослые. Женя сильно рассердилась на племянницу, спящий сын зашевелился и подал голос. Толик быстро сообразил и повез мальчика подальше от плачущей девочки. Видя в каком, она находится состоянии и как искренне просит прощанье сквозь икоту и завыванье взрослые не осмелился ее наказывать. Ее отвели в дом, раздели, вымыли и дали новое платье.

Когда она поняла, что убивать ее никто не собирается, немного успокоившись, она вновь отправилась за хлебом. Ребята встретили ее не весело. Заметив заплаканные глаза, красное, все в бурых пятнах личико, особо не стали ниче-

го выспрашивать и продолжили путь к сельмагу. Она вернулась аккурат к обеду. Впервые на ее памяти все ели молча, изредка переглядываясь друг с другом. В конце трапезы решили открыть погреб и оценить размер катастрофы. Она не выдержала и спустилась следом. Отговаривать ее не стали, попросили быть аккуратней и не испачкаться. Она стояла на нижней ступени, обнаружив кусочек не заляпанной площади, и сама не понимала, как она осталась цела и невредима среди груды осколков, острыми неровными краями, торчавшими повсюду, особенно в месте куда она приземлилась.

Взрослые расценили это как чудо, свешавшееся у них на глазах. На нее стали смотреть по-другому, а заодно и давать побольше побрякушек. Долго скрывать от односельчан случившееся происшествие не получилось. Как-то раз, шествуя с ребятами за очередной порцией хлеба она почувствовала, что кто-то схватил ее за полы нового сарафана. Фрося нехотя притормозила и с интересом уставилась на соседскую бабушку. Та нехотя отпустила ее, как только девочка с силой попыталась выдернуть юбку. Она отстала от ребят и те недовольно обернулись, подбадривая ее ускорить шаг. Каково же им было удивление, когда еще несколько человек, попытались схватить девочку. «Что это с ними?» – спросил один из местных мальчишек показывая на очередного желающего вцепиться ей в ногу. Фрося с удивлением пожала плечами, тут же вспомнив свой кульбит в подвале с разбитыми банками, правда рассказывать ничего не стала. Все подумали, что

это потому, что она москвичка. «Мы за тебя тоже держаться будем! Глядишь и в Москву переедим» – смеялись они, дергая ее за волосы. В столицу из них никто не переехал, а вот Фрося провела в степях не мало школьных каникул. Со временем история про прогреб забылась, и она спокойно ходила по хутору.

Глава 3 – Начало

В 1985 году началась Горбачевская эпоха. Перестройка предусматривала «обновление социализма» с целью придать ему больший динамизм и эффективность, преодолеть застой и сломать «механизм торможения». Так и у них в жизни на протяжении нескольких лет начался сплошной этап «ускорения и интенсификации».

Вознесенского пригласили на научный форум в Краснодар и находясь всего то в ста пятидесяти километрах от дочери, он решил приехать и посмотреть, как живет, а главное, чем занимается его повзрослевшая дочь. Не то чтобы он не знал из ее скудных писем и рассказов, чем живет хутор, ему захотелось увидеть все собственными глазами. Монотонный пейзаж бесконечно ровных, как лист бумаги полей, сильно утомил его. Жара и духота набитого людьми автобуса, что привез его в самое сердце степной зоны России, еще больше удручила мужчину. Встретили его очень хорошо и радушно, но он твердо решил забрать ее с собой в Белоруссию, не смотря на громкие протесты Евгении. Сергей проводил в экспедиции уже не одно лето, как и другие дети науч-

ных сотрудников. В глубокой обиде тетя поджала губы, прекрасно понимая, что лишается главного своего помощника.

Из детского дневника: «К деревне Лесное мы подъезжали в душном автобусе, тяжело подпрыгивая на ухабах гравийки. С большим воодушевлением отец рассказывал мне про окружающие поля и постройки, и опытах на УДИ¹, про Верхний и Нижний пруд. Наконец мы подъехали к остановке, нас встретил водитель Толик. С молниеносной быстротой он побросал вещи в крытый грузовик и повез дальше. Каждый раз, как и тогда, теплое чувство появилось в груди от взгляда на аккуратные белые домики, голубой забор, чистые дорожки и молодые фруктовые деревья и кусты. Машина не спеша въехала через распахнутые ворота и остановилась возле первого домика. На каменное, достаточно высокое крыльцо выбежала маманька и спустившись по ступенькам пошла к нам навстречу. Мы радостно встретились. Людей на базе собралось очень много, так что от смущения я даже не смогла толком понять кто есть кто. Работали здесь минчане, человек десять, чуть меньше обслуживающие автоматические системы и другие категории сотрудников, что трудились на благо отечественной науки. А еще отпрыски – это особая страница в жизни экспедиции!»

Ей пришлось на ходу преодолевать природную застенчивость и буквально за два дня перезнакомиться со всеми сотрудниками и конечно же их детьми. Вхождение в экспеди-

¹ УДИ- участок детальных исследований

ционный мир оказался стремительным.

За годы, проведенные в степях, она привыкла к очень жарким солнечным дням, когда на небе месяцами не видно не одной тучки. Первые дни она чувствовала себя очень неудобно в новом климате. Несметные тучи комаров, холод и дожди, казавшиеся бесконечными, после пронизанной солнцем степи не придавали оптимизма. А лес буквально сдавил ей голову едва они с отцом переступили дорогу, отделяющую его от базы. Он пугал ее своей непроходимой чащей, хотя это была всего лишь сильно исхоженная людьми опушка.

Игры в войнушку с ребятами быстро научили ее ориентироваться, а со временем она и вовсе полюбила лес, особенно чарующие запахи и походы по грибы.

Она отлично провела оставшуюся часть каникул. Большой ватагой они ходили купаться на Верхний пруд, смотрели телевизор и проводили свободное время за разнообразными карточными играми. Приезжающие сотрудники обучали их новым и новым, так что, когда Фрося решила записать в блокнот правила, чтобы не забыть, у нее набралось двадцать две разных игры. Помимо игр на базе существовало столько интересных дел и занятий, что порой она не успевала запоминать их в бесконечно быстро сменяющимся калейдоскопе.

Повар Раиса Максимовна засушила им целый мешок сухариков, и они целыми днями грызли их вместо семечек. Для Фроси разительным отличием стало полное отсутствие белого хлеба. Если он и был, то напоминал скорее серый.

Нехотя ей пришлось научиться есть с ним даже бутерброды с шоколадным маслом. «А ты знаешь, что черный хлеб оставляет чувство насыщения организма гораздо больше, чем белый?» – спросила ее повар, глядя как она морщиться. «Нет» – искренне ответила Фрося. За столом все дружно кивнули.

Из детского дневника: «Наверное у каждого человека есть свои счастливые года или время, что питают человека его во все не урожайные периоды. Я так думаю о своей жизни в Лесном. В юные годы я очень удивлялась реакции дедушки, когда он рассказывал мне о своем детстве и его суровое лицо в этот момент буквально преображалось.»

В середине шестидесятых годов в Лесном начались полевые исследования торфяников для решения мелиоративных задач, главным образом осушения местных болот. За несколько десятков лет, болота осушили, создали мощную оросительно – осушительную систему каналов и прудов, с опытными участками для проведения экспериментальных исследований. По завершению строительства и ввода в эксплуатацию их система заняла призовое место на выставке, проходившей на ВДНХ², получив серебряную медаль. После создания в Москве Проблемной научно-исследовательской лаборатории по разработке теоретических основ совместного управления водным, солевым и тепловым режимами мелиорируемых земель, на базе опытно – производственного

² ВДНХ- Выставка достижений народного хозяйства

участка Лесное на постоянной основе проводилась большая научная деятельность.

На краю большого села Лесное, в Белорусской республике выделили гектар земли и постепенно его с двух сторон окружили дома местных жителей. Со временем ее отлично обустроили, создав все условия для научной деятельности, с биохимическими, микробиологическими и агрохимическими лабораториями, с самой передовой на тот момент измерительной аппаратурой и вычислительной техникой, для проверки теоретических изысканий в натуральных полевых условиях. Появилась столовая, баня, огромный гараж, совмещённый с ремонтной базой, не только машин, но и разного рода оборудования по обслуживанию их системы. В первый момент Фрося буквально обомлела от созерцания высоких комфортабельных коттеджей из белого кирпича. Таких домов она не видела даже в Краснодарском крае, где средний уровень жизнь намного выше, чем в любом другом уголке России.

Вдоль дорожки, выложенной светлой плиткой в два ряда, ведущий через всю территорию, посадили кусты красной и черной смородины, яблоневого и другие фруктовые деревья. Имелся большой парник, где сотрудники выращивали для себя помидоры и огурцы. На небольшом огороде как правило высаживалась зелень и другие овощи, все что они успевали вырастить за основной сезон, он начинался в апреле, а заканчивался как правило в октябре. В зимний период жизнь

практически вымирала, не то, что сотрудников на базе совсем не было, хотя конечно основная масса уезжала в Москву или Минск. Как правило минчане приезжали большими группами на сенокос, занимаясь проблемами обеспечения животных кормами. В Лесном испытывались новые технологии, с целью обеспечения стабильного и устойчивого урожая сена. Сотрудники начинали питаться в две смены, да и в лабораториях стоял жуткий гул. Со временем, к уборке сена, стали привлекать подрастающую молодежь. За работу им неплохо доплачивали, выдерживать адский труд, не привыкшим к сельской жизни ребятам было совсем не просто. Они потом долго жаловались на боль в спине, руках и коленях. На что мудрый начальник базы Абрам Моисеевич Коган, а по совместительству руководитель одной из полевых групп указывал на спортивную площадку со словами: «Спорт – это секретное оружие, которое всегда с тобой!» Его сын Иосиф, в быту просто Йося парировал отцу: «Ага! Скажи еще, что нужно поддерживать крепость тела, чтобы сохранить крепость духа!» Он приходился старожилом, как и дочь повара Жанна, оба на два года старше Фроси. Они знали всех местных жителей и по-свойски здоровались с ними, а те нередко угощали их припасами собственного производства, как правило домашней колбасой или салом с чесноком, не говоря о семечках.

Толик, с редкой фамилией Заяц и манерой гонять на предельных скоростях отечественного автопрома, стал их неза-

служенным наказанием. Он мог запросто забыть про них, и они часами ждали заветный синий грузовик с открытым бортом. Особенно часто это происходило, когда начинался дождь. «Это все по закону подлости!» объяснял им Вознесенский, пока сам не попал под ливень. И чем сильнее дождь лил на их светлые головы, тем дольше задерживался грузовик. К его приезду они как правило оказывались до ниточки мокрыми. Заяц признавал только педаль газа, а тормоз считал признаком слабости. Он любил прибавить скорость особенно на поворотах, тогда они, крепко вцепившись друг друга, пытался не вывалиться в открытый борт. Угрозы не действовали, замечания он пропускал мимо ушей.

Жанна проживала на противоположном конце базы, на границе с лесом, в доме, где располагалась кухня и «Красный уголок» с телевизором и знаменем в углу. Не пода леку находилась столовая и баня с прачечной. Из девочки, она буквально за один год сформировалась во взрослую барышню и в свои четырнадцать лет выглядела гораздо старше. Лицо с правильными чертами лица, улыбкой во весь рот, длинными выющимися волосами и фигурой с большой упругой грудью и широкими бедрами заставляли оборачиваться в ее сторону буквально все мужское население Лесного. Рядом с ней Фрося выглядела подростком, пока без гендерных признаков и оттопыренными ушами. Несмотря на это, взрослая девушка выбрала ее в свои главные наперсницы.

Жанна второй год работала, при чем официально, техни-

ком и ездила на УДИ собирать данные температуры воздуха и почвы по точкам на поле два раз в день, при чем в строго определенное время, в обязательном порядке записывая данные в тетрадь. Сметнув, что Фрося девочка умная, она сразу взяла ее на замеры. Вначале она проверяла за ней данные, а потом стала доверять, сложного в их работе ничего не было, главное внимательность и соблюдение алгоритма. Фрося аккуратно присаживалась на узкую раму старенького велосипеда, заботливо выкрашенного в ярко зеленый цвет. По дороге Жанна красиво и громко пела песни, особенно ей удавалась: «Нарву букет и подарю той девушке, которую люблю...» У Фроси буквально замирало сердце, когда они выезжали на пустынную дорогу, идущую к УДИ. Он находился в пяти километрах от базы, там стоял небольшой кирпичный домик, где была создана автоматизированная система управления водным режимом и комплекс измерительной аппаратуры с автоматической ежесуточной записью факторов внешней среды. В помещении постоянно трудились сотрудники разных мастей и званий. Вечерами, когда они второй раз за день приезжали снимать данные, в здании, как правило их оставалось не много. Фрося быстро научилась снимать показания не хуже подруги, после чего у них зародилась традиция залезать на крышу здания по пожарной лестнице и орать песни во весь молодой голос. Глядя на лес, поля и дорогу, уходящую в даль, они с удовольствием, подставляли лица ветру и жмурилась от его сильных порывов.

По выходным дням в местном клубе играла музыка и молодежь время от времени собиралась потанцевать. Ее, конечно, не брали, а вот Жанка ходила со всеми с удовольствием. Фрося одной из первых узнала про ее завязавшейся роман с соседским парнем Виталием. Он жил совсем рядом с базой, окна их дома упиралась в коттедж, где располагалась семья Вознесенских.

Это сейчас в эпоху мобильных телефонов и интернета задержка ответа на две минуты приравнивается к катастрофе. А в восьмидесятые годы двадцатого века вместо скайпа Жанке для переговоров с Виталием служило настежь распахнутое окно в их комнату, где они с ребятами предпочитали резаться в карты, шарады и прочие интересные игры наполнявший их прекрасный детский мир. Вместо СМС письма писались на обыкновенном клочке бумаги из старой школьной тетрадки. А уж вместо скоростного трафика для передачи сообщений служила верная Фросенька. Ей нравилось участвовать в перипетиях этой истории, и она совершенно не видела ничего зазорного, бегая от одного дома к другому. Внешне парень ей совершенно не нравился, она искренне не понимала, что нашла в этом «стручке» эффектная подруга, как его прозвали на базе, наблюдая за ежедневными похождениями вдоль периметра. Фрося старательно пряталась, разыгрывая роль разведчика. Пару раз ее ловили, перехватывали записки и ругали прилюдно в «Красном уголке». После чего она окончательно отказалась работать связной и

переписка перешла в дупло крупного дерева в лесу, не пода леку от базы. К концу лета у Жанны скопилось аж сто две записки, ее это веселило, и она хвасталась ими перед местными девчонками. Ребята совершенно не понимали ее игру.

Так лето, не заметно, день за днем подошло к концу и пришла пора разъезжаться. Жанна оставалась с матерью, Фрося с родителями и большой группой сотрудников села в грузовик, так безапелляционно отвезший их на остановку автобуса, откуда путь пролегал в столицу республики Минск.

Глава 4 –

Рождение хищников

Всю зиму и весну Фрося переписывались с Жанной и Йо-сей, ей хотелось быть в курсе событий, а главное кто и когда приедет в Лесное.

В конце учебного года Фрося категорически отказалась уезжать с тетушкой на хутор, твердо заявив, что хочет находиться вместе с отцом и матерью. Разразился громкий скандал. Провожать ее на вокзале они пришли все вместе. Женя сильно расстроилась и совершенно не скрывала своих эмоций. Девочка не смотрела ей в глаза, в глубине души переживая, что тетушке будет тяжело управляться с маленьким братом. Ей очень понравилось в Белоруссии, не смотря на непривычный климат, а особенно пугающий лес. Лесополосы, обрамляющие гладкие как лист бумаги поля в Краснодарском крае не шли ни в какое сравнение. В основном они состояли из жердевых или тутовых деревьев и сквозь них

виднелись поля, находящиеся напротив. А тут росли настоящие елки, ели, дубы и много других широколистных деревьев и кустарников.

Покидая вокзал, тетя окончательно поняла, что племянница на хутор не приедет и останется на все лето в экспедиции. Она обиженно поджала губы, нервно дернула сына за тонкую худую руку и повела прочь от уходящего поезда.

Начало лета они соткали как под копирку предыдущего. С той лишь разницей, что перечень приключений у них сильно расширился, да и дружба стала сильнее. Переписка между двумя молодыми постепенно людьми наладилась, но не на долго. Хождение дочери за пределами базы вывело Александру Федоровну из себя, а узнав, что происходит на самом деле, она устроила грандиозный скандал. Так что Жанна с Виталием не так часто могли теперь обмениваться записочками через надежные руки. Они попытались передавать письма, как и в прошлом году через дупло на дереве, но и в лес много набегаетесь. Из окон кухни за Жанкой зорко следила ее матушка, ей совершенно не нравились отношения дочери с местным парнем.

Время шло, они стали часто ездить купаться на Верхний пруд, входящий в их же осушительно – оросительный систему, ближайший к Лесному, достаточно большой, с уложенными бетонными плитами почти по всему периметру. Ребята вольготно расположились на пледике, играли с азартом в карты, слушали шебаршащее радио и вовсю наслажда-

лись отдыхом. И тут появился Виталий на новом мотоцикле, да еще в паре с симпатичным школьным товарищем Лехой. Они демонстративно затормозили буквально на краю полосатого прямоугольника, и Виталий принялся газовать, обдавая их едким дымом. На все попытки их образумить, он лишь орал, что им исполнилось по восемнадцать лет и оба собираются идти в армию. Причем Виталий во все услышанное заявил, что обязательно поедет воевать в Афганистан. Йося вспомнил, как любимый аспирант ее отца, Митя Яковлев, обзывал парня идиотом и не мог с ним не согласиться. Он решился урезонить мотоциклистов, те лишь уехали на разворот в конце дамбы и вернулись к ним через несколько минут. Жанка попыталась прогнать их, показывая на лежащих ребят, Виталий никого не слушал. Он гордился собой, своим мотоциклом и перспективой пойти служить в горячую точку. Своими ревушими моторами они совершенно испортили им отдых. Примерно через час они уехали. Йося всегда умел поднять им настроение очередным анекдотом в тему: «Группа советских военнослужащих летит в самолете в Афганистан. Командир говорит: «За каждую голову душманов вы будите получать деньги. Самолет делает остановку, все разбегаются и возвращаются с головами. А командир и говорит им: «Вы что, с ума сошли, мы еще в Тбилиси!»

Не говоря про отдых на воде, ребята любили поиграть в войнушку, как это принято у большинства советских детей. Память о Великой отечественной войне жила в сердцах всех

поколений. Недалеко от заветной полянки, где по субботам они жарили шашлыки и пели песни под гитару решили соорудить блиндаж. Рыть его начали еще несколько лет назад, а вот обустроить заново в этом. Активное участие приняли все дети экспедиции. Они подошли к делу ответственно и профессионально. Йося скептически взглядываясь в усланную хвойными ветками глубокую яму рассказал очередной анекдот: «Правда, что в советских лагерях отличные условия?» – «Конечно, поэтому оттуда редко выходят.» Все посмеялись и продолжили мастерить маскировку. Сверху блиндаж тщательно прикрыли толстыми ветками деревьев и завуалировали под окружающий пейзаж. Все остались очень довольны достигнутым результатом, и игра набрала новые обороты. Их веселый смех, возня целыми днями с друг другом, сильно не нравилась только одному человеку – Виталию. В пылу сражений и бега по лесу его худосочную фигуру заметили не сразу. Парень безумно ревновал Жанку и не придумал ничего лучшего, как бросить в блиндаж огромную банку с карбидом, понаблюдав за бурной реакцией, он поджег выделившийся газ. Результат превзошел все ожидания – громкий хлопок, яркая вспышка. Прогредел настоящий взрыв. Митя первым выбежал на крыльцо химической лаборатории, в простонародье химички, с ее деревянного крыльца хорошо просматривался лес и их полянка, блиндаж находился дальше. Он по-настоящему испугался! На полном серьёзе он решил, что дети изобрели порох, не даром они время от времени что-

то искали в лаборатории, особенно когда не было взрослых. Вместе с Раис Максимовной они поспешили в лес, их детей там, к счастью, не оказалось. Они лишь увидели клубы дыма и убегающего в глубь леса Виталия. Блиндаж он разрушил полностью. Митя не выдержал и вновь обозвал его законченным идиотом. Вновь случился грандиозный скандал!

Взрослое население базы единодушно выразило всеобщую обеспокоенность за подрастающее поколение. В «Красном уголке» людей собралось так много, что виновникам не хватило места. Коган попросил удалиться часть сотрудников, оставив родителей и старожилов. Очередное собрание по поводу не достойного поведения молодежи стартовало с весьма красочного описания Митей бомбометания какого-то там Виталия. Фрося сидела пунцовая, отрицательно мотала головой на все вопросы о любовных записочках, Йося тихонько ржал, Жанка сидела заплаканная. Громче других выступил заместитель Когана из Москвы Тышковский. Больше всех досталось Вознесенскому и его Митеньке. Именно тогда неприязнь к «особо умным», по его выражению, стала очевидна для всех. Впрочем, он сильно ошибся, прилюдно обидев дочь и сына Александры Федоровны, бойкая женщина нашлась чем ответить. Даже Фрося не ожидала такого адвокатского таланта у матери. Она в красках рассказывала, как дети помогают сотрудникам на полях, ходят за хлебом и молоком, проявили чудеса инженерной мысли при строительстве блиндажа и не их проблема, что местное население ди-

кари, как аборигены Америки. Все дружно обернулись в сторону молодежи. И тогда впервые Тышковский произнес: «Да какие они дети? Они же натуральные хищники!» Молчавший до этого Вознесенский вдруг открыл рот: «Тот самый момент, когда каким бы грозным хищником ты ни был, всегда найдётся хищник погрознее.» Смех, прокатившийся по комнате, красноречиво показал истинную расстановку сил. А тут и Митя подал голос: «Вчера купил тёще билет в цирк на первый ряд, на представление с живыми львами и тиграми. Сижу, натираю ей туфли барсучьим салом.» «А вот угрожать мне не стоит!» – взвился Игорь Семенович: «Я быстро доложу в Москву!» Тут уже не стал молчать Коган: «Не хватало еще, чтобы в Москве нас и правда в Шапито переименовали! Думаю, все поняли и осознали?» – заметив, как они дружно согласились, он продолжил: «И так ставлю на голосование, первое, осудить за не подобающие отношения с местным жителем» Жанка кивнула. «Второе, вынести последнее предупреждение о недостойном поведении в среде советской науки» – кивнули все: «И назначить наказание в виде поездки на полигон за ягодами! Компот варить не из чего! Хищники едут все!»

«Ишь ты, хищниками нас окрестили!» – присвистнул Серега и тут Марина, дочь Ольги Яковлевны, сотрудницы их проблемной лаборатории института с выражением произнесла: «Леса Амазонки, большой водоём. Зелёная гадина плавает в нём. Какой-то туземец попить захотел – Давно кро-

кодил так сытно не ел.» Все долго смеялись, от обычно тихой, молчаливой девушки, в желтой панамке и круглых очках, не выпускающей книгу из рук, никто подобного не ожидал, видимо не просто так говорят, что в тихом омуте черти водятся.

После случившегося Коган серьёзно задумался как ему поступить в сложившейся обстоятельствах. Прекрасно понимая, что молодежи нужно найти нормальное помещение для игр и развлечений, чтобы они оставались на виду, в тоже время не мешали научному процессу и не бродили стайкой по домам, мешая сотрудникам отдыхать. Их шумные молодые голоса не замолкали ни на минуту! И это всех утомляло! Когда он открыл двери зеленого вагончика, именуемый «муравейник», что стоял наискосок от химички, то остался очень доволен. В свое время кто-то из ученой братии решил потравить там муравьев, переборщил с дозой отравы и уже несколько лет он стоял как «бельмо на глазу». Зловонный запах не уходил, не смотря на влажные уборки и практически круглогодичное проветривание помещения. Места на всех не хватало, он увеличил плотность проживающих в комнатах. Несколько раз он безуспешно пытался заселить в «муравейник» все прибывающих и пребывающих сотрудников, больше суток никто из людей не выдерживали и переезжали в более приспособленные комнаты. Шесть лет «муравейник» не использовался по прямому назначению. Получив согласие от Тышковского он позвал Жанну и вручил ей клю-

чи. «Владейте и царствуйте! Только аккуратно! Мы будем в курсе, что у вас происходит!» После истории с карбидом желание поиграть в лесу у них сильно поубавилось. С песнями и прибаутками они вымоли помещение от пола до потолка, а Раиса Максимовна нашла симпатичные занавески. Жанна поставила вазу с цветами, и атмосфера в их домике стала более чем душевная. Йося же подытожил очередным анекдотом: «Сколько котлет можно сделать из ста граммов фарша?» – «В обкомовской столовой – две, в общепите – десять, а в студенческой – сто.»

Большую часть свободного времени они теперь проводили в своем «муравейнике». Виталий лишь старательно сопровождал их на замеры, чтобы как можно больше видеть свою ненаглядную Жанночку. Причем старался подъехать так близко на своем железном коне, что Фрося каждый раз опасалась, что он их собьет или повредит ее торчащие ноги. Жанка как могла уворачивалась от его мотоцикла, парень совершенно не хотел понимать, насколько опасны его игры на колесах. Позже к нему стал присоединяться и Леха. Так девочки ездили с картежом, с двух сторон окруженные мотоциклами. Лазить на здание УДИ они практически перестали, посторонние на научный объект не допускались. Пока они собирали данные, парни стояли на обочине и время от времени газовали. Так что у молодой, полной сил красоты и здоровья девушки появилось два кавалера. По окончании замеров они играла с ними в карты, Жанна флиртовала по-

переменно то с одним, то с другим, что не могло не броситься в глаза наблюдательной Фроси. Через какое-то время де-вушка и вовсе стала ездить на замеры сидя на мотоцикле с одним из ухажеров. Коган, как и Раиса Максимовна махнули на нее рукой, прекрасно понимая, что никаких выводов она не сделала.

Тут и решил хитроумный Коган попробовать выселить хищников. На жалобы Тышковского, что они рисуют шаржи на всех членов, экспедиции он реагировал вяло, прикрываясь фразой, что в СССР это модно, современно и актуально для всех слоев общества. Они вошли в их «муравейник» незаметно, громко работало радио, а ребята с упоением резались в карты. Их взору предстал пол по щиколотку, заваленный шелухой от семечек и стены, украшенные новой экспозицией. Семечки им регулярно поставляли местные жители. Тихоня Марина нарисовала такие шаржи, что даже Йо-ся присвистнул, увидев подпись по портретом Тышковского: «Я художник, я так ненавижу!» Подпись под Митькиным изображением и вовсе вызвала истеричный смех: «Вот интересно, где эта тончайшая грань между голой бабой и искусством?» – памятуя, как с виду скромный аспирант разбирает женские формы, порой не стесняясь подрастающего поколения. Под портретом Когана горело ярким пламенем фраза: «Был бы Малевич настоящим евреем, он бы написал "Белый квадрат", сэкономив при этом банку черной краски». – с такой характеристикой согласился даже его любимый сыно-

чек. Тышковский аж затрясся, он обошел всю галерею, повернул голову к притихшим хищникам и зловеще произнес: «Каждая выставка картин абстракционистов, авангардистов или нонконформистов приносит пользу – она повышает интерес к профессии бульдозериста!» Сидящие ничего не поняли, тут на пороге появился Митя, а затем и научный руководитель экспедиции. Аспирант остановился напротив своего портрета и через какое-то время произнес: «А у меня знакомый скульптор жену высек! – Из гранита? – Какого гранита? Взял резку, да по заднице!» «Вот, вот!» – обрадованно затараторил Игорь Семенович. Вознесенский тоже не остался в долгу: «А что такое авангардное искусство? – Это когда думаешь, что попал на выставку детского рисунка, а оказалось, что взрослого гения!» Хищники громко захлопали, Коган не поддался: «Ограбили Художественное училище. милицейские еще не поймали грабителя, зато у них есть штук 50 рисунков с его портретом. И все разные.» «Что вы хотите этим сказать?» – первой не выдержала Жанна, не понимая куда тот клонит. «Будем выселять!» «За что?» – округлив глаза спросила Мариночка. «Да за все!» – Тышковский развел руки и обвел взглядом вагончик: «Не соблюдение правил гигиены и порядка! Не уважение к старшим» – он указал рукой на портреты: «Продолжать можно бесконечно! Ах, да! Еще и аморальное поведение!» – и он показал на карты. «Вы такой аморалкой два раза в неделю занимаетесь!» – упрекнул его Йося, чем еще больше подлил масла в огонь. Коган по-

чесал лысину: «Даю время до конца недели обратиться и принести мне ключи!» «Ах, да! Я еще поставлю вопрос о собрании! Вынести так сказать социалистическое порицание!» – не унимался Тышковский. Тихоня Вознесенский не выдержал: «А что мы будем на нем обсуждать – Я художник, я так ненавижу!» Зам прикусил язык и быстро вышел на улицу. С ними остался Митя и долго смеялся над каждым портретом, на прощанье вспомнив анекдот: «Если художника долго не признают, он становится карикатуристом!»

«Муравейник» ребята дружно отмыли, при этом долго выметали шелуху от семечек и выносили главное достояние шаржи Мариночки. «Мы их на собрание возьмем! Пусть все оценят» – Серега подбодрил юный талант. Юмор оценили все. Митя тут же предложил устроить аукцион. «А чем расплачиваться будем?» – урезонил его Тышковский. «Конфетами» – быстро сообразил Митя. Борьба за обладание шедеврами шла долго и упорно. Больше всех конфет предлагали за его же портрет, пышногрудые женщины, не меньше третьего размера, как любил говорить сам аспирант, стали объектом вожделения многих мужчин экспедиции. Однако раскошелился сам Митя, половинкой сырокопченой колбасы и пакетиком шоколадных конфет «Белочка» и «Мишка на севере». «Не плохо!» – подытожил Серега, собирая в бумажный пакет из биологической лаборатории честно заработанные припасы: «На недельку нам хватит!» Коган оценил богатство: «Чтобы убить двух зайцев, нужно иметь не двустволку, а смекалку!»

Тышковский попытался напомнить всем про собрание, его никто не собирался слушать, особенно Александра Федоровна, ей достался его же портрет, и она спешила повесить шедевр на стенку. «Я художник, я так ненавижу» – прочитала она вслух подпись и торжественно покинула комнату. «Между прочим, это самый дорогой лот после Мити! Я лишилась коробки сливочной помадки и банки земляничного варенья!» Тышковский заметил, как Серега убирает в пакет сладости, не выдержал и произнес: «Только аукционист может в равной мере и беспристрастно восхищаться всеми направлениями искусства.» «Это кто сказал?» – не выдержал Митя. « Оскар Уайльд » – подчеркнул тот свою образованность, выпуская из «Красного уголка» счастливых обладателей искусства.

Потрясение хищников не было предела, когда к ним на пруд приехала на велосипеде запыхавшаяся, вся красная Фрося и рассказала, что в «муравейнике» поселили студентов из калужского сельхоз техникума. «Как?» – Йося приподнялся на локтях: «И отец даже мне ничего не сказал! Вот динозавр! Вот же старый лис! Обвел нас вокруг пальца!» «Да еще виноватыми сделал» – Фрося напомнила про вчерашнее собрание. Так кличка прилипла ко всему «Вермахту», как на базе до этого именовали руководителей. «Вермахт» не политкорректно, не однократно указывал им Митенька, а вот динозавры оказалось в самый раз. Мариночка, по своему обыкновению сидящая на это раз розовой панамке и тол-

стых очках, очнувшись от очередной книжки и громко произнесла: «Око за око! Зуб за зуб!» Сергей аж поперхнулся, от тихого одуванчика, за которого ее все принимали они такого не ожидали. «Это где ты такое вычитала?» – спросил он ее осторожно. «Из Библии!» – как ни в чем не бывало продолжила девушка. «Ух ты! А я-то думал, что это миролюбивая книга!» – присвистнул Йося. «Не очень!» – подытожила Марина: «Пусть монахи сами разбираются! А нам нужен план страшной мести!» Жанка тут же перевернулась и села на свою пятую точку. Вот уж поистине в тихом омуте черти водятся, а она не верила матери, что так говорила ей про подружку. Та лишь отложила книжку в сторону и продолжила: «Мы когда с вами последний раз фильм «Ва-банк³» смотрели?» Фрося не задумываясь ответила: «Позавчера!» Йося утвердительно кивнул: «Кто ж не смотрел его 5,6, а то и 10 раз?!» «Точно! То ты и не экспедиционер» – подытожил Серега. Все дружно кивнули. Жанка всех опередила: «А при чем тут фильм?» «Ухо от селедки? Помните?» – и она подергала свою мочку. «Ты хочешь отомстить Вер...» – Серега осёкся на полуслове: «То есть динозаврам?» «Да! Дело чести!» – она гордо вздернула головой. «Ты конкретно, что-то предлагаешь?» – осторожно спросила Фрося. «Нет конечно! Вы же мозговой центр!» «Лестные слова часто вынуждают людей действовать. Это еще Льюис Керолл знал!» – Йося

³ Фильм «Ва-банк» – дебютная криминальная комедия 1981 года Юлиуша Махульского.

блеснул эрудированностью: «Силы не равны! Нам придётся идти буквально по лезвию ножа!» Сергей тяжело вздохнул, а Фрося поддержала Марину: «Суслик правильно говорит!» не стеснясь она обозвала ее кличкой, за любовь к сушкам, ела она их килограммами, совершенно не поправляясь: «Вабанк нам идти не впервой!» Сначала идеи не приходили в их светлые головы, пока Серега не вспомнил как они бегают из химлаборатории к их отцу, если звонили из столицы. Жанка достала тетрадь для замеров, из нее без зазрения совести выдрали несколько листов и принялись чертить план. «С Митькой, профессурой и Коганом все понятно!» – подытожила Жанка: «А что мы будем делать с Тышковским?» Повисла неловкая пауза: «Этот жадюга живет там за стенкой!» «Я бы вообще подсыпала ему слабительное!» – обиженно промолвила Суслик, вспомнив как они таскали воду, мыли вагончик, а потом целыми днями дышали воздухом, пропитанным не понятным содержанием. Ее беспокойная мать, поначалу даже не пускала ее к ним, опасаясь за поздно рождённую дочку, пока ученый муж не успокоил: «Мы делали замеры. Да запах имеется. Концентрации загрязняющих веществ в норме!» «Добрая ты душа» – подначила ее Жанка, Йося махнул рукой и сказал, что это идея. «А у матушки есть еще и снотворное! Давайте смешаем ему этакий коктейль Молотова» – продолжала воинствовать Суслик. «Откуда что берётся!» – промолвила потрясенная Жанна. «Ну ты и зверь!» – не выдержал Серега. Йося всех остудил: «Нет уж! Давайте

выберем что – то одно! В зависимости от ситуации!» На этом совет Большого пруда они решили заканчивать, подходило время замеров, а им грести сено с минчанами. «А как мы озаглавим операцию?» – перед тем как сесть на велосипед спросила Жанна. «Ва-банк конечно! Никто и не догадается! Подумают, что мы фильм обсуждаем!» – напутствовал Йося: «Хочешь спрятать камень, положи на берегу моря!»

Фрося забежала в дом, в тот самый момент, когда чай уже заварили и разлили по химическим стаканчикам: «Мить!» – позвала она аспиранта: «Там мама твоя дозвонилась!» Аспирант сильно удивился, обычно они созванивались после восьми часов вечера. «Что-то случилось?» – невольно вырвалось у парня. Фрося пожала плечами и уселась на его место. Он попытался согнать ее, она рукой показала в сторону химички. Татьяна Васильевна, в быту просто ТВ, их главный биолог, а по совместительству соседка по дому, внимательно на нее посмотрела. Не один мускул не дрогнул на ее лице. Телефонная трубка встретила его гробовой тишиной, сотрудники же дружно подтвердили, что звонила Альбина Михайловна. Митя сильно удивился и решил перезвонить вечером. Он вернулся, его чай остыл, а бутерброд съела Фрося. ТВ не выдержала и прочитала: «Мяу!» – на Митиной спине красовалась аккуратно приложенная бумажка, а он даже не заметил кто и когда успел прилепить ее. А тут и Вознесенский не выдержал и произнес: «Мяу!» Митя в недоумении смотрел на хохочущих руководителей. Одна Александра Фе-

доровна насупила брови и не смеялась. Плохо она понимала юмор, особенно тот, что практиковался на базе. Вечером он заловил Фросю и погрозил ей кулаком. Она пожала плечами: «Я же просто так бегать не буду!?» «А бутерброд мой, зачем съела?» – не унимался аспирант. «Так я калории потратила! Нужно восполнять!» – вспомнила она новомодное слово, пришедшее с запада. «И откуда вы только все это берете?» – заулыбался аспирант, с мамой все оказалось в порядке.

«Абрам Моисеевич, вас Вознесенский просит! По какому-то очень важному вопросу!» – голова Жанны просунулось в окно: «Я на велосипеде проезжала, он просил вас зайти!» Он сильно удивился, они расстались буквально полчаса назад, но зная пышущий идеями мозг ученого, он докурил сигарету и отправился в сторону их дома. Жигули затормозили в аккурат напротив крыльца, где ученый муж мирно курил сигарету. «Что случилось?» – спросил он присаживаясь рядом. Тут же затушив сигарету он удивленно ответил: «Ничего! Мы же с тобой все обсудили!» «А мне Жанка сказала, что ты меня ждешь...» – и тут первые подозрения закрались в их светлые головы. «Хищники!» – дружно произнесли динозавры.

А за два дня до этого «вишенкой на торте» стала история с Тышковским. Таблетки снотворного, как и слабительные плохо растворялись в воде, и они решили их заранее подготовить, перелить в небольшие колбочки и уже только тогда незаметно подлить во время ужина или обеда, в зависи-

мости от обстановки. «Чай, как и компот все-таки сладенький!» – убеждала их Суслик. «А кто будет главным исполнителем?» – резонно уточнил Серега. «Я думаю Фрося» – Жанка протянула ей два небольших кулечка бумаги: «К ней меньше всего претензий!» «Ах, да» – решил уточнить брат: «Я их подписал, если что!» «А вдруг ее заберут с поличным?» – заволновалась Суслик. «Они все равно не догадаются!» Онито не догадаются, а вот когда пришел момент истины, Фрося в первый момент остолбенела, развернув одну и вторую бумажку, где на обоих красовалась буква «С» и что это – снотворное или слабительное, разбирать времени не было. Она растолкла несколько таблеток, залила их дистиллированной водой и аккуратно перелила в приготовленные колбочки, на которых Серега так же написал восковым карандашом «С» и «С». В обед диверсия чуть не сорвалась, один из сотрудников заметил, как Фрося достала колбочку и спросил, что это. «Да, мама просила занести, а я забыла» – она быстро вышла на улицу и сделала вид, что идет в лабораторию. Состоялся новый совет на Большом пруде, где они решили передать миссию Жанке, ввиду наличия такого аксессуара, как лифчик. Туда она поместили колбочки, да и на кухне она часто помогала матери. Вечером им удалось подлить в стакан содержимое одной из колбочек и Фрося, вызвавшаяся ей помочь, а больше загораживая подругу, передала все Тышковскому, а затем принялись раздавать чай остальным сотрудникам. Начинали они всегда по старшинству, Коган уехал, а

ученый муж вечно опаздывал.

«А разве сегодня твоя очередь на раздаче?» – поинтересовался Митя. Дотошный аспирант всегда знал, кто и когда стоит в очереди. «Суслика!» – посмотрев на Марину заступился Йося, в надежде перевести внимание: «Фроська не ответила на вопрос можно ли зажечь спичку под водой?» Повисла тишина и пауза, так важная в их непростой задумке. Фрося тяжело вздохнула. Многие засмеялись, а Игорь Семенович спросил: «А разве можно?» Йося победно кивнул головой: «Конечно! Если вы в подводной лодке.» Все засмеялись, удивляясь их находчивости, а они закончили свое черное дело.

Наблюдать за сооружением с красноречивыми буквами «М» и «Ж», в простонародной речи «заветное место», вызвался Йося, Серега решил поддержать его. Они забрали бинокль с УДИ и примостились на крыше лаборатории, с такого ракурса путь в закодированное место просматривался как на ладони. Сотрудники сновали то туда, то сюда, зам появился лишь единожды и пропал. Они пролежали до двух часов ночи, он так и не появился: «Значит снотворное!» Его не видели на завтраке и даже на запланированном совещании по поводу испытания нового прибора для измерения кислорода в воде. Коган стучал в его дверь долго и упорно, в ответ слышал громкое похрапывание. «Странно конечно» – подытожил он произошедшее: «В карты мы вчера не играли. Спать легли вовремя. Сегодня же ответственный день!»

Кто-то даже спросил: «А он точно на базе? Не уезжал?» Все отрицательно помотали головой. «Мы заходили в комнату!» Его здоровый и крепкий сон потряс даже бывалых сотрудников. Не смогли его добудиться, даже когда позвонили из Москвы, Митя не выдержал и проговорился в трубку: «Да он спит!» «Спит?» – удивленный возглас услышали многие. «Да пошутил я! Уехал он на испытания» – попытался выпутаться аспирант. Проснулся он ближе к обеду и так побежал в заветное место, что его прыти не удивились только хищники. На вопросы, что же произошло, он так и не ответил, пожимая плечами.

На следующий день Фрося вновь встала на раздачу. Митя уже не удивился, а лишь спросил: «А Йосе ты чем не угодила?» «Мне она не ответила какими нотами можно измерить расстояние?» Митя аж присвистнул: «Тут даже я бы завис в камеральной обратке!» Когда смех утих, Йосе злорадно проговорил: «МИ! ЛЯ! МИ!» Хищники дружно зааплодировали, а Фрося продолжала передавать стаканы.

Последним они разыграли Вознесенского. Он понял их игру и находился все время на страже. Хищники это поняли, но и они были не промах. Суслик вместе с Фросей как ни в чем не бывало отправились в библиотеку, дело привычное, читать школьную программу хочешь не хочешь, а приходилось. «Ты любыми способами отвлекаешь библиотекаряшу, я звоню» – напомнила она еще раз. «Алло! Это Лесное?» – подражая Александре Федоровне, накануне уехав-

шей в Москву, Суслик попыталась симитировать ее голос: «Да! Вознесенского! Хорошо! Жду!» Фрося поставила в тупик библиотекаршу попросив почитать Библию, та повела ее к стеллажам, выбрать что ни будь попроще. Шепотом она сказала, что книг религиозного толка у них не предусмотрено. «Ты бы поосторожней, деточка» – зачем-то оглядываясь по сторонам, она тихонько ее напутствовал: «Мало ли что?» Неожиданно библиотекарша услышала голос Суслика и решила немедленно вернуться, Фрося ее резко остановила, дернув за рукав вязанной кофточки и тихо промолвила: «Она у нас не в себе! Видели очки и шапочку!?» Тетенька кивнула и приложив ладонь ко рту продолжила: «Вот и я думаю, что это она столько книг прочитала! Волей неволей, умом тронешься!» Фрося кивнула в знак согласия: «Вы лучше мне тогда Конан Дойля дайте, раз уж религиозный культ под запретом!» Услышав, что Суслик замолчала, Фрося вернулась к стойке и записали книгу на свой счет. «А вы что ни будь брать будете?» – осторожно спросила ее сотрудница, та отрицательно мотнула головой и сквозь зубы произнесла: «Никто не знает, что принесет тебе восходящее солнце!» Библиотекарша вздрогнула и посмотрела на Фросю, та загадочно улыбнулась и шепотом ответила: «Это тоже из Библии!»

Молоденька лаборантка, только что приехавшая в Лесное, в глаза никогда не видевшая Александру Федоровну наслышалась про ее властный характер: «Ей дорогу лучше не пе-

реходить» — напутствовали коллеги, и она стремглав бросилась в сторону их дома, где Вознесенский сидел за вычислительной машиной вместе с Митей. Комната камеральной обработки находилась в их коттедже. Он, не смея злить уехавшую супруг, оставил свои формулы и поспешил к телефону. Взяв трубку, послышались протяжные гудки. Серега сидел рядом и исподлобья наблюдая за происходящим. Не успел отец положить трубку, как раздался звонок, и он действительно услышал незабвенный голос их матушки. Он чуть не поперхнулся чаем выслушивая ее возмущения: «Я уже третий раз звоню! А у вас все занято и занято! С кем вы там разговариваете?» Засчитать это розыгрышем или нет они и сами не знали, судя по тому, как попало ученому мужу, решили, что «ухо от селедки» он свое получил.

Хищники сидели в столовой на своих законных местах, в самом конце длинного предлинного стола, что тянулся через все помещение, с длинными лавками с обеих сторон, под большим натюрмортом с фруктами. И тут неожиданно для всех Коган достал бумажку и попросил передать ребятам. Тышковский попытался развернуть ее, он показал ему кулак и письмо благополучно дошло до адресатов. Йося осторожно взял послание, и они дружно уткнулись в него внимательными глазами. На листочке в клеточку красовался зарытый в землю топор и надпись: «Хочешь мира, готовься к войне!» Они дружно засмеялись и посмотрели на динозавра, Жанка не удержалась и выдала: «Фиг вам!» За что получила пинок

под столом, а он стукнул ложкой по столу. Победа одержана, но динозавры просто так не сдадутся, они им прямо об этом намекали. Йося поднес руку к мочке уха и Коган сразу узнал жест из фильма «Ва-банк» и почесал лысую голову. «С нашими хищниками не соскучишься» – подытожил он удивленные взгляды сотрудников, и только Вознесенский с Митей поняли суть происходящего. О том, что Тышковский тоже стал жертвой, они догадались сразу, а вот выдавать собственных детей они благоразумно не стали.

Митя жил в одной комнате с Серегой и регулярно проводил ритуал по истреблению комаров, не говоря про залетевших мух. Убивая очередное насекомое, он не выдержал и спросил, чья это идея с «ухом от селедки». Рыбанька отложил газету и усмехаясь произнес: «Не за что не угадаешь! Суслика!» От неожиданности Митя пошатнулся и упал со всей силы на свою пятую точку. Железная кровать отчаянно взвизгнула, даже лежащий матрас не смог амортизировать стремительное падение. Тут же в дверь постучали, Митя сразу предупредил, что все в порядке. За дверью он услышал смешки минчан: «Какие две самых противоположных стороны в мире? – Митя и камары⁴!» Он с трудом встал с постели, открыл дверь и показал им свернутую газету. Минчане подняли руки вверх и разошлись со смешками по своим комнатам повторяя: «Масквіч! Ды і толькі!⁵» Ко-

⁴ Комары – на белорусском языке

⁵ Москвич, да и только – на белорусском языке

мары как по команде испарились, и Митя показал жестом, что он в полном недоумении. «Да!» – победно продолжил Серега: «Мы тоже принимали ее за блаженную. Сидит с нами, книжки читает. Сушки грызет, как не в себе, а тут оказывается Мориарти в юбке!» «А я-то думал, что яблоня от грушки не далеко падает!» – намекнул Митя на ее матушку, взбалмошную городскую сумасшедшую. «Кто знает! Кто знает!» – подражая голосу Шерлока Холмса проговорил Серега.

Тышковский, как человек не глупый и проницательный предполагал, что это могла быть чья-то злая шутка. Через несколько дней Фрося вновь стояла за раздачей. «Вот только снотворного мне больше в стакан не примешивай!» – он не выдержал и промолвил достаточно громко, от чего она и выронила пустой стакан из рук, еще хорошо, что он не разбился, до провала «Штирлица» оставался один шаг, пока она искала стакан, из кармана рубашки предательски выпала бумажка и, как назло, раскрылась на букве «С». Игорь Семенович аж подпрыгнул на скамейке, с проворством гюрзы наклонился и поднял листочек. «Вот! Вот видите! Тут так и написано – снотворное!» – победно показывал он свою находку. «А я ничего не вижу!» – не теряя холоднокровия выдал Коган: «Буква Си на английском!». Фрося замерла, из ситуации попробовала выйти Жанка: «Кроме того, что Фрося в очередной раз не разгадала загадку, там ничего не начертано!» «Уймитесь вы уже со своими шарадами! Житья

от вас нет!» – привставая на ноги, буквально зашипел зам. Кто-то из сидящих сразу переспросил, что загадали. «Интерес на букву «С» – Жанка продолжала демонстрировать чудеса находчивости. «Фрося, ты хочешь до конца лета стоять на раздаче!?» – возмутилась матушка: «Соберись, тряпка!» – она развернулась в сторону дочери и гневно сдвинула брови. Первые слезы упали на пол и тут он пошел на попятную: «Шурочка, дорогая, ну зачем вы так жестоко?» «Это вы Игорь Семенович, обвиняете мою дочь в непредумышленном убийстве! Все знают про ваше негативное отношение к моему супругу, детей моих обижать у вас не получится!» – и она помахала перед его носом сложенной фигой. О том, что с ученым мужем у них отношения более чем натянутые, знали все, только не знали истинной причины. «Их обидишь?» – он показал на притихших хищников и тут Суслик загадочным голосом промолвила: «Смерть» и замолчала. В столовой повисла тишина и все головы повернули в ее сторону. «Смерть?» – удивленно переспросила Александра Федоровна. Розовая шапочка сняла очки и кивнула: «Интерес на букву «С» – Смертью пахнет!» «А она что ответила?» – матушка показывала на дочку, та едва сдерживалась от рыданий. «А она ответила – суслик!» – подытожил Серега и с шумом отхлебнул чайку: «Подумали, что мы ей так Маринку загадали!» «Вот видите!» – торжествующе проговорила Ольга Яковлевна, вставая на ноги и нависая грузной фигурой над столом: «Суслик – моя дочь! И не надо наводить

по напраслину!» Жанка сменила Фросю, а та ушла к себе в комнату, успокаиваться.

Поздно вечером они собрались на полянке, разожгли костер и долго обсуждали случившееся. «Это нам наука, что улики нужно уничтожать сразу! А где колбочки?» – обратился он к Жанне. «Так их Фрося забрала и помыла.» «Ты их точно утилизировала?» – строго спросил он у нее. «Конечно, правда тоже едва не запалилась. В самый неподходящий момент Ольга Яковлевна заглянула, искала Маринку. От неожиданности я одну уронила и разбила. Она меня заругала, буквы стереть я успела!» «Да уж, Штирлиц точно оказался на грани провала.» «И не говори!» – подтвердил Серега: «Он как сказал, что «С» – это снотворное!» Я подумал спалились» – все покивали головой. «Зато как все встали грудью!» Под треск искр, Фрося не выдержала и спросила у Йоси: «А ты не знаешь, почему Тышковский так взъелся на отца?» Все повернули головы. Он задумчиво покачал головой: «В общем то это не секрет... Два года назад в лаборатории произошел странный пожар, в нем погибли некоторые данные, что он собирал для своей диссертации, якобы за несколько минут до этого, там видела твоего отца... Скандал получился грандиозный! Доказать ничего не смогли, а Игорь Семенович заново их собирает.» Тут Жанка хмыкнула: «Тогда тоже никто не стал ему сочувствовать! Вот Мите да!» «А что Митя тоже пострадал?» – перебила ее Фрося. «Да, но немного! А отца твоего все поголовно защищали!» «Ни

фига себе! Так если бы он защитился, то скорее всего...» — тихо промолвила девочка и замолчала. Йося резко вскочил: «Его в тот день вообще не было!» «Да успокойся ты!» — одернула Жанка: «Его же никто не обвиняет.» «Пожарные тоже не нашли никаких следов поджога. Воняло правда не понятно чем!» — заступился за отца Серега. «Он величайший химик!» — загадочно подтвердила Жанка: «От осинки, не рождаются апельсинчик». Что произошло в тот год и почему сгорела рукопись на самом деле, отец не рассказал даже Фросе, сколько бы она не допытывалась. «Вот ты лучше признайся, вы всех уже разыграли?» Она усмехнулась: «Старожилов всех! А из новых, только яркие личности нам интересны! Тех, что понимают юмор и не обижаются! Вот мама с Ольгой Яковлевной к ним совершенно не относятся! Сколько раз пробовали, все мимо. Себе дороже. Решили на них больше не тратить время. На вас заодно тоже. Топор войны же закопан?!» — закончила она риторическим вопросом.

Топор войны хоть и закопали, но Коган решил использовать их молодую энергию в своих интересах. На базе много лет трудился старший научный сотрудник Рудковский, под его управлением находились так называемые автоматчики, сотрудники, отвечающие за автоматику и измерительные приборы. В проблемной лаборатории им поставили задачу изобрести новый прибор для измерения температуры и кислорода, содержащегося в воде. И под этой эгидой, старый решил осушить часть канала, с целью пополнения запа-

сов рыбы. «С добрым утром – утры!» – произнес он на пороге столовой. Хищники сидели в полном состава, даже Суслик не опоздала. Такой пунктуальности стоило поучиться. «Хищники!» – обратился он к детям: «За исключением Суслика и королевы полей мы все едим на УДИ!» Планы у Йося с Серегой были прямо противоположными. Они собирались поиграть в компьютерные игры, пока комната камеральной обработки оставалась не у дел. «Все пропало» – вздохнул Серега. «А вот и нет!» – расслышал Коган: «Рыба еще жива! Наберем! Насушим! Будет, что с пивом закусить!» – не удержался он от предвкушения. Ольга Яковлевна аж поперхнулась: «Что вы такое говорите! Этанол уничтожает клетки серого вещества, приводя к снижению умственных способностей!» «Успокойтесь» – обратился он к женщине: «Дегенерации мозговых функций нашим хищникам не грозит, пивом их угощать никто не собирается! Самим мало! А вот фосфор, содержащийся в рыбе полезен.»

Кое как, Йося с Сергой от поездки отбились, а Фрося не смогла. «А кто еще с нами поедет?» – спросила она у Рудковского, пока они ждали Зайца. «Бендь конечно» – Лев Николаевич показал на приближающийся грузовик. Александр Александрович Бендь – житель Лесного, работал на базе со дня ее основания, он оглох на одно ухо еще в детстве и вообще не отличался красноречием, скорее наоборот, из него с трудом можно было добиться хоть слова. За много лет все привыкли звать его только по фамилии, так что вновь при-

езжающие на базу ничему не удивлялись, а он тем более. «Бендь – это не человек! Это явление!» – часто говорил про него Коган. Явление поздоровалось со всеми кивком головы и молча закинуло оборудование в грузовик.

«Двенадцать градусов» – засунув палец в воду и облизав его, Бендь вынес свой вердикт. Фрося встала рядом и опустила термометр в воду: «Точно двенадцать градусов!» Его сверхспособности заметили не сразу, а уж поверили в их наличие только опытным путем. Самое интересное, он никогда не ошибался. Пришла очередь Льва Николаевича испытать созданное им оборудование. Прибор пискнул, замигал и показал двенадцать градусов. «Ура!» – раскатилось по всей системе каналов: «Работает! Едим дальше!» «Куда!?» – задержал его Коган: «А рыба?» «А образцы вода для определения кислорода?» – Рудковский держал в руках колбу. «Ты воду, а мы пошли рыбу собирать, а то местные узнаю, нам не достанется!» – Коган нес ведра и мешки.

Глава 5 -

История, леденящая душу

К середине лета Жанка окончательно запуталась между двумя кавалерами. Виталий оказался практически неуправляемым истеричным парнем. Он с утра до ночи орал под ее окнами, если она к нему не выходила для разговоров. Больше всего он напугал Фросю, когда стал сидеть с огромным ножом в кустах черной смородины, не пода леку от окон любимой девушки. Митька тоже едва не грохнулся в обморок

наскочив в темноте на парня и проворно отпрыгнув от зловеще сверкнувшего клинка. Не теряя ни минуты, он прогнал парня и тут же поспешил доложить о случившемся. «С этим законченным уродом нужно заканчивать! Нельзя допускать его на базу! Это же опасный человек!» – убеждал он Абрам Моисеевича. Тот и сам это отлично понимал, ему потребовалось не мало сил и времени заставить парня в врасплох. Он даже сходил с Митькой к его родителям, все бестолку. Из – за дня в день тот убегал от него сломя голову. И все же в один прекрасный момент он высказал ему свои пожелания не заходить на территорию: «К вам же никто без спросу не ходит?» – начал он дружелюбным тоном, с осторожностью наблюдая за тесаком. Виталий попытался спрятать его за пазуху и не дослушав, вновь умчался сверкая пятками. «Здесь вам не дом свиданий» – сделал он очередное замечание юной красавице и строго предупредил, что высылит ее вместе с матерью, если еще раз увидит незваных посетителей. Сотрудники собрали инициативную группу и отправились в дом к Виталию. Разговор вышел эмоциональный и теперь он не пересекал огороженную территорию, а истошно орал из-за забора. Слово Афганистан не переставало сходить у него с губ. Однажды Митя не выдержал и прокричал ему, чтобы тот собирал документы и шел наконец отдавать долг Родине. Только Йося в привычной своей манере рассказал очередной анекдот: «Ночью муж начинает стонать во сне, а потом с криком просыпается. Жена сквозь сон: – Что опять

Афган снился? – Нет, свадьба...»

Понимая, что дело плохо, Жанка решила окончательно расстаться с невзрачным парнем ради симпатичного Алексея. Он не писал ей душевных писем, зато с ним она чувствовала себя спокойно и весело. Алексей катал ее на новом мотоцикле и выполнял любые желания. Теперь она самостоятельно договаривалась о встречах и не предупредив никого, уходила по своим делам.

В субботу рабочий день у большинства сотрудников заканчивался после обеда. Банный день давал возможность, не только вымыться, но и постирать белье, убрать комнаты и сходить по своим делам в центр Лесного. Шикарная, с огромной помывочной и профессиональной парной баня поражала «всяк входящего». Сразу видно, что строили ее с душой, чувством и разумом. Топить начинали с утра и существовал особый график, в нем состояло все молодое мужское население, включая хищников. Коган, как и Тышковский, лишь принимали работу, сверяя температуру в парной с заданными параметрами. Вечером, чистые и порозовевшие они собрались на заветной полянке, если позволяла погода. Благо лес начинался сразу за базой, стоило пересечь дорожку. Небольшая полянка уже много лет служила им излюбленным местом для костра, где жарились шашлыки, лилось вино, для тех кто хотел немножко расслабиться в конце рабочей недели. Главным действующим лицом конечно же становилась гитара. Благо талантливых людей среди научной интел-

лигенции всегда хватало.

Воспользовавшись моментом, Жанка попросила Фросю прогуляться с ней по деревне. Скорее всего сработал механизм самосохранения. Ей категорически не нравилось нарушать запреты матери ходить по ночам за пределы базы, а тем более продолжать участвовать в любовных играх. Жанна так умоляла ее, просила изо всех сил, что она сдалась и они отправились в путь. Едва они пересекли границу им навстречу вынырнул худощавый Виталик, с жидкой бородкой на лице и гитарой в руке. И тут он запел осипшим голосом романс из «Юноны и Авось»: «У любви нет конца, Жизнь одна, жизнь одна...». Они молча слушали. Парень понял, что не произвел впечатление и опустил гитару на землю и через мгновение вытащил свой огромный нож. Невольно они прижались друг к другу, совершенно не понимая, что происходит. Выкрикивая не связанные предложения, он попросил подойти Жанну поближе. Та твердо ответила, что с места не сдвинется, пока тот не бросит нож на дорогу. Зная ее твердый характер, он выполнил ее условие, и она приблизилась к нему на расстояние вытянутой руки. Он постарался отвести ее как можно дальше, чтобы Фрося не услышала, о чем они шепчутся. Оставшись на дороге в одиночестве, она совершенно не волновалась, ее холоднокровию позавидовали бы многие. Помедлив, она подошла поближе к ножу и стала рассматривать его в свете горевшего над ней фонаря. Прибежала Жанна вся в слезах и попыталась увести ее за локоток. Следом

появился Виталий. И она вновь стала повторять: «Нет! Я же тебе сказала! Нет! Нет! И нет! Отстань от меня, пожалуйста! Нас скоро выселят и тогда я точно уеду в Москву!» В одно мгновение он нагнулся и выхватил огромный тесак из рук Фроси. Девочки притихли и с замиранием сердца смотрели на изможденное лицо парня.

В кривой ухмылке он закричал ей в лицо: «Группа крови на рукаве, твой порядковый номер, на рукаве!» и в одну секунду полоснул по левой руке что есть силы. Заметив капающую кровь, он выронил нож и стоял, остолбенев от боли. В отличие от молчаливо наблюдавшей за всем Фроси, Жанна разрыдалась и закрыв рот рукою бросилась к воротам базы. В последний момент она вспомнила про девочку и попыталась увести ее, схватив за кофточку, у нее ничего не получилось. Фрося стояла как вкопанная и молча смотрела на Виталия и его капающую кровь. Он ничего больше не делал, лишь пытался зажать свои раны и потрясенно смотрел то на нее, то на убегающую Жанну. Неожиданно из темноты появился его некогда лучший друг Алексей. Разлучник, из-за которого вся эта драма разворачивалась на глазах у девочек, попытался по-доброму увести раненого парня. Он не долго упрямылся, вид собственной крови его сильно испугал и взявшись под руки они ушли.

Фрося осталась одна и подобрав огромный нож, побежала в спасительное пространство базы. Она увидела, что в окне их комнаты появился свет. По дороге она бросила свою

страшную находку под крыльцо и как ни в чем небывало появилась на пороге. Александра Федоровна сильно удивилась, она то думала, что Фрося давно спит в постели. Взглянув на испуганное лицо дочери она не стала устраивать скандал на ночь глядя.

В воскресенье, в выходной день они могли встать на час позже обычного. Завтрак, как и обед смещались на час позже. Что все и делали, пытаясь отвоевать лишнее время для сна. Несмотря на это, день как-то сразу не заладился. Настроение у Жанны было хуже не куда, ее сильно напугал Виталий и все как-то не складывалось. Промаявшись пол дня они решили поиграть в карты, но и тут им сильно не повезло. За окном раздался уже до боли знакомый истеричный окрик: «Жанна! Жанна! Выйди пожалуйста!» Гордая москвичка решила не реагировать, а он продолжал истошно орать. Все вместе они попросили Фросю сходит и выяснить что ему от нее нужно, а заодно удалиться или они вызовут милицию. Так им посоветовали взрослые перед отъездом в районный центр за покупками: «Если урод вернётся!» Большая часть сотрудников, что поместилась в грузовике уехала и территория опустела. Благоразумно Фрося не стала подходить к нему достаточно близко, шагов за десять аккуратно спросила: «Что случилось? И сколько можно орать? Мы уже все оглохли!» Он молча достал правую руку из-за спины и кинул ей бумажку с вложенным в нее камешком. Фрося подняла ее и стремглав бросилась обратно в дом. Жанка отошла в угол и

впиалась в корявый почерк кавалера. В записке, он, как всегда, писал, что ее любит и жить без нее не хочет и, если она к нему не придет, он снова будет резать вены на своих руках. Ей совершенно не хотелось, чтобы все узнали о ночной встрече, и она подожгла бумажку. Йося сильно удивился и отреагировал по-своему: «Ты меня любишь? – Это зависит от того это вопрос или условие!» Жанка показала ему язык и не хотя встала из – за стола.

На негнущихся ногах она подошла к забору и заметила, что левая рука у него полностью перебинтована. Вчерашняя его выходка – это не ночной кошмар, как ей хотелось думать, а вполне реальная угроза его, а может и их жизням. О чем они так долго разговаривали, Фрося так и не узнала. Как только на горизонте появился Митенька, парень быстро ретировался. Аспирант, заметив сладкую парочку, стремительно пошел к ним навстречу и не скрывая раздражения спросил у девушки, сколько это будет продолжаться. У нее отсутствовала привычки тушеваться перед кем бы то не было, а тут она сильно застеснялась. Глядя ему в глаза, она то и дело поправляла свои длинные кучерявые волосы и молчала. Симпатичная, все время улыбающаяся девушка ему очень нравилась, но ее поведение как-то не укладывалось у него в голове. Ведь даже внешний вид парня говорил о его недалеком уме и воспитании. И как любил говорить в этих случаях Вознесенский: «Лицо без признаков интеллекта!» «Чтобы это в последний раз!» – строго предупредил он ее, указы-

вая на уходящего вдаль Виталия. «Не хватало еще Фросю во все это впутывать! Я видел, как ты поздно вечером бежала на базу! Скажи спасибо, что я ничего не сказал Александре Федоровне, думаю мало тебе не показалось!» – и он демонстративно поправил свой безупречный белый халат, с лежащим в кармашке накрахмаленным белым платочком.

Жанна вернулась с очередной бумажкой и не смогла сдержать слов и эмоций: «Как он мне надоел со своим Афганом! Со своей любовью! Делся бы он хоть куда-нибудь! Я уже не могу больше!» – она завалилась на кровать и зарыдала в голос. К этому моменту ребята ушли с минчанами на сенокос, ее не взяли, и Фрося раскладывала пасьянс. Пасьянс все не складывался. Раиса Максимовна принесла им чай, Жанна немного успокоилась. В воскресенье она снимала замеры значительно раньше обычного. Они вышли из комнаты. Митька их увидел и не пустил Фросю за пределы базы, Жанна села на велосипед и уехала.

Фрося осталась в одиночестве и не отрываясь смотрела на худую изможденную фигуру Виталия, вернувшегося под окна любимой девушки. Заметив, что она садиться на велосипед, он поспешил ретироваться и уйти в неизвестную сторону.

Она вернулась в слезах и со своим новым кавалером, увидев которого Фрося решила ни о чем ее не спрашивать и ушла в лабораторию к Мите. Как ни трудно догадаться, минут через тридцать появился Виталий с очередной запиской

в перевязанной руке.

Фрося наблюдала за происходящим из дали, как и приехавшие с покупками взрослые. Минчане и москвичи весело спускались с грузовика и подавали друг другу сумки и пакеты. Царило сильное воодушевление, они только и разговаривали о том, что им сегодня посчастливилось купить в магазинах. Больше всего Александра Федоровна осталась довольна необычайно красивым чайным перламутровым сервизом. И все отметили ее бесподобный вкус. Она первой заметила переливающуюся игру на чашках и больше никому не дала взять его в руки. Еще она купила два красивых свитера с леопардом и теперь демонстрировала их современный фасон перед Митенькой.

Между тем эмоциональный разговор Виталия с Лехой мог перерасти в банальную драку. Они кричали и со всей силы толкали друг друга, совершенно не обращая внимания на стоящих поодаль сотрудников. Жанка плакала, пыталась разнять их и умоляла успокоится. Коган вместе с Митей подошел к троице и решительно выгнал посторонних лиц с территории. «Еще один раз их здесь увижу!» – он показал на кавалеров: «Поставлю вопрос о твоём выселении, так и передай матери!» Он нарочно говорил как можно громче. Алексей повернул голову и аккуратно кивнул ему, показав, что понял начальника. При этом он держал Виталия под локоток, тот даже не сопротивлялся, его сильно шатало из стороны в сторону. Жанна не смогла сдержать рвущиеся нару-

жу эмоции и громко зарыдала. Мите ничего не оставалось, как достать свой драгоценный платочек и вытереть ее капающие слезы. Она невольно уткнулась к нему в плечо, он ее отодвинул, и она побежала к себе в комнату. Фрося хотела броситься следом, властный крик матери остановил ее, и она покорно пошла мерить новую школьную форму, что ей купили. Форма оказалась в самый раз, да еще с воротничком со стоечкой, что она особенно любила. К форме прилагалось два комплекта великолепных кружев. «Такой красоты точно ни у кого в классе не будет!» – подчеркнула Александра Федоровна, прикладывая их к манжетам и воротничку. «Конечно, это же из Риги» – гордилась Фрося.

Перемерив новинки и восхитившись сотый раз красотой чайного сервиза ей удалось ускользнуть от пристального материнского взгляда и отправиться в комнату к Жанне. Тем более прозвенел звонок на обед. Девушка лежала ничком, всхлипывала, изредка потрагиваясь, не в силах прейти в себя. Больше всего ее тревожила мысль, что их выгонят с базы. Молодые люди с их чувствами ее совершенно не интересовали. На столе стояла не тронутая тарелка с обедом, рядом измятый листок бумаги. «Что это?» – спросила она у Жанны прекрасно зная ответ. Ее так воспитали, что подглядывать, а тем более читать чужие письма без спроса она не осмелилась. Ей махнули рукой. Развернув малюсенький листочек бумаги, она узнала угловатый и местами трудно читаемый почерк Виталия: «Я не хочу и не буду жить без тебя

моя любимая Жанна. Сегодня день, когда мне хочется умереть.» Она свернула записку, а затем перечитала заново. В свои юные года она ощутила огромную тревогу, совершенно не понимая, как сказать об этом расстроенной в конец подруге. В комнату заглянула Раиса Максимовна и увидела, что они сидят рядом. Безудержные рыдания прекратилась, дочь лишь всхлипывала, утирая Митькиным платком редкие слезы. Повар показала ей рукой – мол посиди, Фрося поняла ее жест по-своему.

Она вышла на улицу и сразу увидела Виталия идущего вдоль кромки леса по направлению к их любимой полянке, где еще вчера так весело пели песни. Он ее тут же заметил и прибавил шаг, скрывшись в глубине леса.

Неожиданно рядом с ней появился Митя и тоже заметил уходящего молодого человека: «А Жанка где? Горбатого могила исправит!?» – он не скрывал своего презрения к девушке и ее молодому человеку. Фросю буквально ударило током, как будто ее застали на месте преступления. Она посмотрела на Митю, пожала плечами и нехотя ответила: «Дома. Рыдает.»

Митя ушел, а Фрося продолжала стоять и думать. На фоне порезанных вен, его угроза о самоубийстве вполне могла стать реальной. Она присела за деревянный стол со скамейками, не далеко от столовой и обратила свой взор в сторону леса. Ей очень хотелось найти его и попробовать успокоить. На душе у нее было не спокойно. В отличии от Жанны она

чувствовала, что парень на грани. Наконец она решилась и пошла к краю леса. Фрося даже не сомневалась, что он сидит на полянке возле потухшего костра или на краю им же разрушенного блиндажа. Там его часто заставляли сотрудники, по ошибке принимая за хищников. Фрося заметила его издали, день стоял очень пасмурный. Окрикнув его по имени, она не получила ответ и поспешила к нему на встречу, от неожиданности уткнувшись в его грязные кеды. Она поняла все мгновенно, а потом уже подняла голову и увидела его висящего на собственном ремне.

Что есть силы она бросилась в сторону базы и у калитки врезалась в Митю. Он заметил ее уходящую в сторону леса и не раздумывая бросился следом. Фрося жестами, не в силах произнести в слух, что с собой сделал парень, показала рукой в направлении их полянки. Они побежал вдвоем. Коган, стоя на крыльце лаборатории заметил странное поведение обычно сдержанного аспиранта и дочери научного руководителя. Бросив недокуренную сигарету, он подозвал Тышковского и пару техников. Вчетвером они быстрым шагом направился вслед за молодыми людьми, ориентируясь на белоснежный халат аспиранта.

Фрося стояла в стороне, издали наблюдая, как Митя с двумя мужиками вытаскивают парня из петли и аккуратно опускают на землю. Коган держал ее за плечи и пытался унять дрожь. Он так и не задышал. Он лежал на земле, и Митя прикрыл его сверху белым халатом. Коган оставил техни-

ков охранять тело, а сам поспешил на базу вызывать скорую и милицию. «Следуя поговорке "Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня, Виталий повесился за день до расстрела» – не удержался он едкого комментария аспирант, оглядывая страшную картину.

Мите поручили отвести Фросю. Она перестала плакать, шла молча, пытаясь осмыслить произошедшее. Он все время что-то говорил, пытаясь отвлечь ее, она же была совершенно спокойно. В доме они оказались одни. Минут через пять подошла Александра Федоровна и Митя сам попросил ее удалиться, прекрасно зная через чересчур эмоциональную сторону ее характера. Следом подошел отец вместе с ТВ. Благодаря ее стараниям в доме всегда вкусно пахло высушенными растениями, они висели по периметру, привязанные на протянутые веревки. А в комнате у нее висели картины из засушенных цветов. Жители коттеджа давно привыкли к подобному антуражу. Александра Федоровна недовольно поджала губы и ушла обратно в лабораторию, узнавать последние новости. ТВ профессионально обнюхала несколько связанных пучков растений, срезала по несколько штук с каждого и заварила в большой химической колбе, что давно служила им вместо заварочного чайника. Пили они его, как и заведено с незапамятных времен из маленьких химических стаканов. Митя долго отказывался пить ароматно пахнущий напиток, она топнула ногой, пригрозив: «А ты знаешь, что стресс отупляет? У людей в состоянии стресса уменьшается

гиппокамп – часть головного мозга, отвечающая за память и способности к обучению? А тебе еще диссертацию защищать.» Содержимое колбы они разделили на четверых, закусив сушками.

Фросе очень хотелось выйти на улицу, ТВ категорически запретила. Впрочем, отец махнул рукой и вышел покурить, а заодно посмотреть, что происходит. «Блажен, кто посетил сей мир в минуты роковые!» – сказал он словами великого русского поэта – пророка Тютчева. Они вчетвером стояли на высоком крыльце, с него дом Виталия проглядывался как на ладони. И тут душераздирающие, полные отчаяния крики, заставили снова похолодеть их сердца. Из дома появились мать, сестра и бабушка покойного парня. Они их тоже заметили, замахали в их сторону кулаками и не сворачивая побежали в сторону леса. На их лицах читался страх, злоба и отчаяние.

«И зачем я только Жанке все время помогала!» – сквозь набегающие слезы прошептала Фрося, глядя в спины удаляющихся женщин: «Если бы не я, то он бы точно не умер! И зачем я так долго тянула и ничего тебе не рассказала!» Она прислонилась к отцу с грустным лицом наблюдавший за происходившей суетой. «Благими намерениями выслана дорога в ад!» – отец процитировал слова святого писания: «А потом, почему ты думаешь, что мы ничего не знали?» Фрося удивленно посмотрела ему в глаза. Митя кивнул головой, как и ТВ: «Мы только сегодня утром ходили к его ро-

дителям! Отнесли нож, его нашел Митя, он лежал у нас под крыльцом. Они тоже удивились перевязанной руке и ничего ему не сказали.» «Так что не бери на себя избыточных полномочий!» – урезонил ее Митька: «Он, как и Жанка вполне взрослый человек и сам за себя нес ответственность!»

Они спустились с крыльца и пошли вчетвером в сторону леса. Мимо проехала милицейская машина, а следом заехала скорая помощь. Митя показал им рукой на место трагедии, где безутешная мать, потерявшая единственного сына, билась в истерике над его телом, а рядом истошно причитали сестра и бабушка.

Суета стояла страшная, почти все члены экспедиции высыпали на улицу, подошли местные жители и толпа наблюдала, как сотрудники милиции оттаскивают ревуших женщин и дают возможность медикам сделать свою работу. Фрося благоразумно решила избежать не нужного сейчас внимания и в сопровождении отца вернулась домой. Мите, вместе с техниками пришлось показывать, как они вынимали парня из петли на глазах у обезумевших женщин. Тело Виталия погрузили в салон скорой помощи и повезли в город на вскрытие. Тышковский без зазрения совести выхватил халат и понес его в сторону базы. Митька аж обомлел от увиденного и прямо заявил: «Я больше его не надену!» Игорь Семенович в обычной манере парировал: «А я не дам разбазаривать народное добро. Если так разбрасываться, то на вас же не напасешься!» Аспирант стоял на своем и вечером пошел жало-

ваться Александре Федоровне: «Платок Жанке отдал, халат у Тышковского! Разберитесь пожалуйста!» Увидев на пороге Александру Федоровну, зам с недовольным видом выдал новый халат и попросил расписаться: «Иж, какие мы нежные!» Вручая сверток, она сразу предупредила: «Платочек переживешь. Новый купишь, я к Жанке ходить не собираюсь.»

Толпа потихоньку рассосалась, кто-то из местных сопровождал женщин в их опустевший дом. Над базой повисла зловещая тишина. Жанна вышла из добровольного заточения ближе к вечеру, пришло время ехать на замеры. Она категорически отказалась от общения с кем бы то не было. Коган выглядел уставшим и сильно расстроенным, после разговоров с милицией настроение у него сильно испортилось, и он отменил еженедельную партию в преферанс, что на памяти Йося случалось не часто: «Последний раз, когда баня сгорела! Это лет семь назад!» Серега с ним согласился. Разгребая сено для минчан, они с Сусликом пропустили все самое интересное и вернулись на опустевшую базу, сильно удивившись произошедшим событиям. «Сегодня отличный день – всего два раза хотелось удавиться» – невесело пошутил Митя, они сидели за чаем и обсуждали сложившуюся обстановку. «Суицид – высшая форма самокритики!» – заключил напоследок Йося.

Жанна появлялась на улице, только на время замеров, ела она по-прежнему в комнате, не смея зайти в столовую. Ей

не хотелось смотреть в глаза присутствующих, особенно после похорон Виталия. Ребята приходили к ней поиграть в карты, рассказывали последние новости. Их стали ежедневно брать на полевые замеры, дабы убереечь от пустого время препровождения, как резонно расценили последствия любовных походов. Отец разрешил ей играть на компьютере гораздо больше отведенного часа, чем и воспользовались ушлые Йося с Серегой. Под эгидой поддержки сестры они сами с удовольствием резались в только что появившиеся, пускай и совсем примитивные компьютерные игры. Даже Митька времени от времени присоединялся к ним и увлеченно нажимал на кнопки. Им стало не до Жанны с ее муками совести и страхом выселения с базы. Вскоре появился Алексей на своем ревущем мотоцикле, его быстро отвадили, заявив, что напишут заявление в милицию.

Заяц затормозил так, что Митя влетел в борт, а картошка высыпалась из ведра и каталась теперь по всему кузову. «Это же опытный образец» – взвизгнул он, едва оправился от удара и принялся собирать ее, приговаривая: «Толю убить мало! Чуть не угробил корнеплоды!» «Он нас чуть не превратил в пюрешку» – не выдержал Серега, потирая шишку, он встал на колени и грубо бросил картошку в ведро. «Аккуратнее» – одернул его аспирант за руку: «Это же опытный паслён клубненосный!» «*Solanum tuberosum*⁶» – продолжил умничать Йося. «Откуда ты знаешь?» – приподнялся Серега

⁶ *Solanum tuberosum* – латинское обозначение картофеля

и с удивлением посмотрел на друга. «Рыбанька, там на УДИ везде такие таблички! За столько лет выучишь поневоле!»

Заяц нажал на клаксон, подгоняя их покинуть грузовик: «Мне ехать надо!» «У тебя совесть есть?» – не выдержал Серега: «Ты нас размазал по всему кузову!»

Митя спустился на землю, принял два ведра, доверху наполненные картошкой, и потащил их в сторону лаборатории. Как хвост от павлина за ним волочилась ботва. Раиса Максимовна из своего окна сразу увидела аспиранта и провиант: «Митя, это ты нам?» Тот покачал головой и свернул в сторону. «Чудо чудное! Диво дивное!» – Коган смотрел на ведра, держал в руках клубни и удовлетворенно кивал головой. Вокруг них начали собираться сотрудники: «Неужели с одного куста, сразу ведро?» – удивленно переспрашивали они у Мити. Тот вытер пот и попытался приподнять ботву. «Два метра десять сантиметров!» – уточнил он: «Второй образец чуть поменьше!» Подошла Раиса Максимовна с ножиком и уставилась на картошку. «Это нам?» – спросила она второй раз. «Да нет же!» – взвизгнул аспирант: «В который раз повторяю! Опытные образцы! Есть пока рано!» «А нам завтра вообще есть нечего будет!» – безапелляционно подытожила повар: «Закрома пусты!» «Я макароны есть не буду!» – обернулся к ней Коган: «У меня рот при виде них уже не открывается!» «А вариантов нет!» – злорадно улыбнулась повар: «Придется потерпеть барин!» Все засмеялись: «Макароны им не понравились... Вы ещё про манку с комочка-

ми ничего не знаете! Вот где ад!!!» Подошел научный муж и рассудил всех присутствующих: «Проведем весь комплекс химических и биологических исследований! Определим химический состав! И убедившись, что наш *Solanum tuberosum* полностью безопасен для употребления, передадим на кухню!» «А завтра что есть будем?» – не унималась Раиса Максимовна. «По старинке накопаете!» – Митя поднял тяжелые ведра и засеменил в сторону лабораторий. «Сереге!! Поехали спасать родину!» – Коган пошел в сторону своей машины. «А что значит по старинке?» – захлопывая дверь переспросила Рыбанька. «Примерно 130 центнеров на гектар!» – нажимая на газ ответил динозавр. «Не понял!» – он пребывал в полном недоумении. «Средняя урожайность картофеля в нашей области. На старом поле, где копать будем, может чуть выше.» «А!» – протянул Серега: «Это что ж получается! У Митьки под 1000 на гектар?»

«Быть аспирантом хорошо, только наука мешает!» – подытожила Раиса Максимовна.

На следующий день они смотрели на полученные результаты. Тышковский аж присвистнул: «Одним таким ведром можно роту солдат отравить! Не то что базу!» Ученый муж кивнул: «Все показатели превышают допустимые в четыре-ста раз!» «Митя, как тебе удалось добиться таких феноменальных результатов!» – смеялся Коган. Аспирант вытащил новый платочек и промокнул им испарину: «Вот отчислит меня и пойду в армию. Случись что, я же защищать вас не

стану!» «Хватить слезу вышибать, сам знаешь! Труднее всего после вуза приходится химикам. Они знают, как взорвать или отравить любого человека, но держатся!» – примирительно пошутил Коган. «Так мы страну не накормим!» – согласился Вознесенский. «А разве мы не этим тут занимаемся?» – все тяжело вздохнули.

«Сергея! Йося!» – позвал их через окно Коган. Оба дружно высунулись и увидели две лопаты. «Только на экзамене в аграрном университете фраза «Какого хрена?» может оказаться частью вопроса!» – первым возмутился Йося. «Вы же собирались Митькину картошку отдать на съеденье» – возмутилась Рыбанька. «Он создал оружие массового поражения!!» – подошел отец: «Мы же мирные атомы! Убивать никого не собираемся!» Йося присвистнул: «Все так плохо?» «Ну почему же!» – подошел Митя: «Нагнать такую концентрацию нитратов, не у каждого даже именитого агронома получится!» Йося обернулся к другу: «Бери шинель, пошли копать! Я так давно не видел папу!»

Прошло еще несколько дней. Два десятка сотрудников базы стояли у ворот и с нетерпением ждали Толика, он как всегда сильно опаздывал. Они все собрались ехать на опыты на УДИ, неожиданно в их привычный мир ворвались люди со страшными криками и топорами. Родственники Виталия, поминавшие его сегодня на девятый день после смерти, заметили стоящих у ворот сотрудников и потребовали выдать им Жанну. «Мы уьем эту сучку собственными руками!» –

закатывая рукава показывал отец погибшего на огромный топор. Они все поголовно пришли с топорами, включая женщин. Научные работники притихли, одна ТВ не растерялась и вышла к ним на встречу: «Уважаемые, примите наши соболезнования» – как можно мягче произнесла храбрая женщина: «Самосуд не самое лучшее решение!» «Ты че там вякаешь?» – наскочила на нее сестра погибшего: «Говори лучше, где она? Не то хуже будет!» Люди с топорами стояли против горстки безоружных людей. Ситуация выходила из-под контроля и становилась опасной. Силы явно не равные. Оглядев притихших научных работников, они развернулись и пошли вдоль базы, заглядывая в каждый дом. В первый дом они заходить не стали, прекрасно зная, что девушка в нем не живет, второй оказался закрыт на ключ и они попытались выломать двери, вовремя подоспевший Коган распахнул ее и они, убедившись, что в помещении пусто, пошли искать дальше. Вознесенский по солидному подбоченившись, как ни в чем не бывало проследовал мимо орущих людей, своей белой бородой и серьезным видом давая понять, что ему нет до них никого дела. Никто не обратил внимания, как он зашел в кухонный дом и ждал, пока Жанка вылезет окно на противоположном конце и скроется в чаще леса. Рисковое предприятие он завуалировал все своей солидной фигурой.

Они обошли всю территорию, заглядывая в каждый дом, включая баню и столовую, девушки нигде не было видно. Коган терпеливо, стараясь не злить пьяных людей следовал

вместе с ними, в сотый раз повторяя: «Уехала она?» «А мать ее, повариха?» – не унималась сестра погибшего. «Раиса Максимовна здесь, тоже собирается. Мы же не можем так сразу заменить ее? Кто нас кормить будет?» – увещевал он присутствующих. «Мы ее тоже убьём!» – подняв топор над головой неуверенно проговорила мать покойного. Ее тут же остудили: «Ну ее! Она же не виновата!» «Не виновата!» – взревела опухшая от слез женщина: «А кто эту гадину породил? Кто ее воспитал такой?» Все дружно согласились, но убивать повариху не стали. «Она у нас за все заплатит!» – повторяли они вновь и вновь и повернули в сторону ворот. Как назло, грузовика так и не было. «Я его лишу и машины, и премии!» – в сердцах думал Коган, наблюдая как они приближаются обратно к стоящим сотрудникам. И тут они заметили, как ни в чем не, бывало, стоящую Фросю, та, конечно, понимала, что происходит, но и не думала убегать или скрываться. Обращаясь к толпе громе всех кричала Виталькина бабушка, что если бы не проклятая экспедиция и Жанка, то ее любимый внучек был бы жив и здоров. «Эта стерва довела его! А ведь он любил ее!» утирая горькие слезы, она заметила девочку. С пьяных глаз ей показалось что перед ними стоит сама виновница произошедшего. Подняв высоко топор, она пошла по направлению к Фросе. Коган мгновенно сообразил, что происходит и заорал в ответ, что это другая девочка. Сестра покойного оглядев ее с ног до головы подтвердила: «Это ее подруга!» Взрослые, как по коман-

де загородили Фросю своими телами, пытаясь предотвратить очередную трагедию. Александра Федоровна протиснулась и встала перед дочерью. Трое женщин и трое мужчин с топорами остановились напротив, мать твердо и решительно произнесла: «Это моя дочь! И я не дам вам ее покалечить!» Коган властным голосом попытался снова всех утихомирить и объяснить, что они не правы: «Жанна давно в Москве!» Все дружно закивали головами показывая жестами в сторону столицы. В какой-то момент натиск, да и поднятые над головами топоры произвели свое действие, и взрослые расступились, показав разъяренным людям стоящую позади них бедную девочку. Отец и мать погибшего подошли поближе и поняли, что они действительно ошибались. «Эта тоже ходила с ней» – с дикой ненавистью показывали она пальцем. И в этот момент на базу буквально влетел грузовик, с диким грохотом затормозив перед ними. Заяц высунулся из голубой кабины и присвистнул. Он оказался как нельзя кстати. «Где тебя носит?» – все дружно заорали на него, не сговариваясь. Водитель увидел людей с топорами и обомлел: «Чу! Галю, вы шо тут робите?» – обратился он к матери погибшего: «Витек? А че с топорами?» – обратился он к ним с относительно безопасного пространства кабины. «Мы Жанку вашу пришли убивати!» – качаясь на пьяных ногах еле выговорил двоюродный брат погибшего и показывал топором на испуганную Фросю. «Витя! Вы че! Это же дочка начальника по науке! А Жанку я давно в Минск увез!» – автори-

тетно соврал умный Толик. Бабка перестала голосить и еще раз посмотрела на Фросю. «Не берите грех на душу! А то сейчас милицию вызовут!» – уговаривал их земляк по-хорошему. Волнения утихли и топоры опустились на землю. Сотрудники проворно стали залезать в грузовик и первой среди них оказалась Фрося. С высоты кузова она с интересом рассматривала стоящих людей, пока кто-то не пригнул ее голову: «С ума сошла? Спрячься, пока они не ушли!» Слова Зайца окончательно урезонили безутешных родственников. На следующий день Коган вызвал милицию и пошел к родителям погибшего парня, уговорить их больше не браться за топоры и не заходить на территорию. «У нас же режимное предприятие!» – пугал он их: «Мы же передовой наукой занимаемся!» – вспомнил он Митенькину картошку.

В пять часов вечера в их доме существовал не низменный ритуал пить чай или кофе, исходя из его наличия. От слов режимное предприятие, Йося чуть не подавился конфетой. На что Митя, как всегда, обозвал их редкостными уродами и попросил удалиться: «Не надо портить атмосферу. Сейчас еще Тышковский заявиться, тогда и чай выпить не успеем!» При этих словах дверь распахнулась, и упитанная голова зама протиснулась в узкое помещение коридора, где стоял общий стол. «А, чаек как всегда пьете?» – смотрел он на палку сырокопченой колбасы и свежий хлеб, только что привезенный ребятами из пекарни. «Нет еще! В процессе!» – строгоотреагировала ТВ, давая понять, что нужно идти восвояси.

На то и приклеилась к нему кличка Тысяча, чтобы так просто не сдавался. «Вот как вы драгоценное рабочее время расходуете!» – начал он обычную песню. «Мы его не расходует, а сублимируем!» – отшутился Митенька, прекрасно понимая к чему тот клонит: «Угощайтесь бутербродиком!» «Зефирку московскую возьмите» – пододвигая миску проговорила Александр Федоровна. «Ой! Ну что вы!» – протягивая жадную руку отнекивался мужчина, он взял два бутерброда и зефирку с сушкой: «Сублимируетесь дальше! Я не против!» Йося подытожил все анекдотом: «Самый жадный комар всегда захлопывает за собой двери и форточки, чтобы другим пискунам ничего не досталось!»

Фросе пришлось прятаться в доме, пока взрослые решали кто и как незаметно выведет их за пределы территории и отвезет в Москву. Такие меры предосторожности оказались далеко не лишними. С памятного всем «топорного бунта» как окрестил Йося приход родственников погибшего, с утра до ночи кто ни будь из них дежурил с обеих сторон базы. Жанка даже на замеры перестала ездить, за нее их делали теперь Серега с Йосей. Неожиданно позвонили из Москвы и срочно вызвали в столицу Вознесенского. Фрося очень обрадовалась, что запертой ей пришлось провести всего три дня. Долго и тщательно взрослые продумывали, как соблюсти конспирацию. ТВ принесла ворох одежды местных жителей, что трудились у нее в биолaborатории и переодевшись они с Жанкой действительно стали похожи на молодых се-

лянок. Фросе еще нацепили толстые очки и платочек. Жанка долго отказывалась одевать платок и старые калоши, пока Коган на нее не цыкнул: «С тобой никто церемониться не будет!» – показывал он рукой в сторону дома погибшего парня. Аргумент весомый. Для пущего увещевания он произнес знаменитую фразу: «Мы в ответе, за кого приручили!» Жанка поджала губы и принялась складывать вещи в баулы, их заменили вместо московских чемоданов, дабы не привлекать излишнее внимание. Они уезжали под покровом темноты, Митька с Серегой оповестили, что караул снят. Коган подогнал свои жигули вплотную к дверям кухни, и они ползком пробрались в их чрево. Один Вознесенский сел у своего дома, как ни в чем не бывало и машина развернулась в сторону Минска.

В первые в жизни Фрося оказалась летом в Москве. Духота в квартире, всеми окнами выходившая на юго-восточное направление, не говоря про шум от проезжающих по шоссе машин, проходившее рядом, не шла ни в какое сравнение со степной зоной. Да и отсутствие школьных подруг, разъехавшиеся отдыхать, еще больше удручали ее положение. Все вместе вызывало у нее страшную скуку. Отец долго совещался с сотрудниками проблемной лаборатории и принял не простое для себя решение отправиться обратно в Лесное. Страсти потихонечку улеглись, и Фрося весьма воодушевилась.

Последние несколько недель пролетели как одно мгно-

венье. К ним присоединился Леонид, сын ТВ, чуть старше Фроси и они шумной ватагой ездили со взрослыми на замеры и опыты. Большую часть они, конечно, посвящали сбору трав и растений для ТВ, заодно просвещаясь в их названиях и свойствах. Йося сразу рассказал очередной анекдот: «У сына биолога есть тетрадка в клетку, в цитоплазму и в вакуоли!» Леонид тут же парировал: «Встречаются как-то два папоротника в непригодных для размножения условиях, и один говорит другому: «Да, тут не поспоришь!» На рыбалку они ездили почти ежедневно, совмещая с купанием на Верхнем пруду. Молодость брала свое. «Биологи творят чудеса» – восхищался Митя педагогическому дару ТВ. На что мать четверых детей с улыбкой ответила: «Чудеса вырастают и требуют денег!» Дисотека, как и хождение в местный кинотеатр разрешалась только под пристальным наблюдением Мити. «Цербер!» – окрестил его Йося, и кличка прилипла к нему до конца сезона.

Фрося потрясенно смотрела на чемоданы, не до конца осознавая, что лето закончилось. Йося кивнул головой и промолвил: «Мне нужны трехмесячные каникулы четыре раза в год!» Все дружно засмеялись, и обстановка немножко разрядилась. Леня продолжил отшучиваться: «Назовите три причины, из-за которых вы любите школу? -Июнь, июль, август!» На этой радужной ноте они сели в автобус, продолжая балагурить всю оставшуюся дорогу.

Глава 6 – С чего заканчивается детство

Фрося входила в период полового созревания, совершенно не понимая зачем она родилась девочкой. Глядя на свое, как ей казалось бесформенное тело и некрасивое лицо она все время расстраивалась. Тем более старший брат рос красивым, умным парнем, не то, что она, лопоухая, с тонким ртом и вечно заумным выражением лица. Она совершенно не умела красиво одеваться, привыкнув донашивать за братом брюки и рубашки.

XIX Всесоюзная конференция КПСС обосновала необходимость политической, экономической и идеологической реформы, что в итоге привело к отмене школьной формы.

«Ты как пацан!» – она часто слышала от матери и вместо того, чтобы попытаться найти к подход и переломить ситуацию, продолжала ставить в пример свою дорогую «рыбаньку». Противостояние, между двумя вечно враждующих лагерями, с каждым годом нарастало, в такой непростой обстановке Сергей вырос без всякого авторитета к отцу, лидерство Александры Федоровны они не смели оспаривать. Единственный отдушиной все эти годы был для нее Тимофей, ее неизменный и верный друг детства. Он никогда не стеснялся ее в школе, где брат всем силами старался избегать ее. Он приходил к ней на переменах, разговаривал и всячески опекал.

Для Фроси так и осталось загадкой, почему же родной брат так ее стеснялся. Внутренняя неуверенность нарастала,

приводила к неуклюжему движению и с точки зрения матери входила в категорию полудурков, о чем она, не стесняясь часто напоминая дочери.

«Перестройка породила надежды на перемены к лучшему, веру в скорое обновление. Она была как глоток чистого воздуха после многих лет застоя» – прочитала Фрося в газете и мечтала, что, когда ни будь и в ее жизни начнётся белая полоса.

В тринадцать лет Фрося впервые решила уйти из дома. Уйти куда глаза глядят. Уже работая в милиции и разбирая каждый такой случай, где дети сбегали из дома, она поняла самое главное, в основе всех этих случаев лежало отсутствие взаимопонимания между родителями, а порой и просто враждебная обстановка. И находясь как бы на разломе двух тектонических плит, коими в ее представлении были отец и мать, дети невольно находилась в зоне активной вулканической деятельности, что выражалась в ругани, выяснении отношений между двумя людьми, потерявшими самое главное – любовь и уважение к друг другу. Своими поступками дети вольно или невольно старались привлечь посторонние силы, попробовать обратить внимание на существующие проблемы, а заодно задуматься как живется их подрастающим детям.

Фрося одела пальто и демонстративно стала собираться на улицу. Ее истерика нарастала, впрочем, как и у матери. По большому счету ей никуда не хотелось идти, но и оставать-

ся токсичной обстановке становилось невыносимо. Грандиозный скандал закончился совершенно неожиданно, в какой момент Александра Федоровна сама хлопнула дверью и выскочила на улицу накинув пальто на тонкий халатик. Вернулась она притихшая, на удивление заплаканная и старалась не придирается к дочери. Хватило ее ненадолго.

«Вы себя вечно жрете!» – демонстративно высказалась ее близкая подруга по случаю ее Дня рождения, когда Александра Федоровна, совершенно обескураживающе, во все услышанное произнесла: «И за что мне такая дочь?!» Повисла неловкая пауза, все смотрели на плачущую Фросю и победно удаляющуюся матушку. «Да уж! Не повезло тебе!» – высказалась одна из девочек. Фрося ей возразила: «На родителей нельзя обижаться, они же дали нам жизнь!» Другой подруге тут же захотелось рассказать старый анекдот: «Идет суд над маленьким дракончиком. И вот прокурор его спрашивает очень строго: «Ты бабушку с дедушкой съел? Дракончик жалостливо: «Съел!» Прокурор еще строже: «Ты маму с папой съел?» Дракончик: «Съел!» Прокурор громовым голосом: «И кто ж ты после этого?» Дракончик, чуть не плача: «Сироточка!»

Фросе все время казалось, что если бы она родилась мальчиком, то и мать любила ее также сильно, как и старшего брата. Только с возрастом она поняла, что мать всего лишь видела в ней копию отца и не могла совладать со своими эмоциями. И тут не важно девочка они или мальчик. Ничего не

поделаешь, если внешность не нравится! Мужа она давно не любила и просто переносила на нее свою неприязнь.

Из детского дневника: «Во мне нет ничего сложного. Есть у меня на сердце рубец, он вроде зажил, но иногда боль бывает невыносимой. Как поразило меня в тот день, какой мощный ток прошел по всему телу, когда я почувствовала, что я всего лишь игрушка для тетушки и эта игрушка, ей больше не нужна, есть другая, гораздо интересней.».

После произошедшего в Лесном чрезвычайном происшествии, Александра Федоровна, на радость тетушки, приняла твердое решение не брать Фросю в экспедицию. Отец тоже посчитал, что лучше переждать на хуторе, опасаясь непредсказуемой реакции Виталькиных родственников. Фрося только и думала, как много она потеряла, проводя в пустую драгоценные летние дни за просмотром телевизора, где только и показывали бастующих шахтеров. Из письма Йоси она узнала, что Раиса Максимовна уволилась и забрала все свои вещи, оставив знаменитый велосипед. Повара так и не нашли и весь сезон сотрудники готовили по очереди, такого разнообразного меню у них никогда не было. Каждый старался как мог.

Фрося лежала в широком гамаке вместе с пятилетним братом. Она перенеслась мыслями в Лесное и совершенно забыла про окружающих. Братишка значительно вырос и отлично играл в песочнице, купался в маленьком надувном бассейне, и она с каждым днем чувствовала себя здесь лиш-

ней. Ей функции няньки свелись к минимуму. Тем более после экспедиции, простой сельский труд, с его монотонной сменой занятий казался ей не просто убогим, а каким – то пройденным этапом. Ей меньше всего хотелось полоть огород, копать картошку и ходить в сельпо за продуктами. В Лесном они тоже принимали участие в уходе за растениями, ходили за горячим хлебом, но огромный мир их научной базы расшил ее сознание до космических размеров.

Скука стала непомерная и Фрося не скрывала свое состояние, изредка качая гамак толстой ляжкой. Она сильно поправилась, ни в чем себе не отказывала, заедая тоску всем подряд, что ей предлагали покушать. Женя заметила недовольное лицо племянницы, кое – как ублажавшей ее драгоценное чадо. Вначале она просто отказалась еще раз покачать брата и началась перепалка, а вот последнюю фразу Евгении, сказанную сквозь зубы, запомнила на всю оставшуюся жизнь: «В таком случае ты мне больше не нужна!» Фраза так резанула пространство, что обернулся даже Толик, не в силах поверить своим ушам. Тетя тут же попыталась сделать вид, что не хотела никого обидеть. Тишина, повисшая в воздухе, говорила об обратном. С этого дня обстановка стала еще напряженной. Отношения между ними дали глубокую трещину. С каждым днем она все ширилась и в конце концов превратилась в пропасть.

На фоне гнетущей обстановки Фрося получила письмо от отца, написанное на толстой желтой бумаге, явно из комнаты

камеральной обработки, она даже его понюхала, в надежде уловить знакомый запах.

«Здравствуй мой милый и дамский странник. Здравствуй!

У нас здесь идет дождь – нескончаемый, очень похожий на осенний. Стало холодно и сыро. Бессолнечный хмурый день пытается породить тоску и печаль. Из глубины моего сознания вырываются и всплывают нежный и солнечные воспоминания о наших долгих беседах с тобой. Вспоминается последняя поездка в деревню с ее до сих пор непонятной, но волнующей меня природой... Там прошло все мое детство. И когда трудно или одиноко (а я могу быть одиноким и среди людей) мысли мои улетают в то прекрасное время, в котором еще не осознаешь всю глубину и радость бурлящей во круг жизни, всю ответственность предстоящего в этой жизни пути. Я начал догадываться о глубокой тайне нашей юности только сейчас, когда седина украшает голову, когда большая часть жизни прожита и не всегда так как хотелось. Там в прекрасной и беззаботной юности лежит все то, что мы сейчас имеем и чем владеем.

Истоки доброты и сострадания к людям, о чем мы не так давно с тобой говорили лежат в том времени и том возрасте, в котором ты сейчас живешь.

Бескрайние поля, с их словно нарисованными тополиными полосами, должны дать тебе тот простор взглядов, ту широту мысли, которая так необходима для понимания земно-

го бытия.

Вечерами яркие звезды на темном южном небе уведут тебя в космические дали, а твое хрупкое еще воображение и приходящее осознание своих громадных возможностей породят в душе смятение и светлые мечты, которые затем начнут сбываться в твоей бесконечной жизни, в борьбе с всевозможными трудностями и необузданными желаниями.

Окружающие тебя друзья, ваши игры, забавы и откровения, позволят прикоснуться к неведомым тайнам души близких тебе людей, покажут тебе их беззащитность и легкую ранимость.

Постепенно ты научишься выделять самое главное и принципиальное в жизни – то, что мы называем нравственностью и духовностью.

Не дано природой это сразу понять, нравственность и духовность не присутствуют в нас с рождения. Ростки нравственности, посеянные в раннем детстве, развиваясь, способны зажечь наши сердца, согреть и осветить мягким душевным светом все и всех находящихся вокруг.

Нравственность и духовность порождают только хорошее и чистое, не давая вырваться наружу нашим обидам и агрессивности, всему плохому и темному. Духовность позволяет находить в окружающем огромном мире понимание себя и понимать, и чувствовать красоту и гармонию этого мира. Из нравственности и духовности вытекает наша острая необходимость общаться с другими людьми любить их, любить на-

шу прекрасную Жизнь, не зависимо о того, что вокруг происходит и что владеет нашими душами.

На пути к настоящей нравственности и духовности будет много преград и трудностей. Путеводной звездой светят нам искусство и литература. Люби их и они помогут тебе в пути.

Помогут и знания. Без них путь человека – это путь слепого. Только знания позволяют увидеть весь прекрасный мир в его единстве и таинственной красоте. Для меня знания и наука являются главной целью и ценностью в этой жизни. Я счастлив своим устремлениям к знанию, тому моему богатству, которое могу отдать людям, оставив в жизни часть себя навсегда, навечно.

Идет тихий холодный дождь. Плавно текут мои мысли, и я обращаюсь в них, к несказанной радости, нашей будущей встречи. Незаметно пробегут дни разлуки, и я увижу тебя, частицу моего сердца, искру моей души, неиссякаемый источник радости и вдохновения.

Не спеши прятать это письмо, попробуй понять, разобраться, а главное, почувствовать то, о чем написано. Твой папа»

Из детского дневника: «Один сам себе хозяин. Так что же, меняться, работать над собой, как говорят близкие!?»

После возвращения в Москву Фрося перестала общаться с тетужкой, ссылались на занятость. С началом учебного года ее устроили техником в проблемную лабораторию, и она ездила в институт несколько раз в неделю. Правду знали не

многие. Фрося упорно молчала и никому ни о чем не рассказывала.

Глава 7 – Виселица или гильотина

Из детского дневника: «После того как миновали майские праздники и лето все чаще заявляло о своем приближении, моя душа и даже брненное тело предвкушало сладкий миг встречи с Лесным. А Лесное – это томно шумящие леса, переливающиеся золотисто – изумрудные поля, уходящие вдаль дороги и речушки. В этот раз база встретила нас в свои ворота сразу после того, как окончились мои занятия. Тот год ознаменовался встречей с Манюней и под ее эгидой и пронеслось то чудесное лето. Манюня это не только младшенькая дочь ТВ, но и младшенькая сестра «хищников». Длинноногая и рослая для своих лет она смотрела на мир прекрасными карими глазами, каштановые волосы заплетала в небольшую косичку – колосок. И очень похожа на очаровательную лошадку, как и было написано в ее гороскопе... Шло холодное лето 1990 года. Вот уже несколько недель подряд не прекращались морозящие дожди. Иногда целыми днями в воздухе висела пелена мокрого тумана. Внутри домики напоминали плохо работающую химчистку: сырые вещи весели на стульях, спинках кроватей и всюду протянутых бельевых веревках. И как бы в противовес этому тоскливому пейзажу из второго домика разносился веселый смех нашей честной компании «хищников» и «гвардейцев».

Фрося приехала с отцом в Лесное едва закончились последние уроки. Отец вновь принес бумагу из института, что дочь будет проходить практику у него в лаборатории. На вокзале они встретились с ТВ, горой вещей и Манюнечкой. «Очей очарованье!» – произнес Вознесенский едва удивил младшую дочь главного биолога. В отличие от Фроси, Манюнечка являл собой самую непосредственность и полное отсутствие комплексов, что со временем хорошо уравнивалось в их тендеме.

Вместе с Манюней они сразу включились в полную суету жизнь на базе. Йося приехал чуть позже и с первых минут очаровался не поддельным обаянием девочки, не говоря уже о ее красоте, остром уме, вкупе с фантастической наблюдательностью. Они с Фросей не виделись больше года, и парень заметно вытянулся и стал на голову выше отца. Его худая и по кошачье гибкая фигура больше походила на фигуру атлета, а лицо и вовсе напоминало Штирлица, только в очень юном возрасте, с пронзительно чистыми голубыми глазами. В паре с Манюнечкой они и вовсе смотрелись как пара Олимпийских богов с картинки.

Сотрудников на базе с каждым днем становилось все меньше и меньше, и больше половина комнат теперь пустовала. Йося, недолго думая, решил поселиться на огромной веранде, примыкавшей с обратной стороны их дома. Подальше от отца, всю жизнь занимавшего самую лучшую комнату в центральном доме и поближе к двум юным подружкам.

«Мы же хищники!»» – с улыбкой отвечал он ТВ: «Нам нужно держаться стаей! Да и чай пить с так удобней.»

Еще зимой Коган решил найти нового повара, стараясь не отвлекать ученую братию от служения науке. Приготовление пищи приходилось уделять весь день, забросив основные обязанности. О том, что Светлана Игоревна совершенно не умеет готовить, стало понятно в первый же день ее метаний по кухне. Но было уже слишком поздно, ее официально трудоустроили, да еще она привезла с собой семилетнюю дочку Оксаночку. У Когана не осталось возможности найти ей замену, так быстро, как ему бы хотелось. Увидев в кастрюле полусырую перловку и черствый хлеб, он не выдержал: «Еда – это конечно хорошо! Но ее надо готовить!» Светлана Игоревна совершенно не понимала юмора и после завтрака призналась, что всю жизнь прожила со своей мамой и на кухне появлялась лишь для вкушения трапезы, а не наоборот. На самом деле она работала медсестрой в поликлинике. Такого поворота событий не ожидал никто, ведь ее протежировала одна из старейших обитателей Ольга Яковлевна. Она долго возмущалась на претензии и даже перестала с ним разговаривать, прекрасно понимая, что мудрый начальник абсолютно прав и что скоро они действительно умрут от голода и без того непростое финансовое для страны и базы положение.

В первый же завтрак, что теперь всегда состоял из недодваренной перловки и чая, напоминавшего мочу в баночке,

Фросе, как и Манюне захотелось завывать от тоски и печали. «Деточки!» – назидательно произнесла Светлана Игоревна, увидев их кислые лица: «Перловка богата магнием и фосфором и железом!» Манюня мрачно подняла ложку: «То есть к концу сезона мы еще и светиться будем?» Повар не поняла на что она намекает и продолжила: «Она еще и калорийна!» «Так мы еще и растолстеем!» – ужаснулась Фрося. «А вот и нет! Ее ели гладиаторы!» «Это вы про Пашку с Андреем?» – Манюня показала на двух гвардейцев, те ничего не поняли. «В том смысле, что она дает силу и выносливость!» – закончила повар. «А! Нашим железным парням сила пригодиться!» – заключила Манюня.

И они решили попросить Светлану Игоревну сварить им какое, традицию подавать его на завтрак завела их незабвенная Раиса Максимовна. На следующий день они увидели два привычных чайника, но вместо приятного кремового напитка в их стаканах оказалась непонятная черная жижа. «Что это?» – сверкая огромными глазами Манюня не отрываясь смотрела на содержимое своего стакана. Светлана Игоревна сидела рядышком и с удовольствием уплетала собственно ручную приготовленную перловку. Она подняла на нее светлые глаза на здоровом крупном лице и возмущенно сказала: «Какао! Вы что не видите?» Ее строгий тон училки заметно охладил Фросю, но только не самого юного хищника, что выросла в многодетной семье, где ТВ прекрасно готовила. «Что-то не видно молока в этом какое! Запах есть! Вкуса

нет!» – она демонстративно подняла на свет свой стакан с темной жидкостью. Повар отложила трапезу и что есть силы рывкнула: «Какое еще молоко в какао?» Фрося в знак солидарности подняла свой стакан и посмотрела его на просвете: «Я так понимаю, надежды найти любимый молочный продукт не предвидеться!» «Оригинальный рецепт!» – тяжело вздохнула ТВ. За длинным столом сидело еще несколько человек у них жидкость в стаканах также была черна, как поле на УДИ, отдыхающее от посадок. «В какао должно быть молоко!» – уверенно сказала Манюня и взглянула на хмурю мать, ее совершенно не радовал подобный завтрак, но такая смелость и непосредственность дочери ее сильно раздражали. Манюня росла очень непосредственным ребенком не смотря на спартанское и очень строгое воспитание. Светлана Игоревна побагровела и всем сидящим стало хорошо видно, что она находится вне себя: «В какое не может быть молока и точка! А ваша дочь просто выскочка и зазнайка!» – зашипела она что есть мочи и с возмущением посмотрела на ТВ. Присутствующие сидели молча и не собирались разделять ее мнение. Она мгновенно поняла это по гробовой тишине, наполнившей пространство. Абрам Моисеевич строго посмотрел на вздорную женщину: «Если вы не уточнили рецептуру, то не надо обижать нашу деточку! Мой вам совет, научитесь лучше готовить! Иначе я приму меры к вам, а не к хищникам!» – с этими словами он взял недоеденную перловку и демонстративно вышел с недопитым стаканом с непо-

нятной жидкостью. Манюня победоносно посмотрела на повара и прежде, чем протиснуться на свое место постаралась задеть ее коленкой.

Спустя несколько дней еда лучше не стала, хотя по совету ТВ, перловку замачивали на ночь и на вкус она стала помягче. «Говоришь перловка произошла от слова жемчужинка?» – не удержалась Фрося, ложкой перемешивая серую массу. Манюня кивнула: «Да уж! Нам этот жемчуг до конца лета перебирать придётся!» Остальное меню ограничивалось макаронами по-флотски и непонятным супом из той же тушенки. Хлеб она никогда не подавала свежим, хотя ребята покупали его в пекарне почти каждый день и горячим. Когда и этот факт стал возмущать Манюню, им ответили, что свежий хлеб вреден и вызывает метеоризм в желудке. Фрося не выдержала и напомнила, что раньше они о таком явлении даже не слышали: «До вас, у нас никаких проблем с желудком отродясь не существовало!» «А теперь будут! Времена изменились!» – подытожила Светлана Игоревна, сдаваться она не собиралась: «Так гораздо экономней! Черствого хлеба вы съедите в несколько раз меньше!» «Это вам Коган посоветовал или собственная инициатива?» – не выдержала ТВ. Повар ничего не ответила и решила покинуть поле битвы.

К сожалению, большую часть июня Коган отсутствовал, а научный руководитель не взял на себя миссию по воспитанию повара, он был человек выдержанный и неприхотливый. Порой еда становилась совершенно невыносимой, и они

выходили из-за стола полуголодными. Из разговоров взрослых они теперь часто слышала о болях в животе у большинства сотрудников. «Будем лечиться!» – с этими словами он подзывал хищниц, и они отправлялись в магазин. Тогда уже на столе появлялся горячий хлеб и как говорила Манюня. «Пусть он и очень вредный, зато пахучий и обалденно вкусный!» – разделяя на пополам с Фросей аппетитную горячую корочку. ТВ просила дать им с Йосей тоже супервредной корочки. «Если нельзя, но очень хочется, то можно!» – выдавал очередной философский шедевр Вознесенский и нарезал пахучую домашнюю белорусскую колбаску, не говоря про свежую выпечку и пирожки.

Запустение на базе удручало Фросю. В первый же день они познакомились с новым аспирантом отца Пашей Жилкиным. Увидев его воочию, Фрося вспомнила, что он проходил практику с супругой Танечкой в год страшной истории. Практика ограничилась тогда двумя неделями, да и те события затмили пребывание четы Жилкиных. Андрюша Ставригин попал в проблемную лабораторию после тяжелой болезни, ему пришлось взять академический отпуск и вот уже несколько месяцев он успешно трудился на базе. При чем зимой, он оставался в одиночестве на много дней, сам чистил снег и ходил в валенках на замеры. Парень буквально одичал и прибытие все новых и новых сотрудников стало для него истинным наслаждением. Наконец то можно хоть с кем-то поговорить, а не только со Светланой Игоревной, весь разго-

вор с которой сводился, где бы ей найти нового мужа. Искать его на пустой территории бессмысленно и он предложил ей сходить на дискотеку, на худой конец подать объявление в газету, за что едва не получил половником по голове. После чего парень благоразумно решил воздержаться от каких-либо советов.

В двадцатых числах июня они торжественно отправились встречать Серегу и Суслика. Первый поступил в институт, а вторая сдала сессию и договорилась проходить практику на базе. Доставить на базу рыбаньку любезно согласился Митя, а заодно пообщаться со своим научным руководителем. Фрося купила кулек с сушками, больше половины их съели пока они ехали на остановку. «Совести у вас нет!» – возмутилась Фрося: «Ладно гвардейцы, вы то хищники! А Суслик к нашему роду племени относиться, ей оставьте!» «С кем поведёшься, от того наберешься!» – опуская очередную сушку в рот промолвил Йося. Очки и розовая панамка сразу заинтересовали Манюню, а поговорив с Сусликом пять минут она и вовсе заявила Фросе на ухо: «В нашей семье хищников, не без уroda!» Серега ей понравился, стройный спортивный очень красивый юноша сразу произвел благоприятное впечатление: «А старшенький наш ничего себе так, симпатичный!» Он угостил ее конфеткой и показал новые ракетки от бадминтона и футбольный мячик. «Массовик затейник» – удовлетворенно покачала головой Манюня: «А компьютер включать умеешь?» – спросила она его сидя в откры-

том грузовике. «Конечно! Вот и Митю привез запустить нам игрушки!» «А химическое пособие отец тебе давал?» – продолжала она допытываться. «Нет. Это Фросина стезя. Я по физике!» «Вот и славно, будет с кем делом заняться!» – она пнула мячик, и он чуть не вылетел из грузовика. Митя за три дня загрузил им игры, поковырялся ложкой в тарелке с перловкой, уничтожил пару сотню комаров и был таков. Задерживаться ему расхотелось.

Отличная подобралась компания! Паша с его ростом за метр девяносто, молодой, одержимый наукой аспирант, с одной четверкой закончивший институт. Даже вид его, взъерошенная голова и кучерявая бородка как нельзя лучше иллюстрировали принадлежность к научной братии. Андрюша доходил ему по плечо, среднего роста, спокойный выдержанный парень в очках. Он очень любил ходить в белом халате, отчего немного напоминал Митеньку даже внешне. Интеллигентный во всех смыслах аспирант закончил свои исследования и во всю готовился к защите диссертации в Москве.

В проблемной лаборатории начинались комплексные экологические исследования, разработка методов количественной оценки состояния ландшафтов под влиянием антропогенной нагрузки. В эти годы стало модно перенимать зарубежный опыт, а там об экологии и загрязнении окружающей среды очень заботились. И как говорится попали в нужную струю. Тем более слово мелиорация в перестроечные годы стало буквально нарицательным, и кто только не ругал ее на

каждом углу.

Вознесенский объявил о начале экологических исследований верховий Немана, как считалось, самого чистого места в Европе. Не смотря на это он не так часто выходил из комнаты камеральной обработки, не говоря уже за территорию базы, его рабочее место «голова», как он объяснял хищникам: «А головой все равно где работать. Лишь бы стол, бумага и ручка лежали под рукой! А теперь вот и компьютер!» Перед его гением преклонялись, понимая всю неординарность личности и большую часть дня он предпочитал оставаться в своем любимом кресле.

Для проведения нового вида исследований проблемной лабораторией был приобретен польский микроавтобус Nysa с гордой надписью на белом баку «Микролаборатория контроля качества воды», с новейшим оборудованием и прицепом для жизни в «поле». Его современная форма и содержание вызвали неподдельный интерес у местного населения, как только они въезжали в то или иное село для очередных обследований. И тем обиднее стало для них, что машины Nysa в простонародье обзывают «Нюша». «Нет, наша красавица» – поглаживая белоснежный чудной капот объявил Коган: «Будет носить только свое исконное, польское имя Нисочка или Нисочек, Нисулю..» – продолжать ласковые эпитеты он мог бесконечно.

Стоя напротив узенькой речушки, ученый муж принялся рассказывать им местную легенду: «В давние времена Нема-

нец и Лоша были братом и сестрой. Жили дружно, но однажды поссорились, и Лоша сбежала от брата. Не зная дороги, ушла в другую сторону и заблудилась. Неман проснулся, всё понял, бросился наперерез и нашел сестру. Они встретились, обнялись и вместе отправились в дальний путь». «Откуда вы все это знаете?» – в очередной раз восхитилась ТВ. А Мания, разглядывая речушки неожиданно спросила у матери: «Вот нас в семье четверо детей. Два брата и две сестры. Интересно – кто из нас Неманец, а кто Лоша?»

За исток великой реки Неман еще в старину приняли реку «Крикнули» Неманца, то есть маленький Неман. Хотя три небольшие речки – Уса, Неманец и Лоша сливались в единое русло почти что рядом. И каждую из них можно смело принять за начало великого Немана. Почему так произошло – никто из местных не знал. «Давно это было! Есть только красивые легенды» – вот и весь ответ. «На то мы и ученые» – часто говорил он: «Чтобы во всем разобраться.» На речках выбрали точки, створы, где они еженедельно отбирали пробы воды и водной растительности, нанесли их на карты. Так появился «Большой круг».

Все пребывали в восторге, что оказалась среди первооткрывателей экологических исследований. Дружной толпой они с лазили по берегам каналов и рек, отбирали воду, пробовали ее на органолептические свойства⁷. Последнее прав-

⁷ Органолептические свойства – ряд характеристик, которые оценивают с помощью зрения, обоняния, вкуса и осязания. Именно эти показатели определяют,

да удовольствия особого никому не приносило, они даже пару раз травились грязной водой. Манюня с Фросей не отставали и не менее виртуозно мерили температуру воды и воздуха, отлично управляясь с Оксиметром, новым прибором из Москвы для быстрого и точного определения уровня насыщенности водной среды кислородом. Со временем Фрося научилась делать анализы в лаборатории, Манюня к химии оказалась совершенно равнодушна: «Почему в таблице Менделеева есть йод, но нет зеленки?!» – задала она однажды вопрос, едва Паша стал упрекать ее, что она им не помогает. «А вот биохимия – это изучение соединений углерода, которые ползают. Я лучше к маме пойду» – попивая чаек в химичке рассуждала умная девочка.

Зимой Пашу с ТВ, как руководителя микробиологических исследований проблемной лаборатории специально направили в Московский Государственный Университет научиться вести новые виды биологических исследований. На что Йося не выдержал и пошутил: «Самые главные в этом мире – хрен и жаба. Один всех знает, а другой душит!» О том, что это необходимо для осуществления планов руководства, Пашка узнал последним, а заодно и что тема его будущей диссертации выбрана с той же целью. Не удивились только хищники. К середине июня на картах оросительно – осушительной системы Лесное появились точки с обозна-

насколько в данном случае вода привлекательна для потребителя и соответствует установленным стандартам.

ченными створами, после чего два раза в неделю они стали отбирать образцы воды и водной растительности. Эти исследования получили название «Малый круг».

ТВ привезла в биолaborаторию сверхновый микроскоп и Пашка порой целыми днями и ночами просиживал, вглядываясь в его окуляры. Он преподносил своему научному руководителю очередной фильтр и каждый раз, показывая его на свет, восторженно восклицал: «Вы только послушайте! Очередная цифра 589! Вы представляете! Видно, в этом месяце колебания планктона держаться на отметках 589 тире 600!» Его научный руководитель, будучи сто процентной выдержанной личностью ничего не отвечал молодому гению. Пашка подавал большие надежды, если бы не особенности его неумной натуры. К концу третьей недели его стали сильно смущать повторяющиеся цифры, и он решил лично перепроверить результаты. Они с Коганом сами настроили дорогостоящий микроскоп, взяли свежие образцы и друг за другом погрузились в волшебный мир водного планктона.

К концу дня, когда для них все стало предельно ясно, Коган в очередной раз захотел применить физическую силу к неумному Жилкину. Они не спеша вышли из лаборатории и синхронно затянулись сигаретами, при этом разговаривая на одном только для них понятном языке. «Да» – протяжно произносил один, «Еще бы» – вторил следующий. «Если бы не так, то конечно» – вторил ему научный муж. По их выражению лица Паша понял, что сейчас его будут бить не в

переносном смысле, а в прямом. Он попытался сделать вид, что их не видит и свернуть на другую дорожку. Коган уже поднял над головой кулак и погрозил в его сторону. Высокая долговязая фигура неспеша подошла к двум динозаврам, он попытался одеть невинное выражение лица. Получилось не очень правдоподобно. Коган его опередил: «Ты говоришь 599, 600 единиц водного планктона на один квадратный сантиметр фильтра?» И показал на маленький кругляшек, зажатый пинцетом в руке научного руководителя. Тот поднял его над головой и показал в свете заходящего солнца. Они втроем уставились на него и долго смотрели, пока Вознесенский не выдержал и передал пинцет в руки Павла. После чего полез в карман брюк и достал инструкцию к микроскопу. Как не старались они доиграть спектакль до конца, улыбка уже не могла скрываться под белоснежной бородой ученого. «Читаем» – он развернул книжечку и своим тихим спокойным голосом начал с отмеченной страницы и строки: «599 тире 604 точек на один квадратный сантиметр фильтра». Повисла недолгая пауза, после чего потрясенный Павел поднял кругляшек над головой и снова осмотрел его в лучах заходящего солнца: «Вы что, хотите сказать, что я месяц считал дырки на фильтре?» И тут они не выдержали: «Век живи, век учись! И ты наконец достигнешь того, что подобно мудрецу будешь иметь право сказать, что ничего не знаешь!» Динозавр показывал пальцем на фильтр и заразительно смеялся. Вечно сосредоточенный и серьезный ученый муж не выдер-

жал и хохотал вместе с другом. Пашка какое-то время пытался себя сдерживать, не выдержал и согнулся в две погибели и хохотал громче всех. Когда смеяться не стало сил, Коган попытался легонько ударить Пашку по голове, куда ему было до двухметрового гиганта. «Как там в вашей песне поется?» – «Какой?» «Любимой!» «У нас много любимых!» Они посмотрели друг на друга и со второй цифры начали:

А у жирафа шея длинная,
И он не может водку жрать,
Его по морде били чайником,
И самоваром, и паяльником,
Его по морде били чайником,
А научили водку жрать.

Они все лето напоминали Пашке про «дырки от бублика», на что он однажды не выдержал и выдал очередной философский шедевр, вычитанный из какой-то газеты или журнала: «Без противника солдат никогда не осознает своей силы, так и мысль должна развиваться, упражняясь в силе.» Все крепко задумались, первым оказался Йося: «И много ты этих своих мыслей развил, считая дырки?? Мы месяц лазили по колено в воде, собирая фитопланктон, а ты даже не дочитал на какие кнопки жать на приборе?» Фрося тоже добавила свои пять копеек: «А противник кто – фитопланктон или динозавры? Они между прочим, до сих пор упиваться своим могуществом!??»

Химическая лаборатория стала для Фроси еще одним

родным домом, официально за ней признали право там работать совсем не просто и не сразу. Конечно, ей можно было, как дочери научного руководителя, заходить туда в любое время дня и ночи. Ее рвение помыть химическую посуду они с радостью одобряли, а вот на желание взять в руки реактивы смотрели косо и с явным неодобрением.

Через несколько дней после их приезда, динозавры позвали их на серьёзный разговор в свою резиденцию. Так сказать, в неформальной обстановке обсудить множество насущных вопросов. Фрося с Манюней сели в самый дальний угол и незаметно присоединились к общему разговору. Тут и выяснилось, что у Андрея нет зоркого помощника в лаборатории. Недолго думая, Фрося предложила свою кандидатуру. «Тем более у меня пятерка по химии» – била она себя в грудь. Андрей же парировал: «Первый парень на деревне, это не последний в городе!» «Что ты хочешь этим сказать? Отец еще зимой дал мне пособие по химической практике. Я его выучила от корки до корки!» Ученый муж кивнул. Йося авторитетно добавил: «Фрося человек ответственный, не то, что вы!» Динозавры кивнули и тут же дали свое согласие. Теперь она могла официально работать химичке, а заодно приглядывать за Андрюшей. И никого не смущало, что парень на несколько лет старше девочки.

В химичке, наравне с москвичами работали три местные женщины, а еще трое в биологической лаборатории. Глядя как они каждое утро дружно заруливают на своих велосипедах, Андрей в

первый же день не выдержал и процитировал: «Ехали медведи, на велосипеде, а за ними Зайцы на хромой собаке.» Намекая на заезжающий за ними грузовик. Манюня смеялась громче всех, после чего выдала: «А у нас будут химические и биологические медведи! Особый подвид!» Фрося вытаращила на них свои иссиня голубые глаза и хлопнув себя по лбу произнесла: «Охренеть! В химички и правда трудятся Алла Ивановна, Алла Львовна и Алла Сергеевна!» «Точно!» – тоже искренне удивился Андрей, как будто в первый раз услышал, как зовут лаборанток. Манюня посмотрела на обоих: «Вот поэтому я и не люблю химию! Мои медведи имеют самое широкое видовое разнообразие!» От этих слов Андрей чуть не упал от смеха с высокого крыльца: «Твои медведи?» Она же, как ни в чем не бывало продолжила: «Конечно! Надежда Сергеевна, Римма Марковна и их предводитель, не сравненная Руфия Юсуповна!» «Да уж, она как своим татарским глазом пройдёт по лаборатории, даже наш Пашка пугается! А он у нас, заметьте, бессмертный!» – подтвердил, немного успокоившись парень. «Потому и не боится!» – добавила Фрося и пошла в лабораторию.

На традиционный вопрос «химических медведей»: «Что ты опять делаешь в химичке?» Фрося с гордостью им ответила: «Я помогаю Андрею. Папа разрешил!» Анна Ивановна недоверчиво посмотрела на обоих, на что парень, поправив очки, подтвердил информацию: «Будет меня контролировать.»

К большому разочарованию Фроси работать в нормальном смысле этого слова, у нее совершенно не получалось. Как только Андрей начинал титровать, а она подавать ему стаканчики с пробой и реактивами, тут же приходил Паша. Все понимали без слов, и медведи дружно произносили: «Если перекур, то только на полчаса! Не больше!» После многодневного опыта они убедились, что спорить и ругаться с ними бесполезно, как и спрашивать: «А где же ваша совесть?» «Где то есть!» – дружно отвечали оба и тут же скрывались за дверью. Иногда вслед за Пашей заходили «биологические медведи», номинально работавшие и под его руководством, а не только ТВ и тоже спрашивали, где совесть у Паши. Им он обычно отвечал, что ему ее просто забыли выдать. «Оно и видно» – возмущались медведи и тут же доставали граненные стаканы для чая. Как же не попить чайку в химичке?! Этот священный ритуал не прекращался ни дня. Если людей набивалось слишком много, то в ход шла вся химическая посуда, как бы само собой разумеющиеся служившая им вместо стаканов. Тонкая, жаропрочная, да еще и с рисками на поверхности, что может быть лучшим вместилищем чая?!

Андрей постоянно шутил над Фросей, ему явно доставляло удовольствие ее позлить. Каждый день он с интересом наблюдал как она медленно закипает как их химический чайник и входит в бешенство от его колких нападок. И когда Фрося доходила до нужной кондиции, то он как ни в чем не бывало говорил: «А пойду ка я на перекур! Кое кому

остыть нужно! Я ненадолго!» «Можешь вообще не возвращаться!» – отвечала она ему сквозь слезы, и «химические медведи» каждый раз толкали друг друга в бок и хитро так улыбались. Ей было не до заигрываний с симпатичных парнем, настолько ее поглощал процесс определения данных. Но это только на первый взгляд.

Самой больной шуткой, когда на все ее возражения против его бесконечных перекуров, он с серьёзным видом поправлял очки: «Я начальник, ты дурак! Ты начальник, я дурак!» и тут же сам предупреждая ее выпады сам себе отвечал: «Я начальник – ты дурак! Так что молчи и делай опыты!» и вытащив сигареты из кармана со смешком проходил мимо «медведей». Фрося очень долго не могла сообразить, что же ему ответить на такое вопиющее нахальство, как вдруг в один из дней она сама не зная почему произнесла: «Каков начальник, таков и подчинённый!» Она демонстративно сняла халат и пошла к ребятам поиграть в карты. Как так получилось Фрося сама до конца не понимала, но с великой радостью ощутила маленькую первую победу. Хищники очень удивились ее столь раннему посещению их штаб-квартиры. «Медведи что ли укатили?» – не понимали они своего трудоголика, она лишь загадочно улыбалась и с воодушевлением, что они так давно у нее не наблюдали, начала раздавать карты. А через час и вовсе как ураган носилась с посудой, едва они решили испить чайку и поиграть в очередные шарады и «крокодил». «Крокодил» древняя как мир игра,

где ведущий на ухо загадывал слово, и они по очереди выходили на середину комнаты и показывали, что им загадали. И даже тут Фрося превзошла саму себя, так что Йося зааплодировал в один из показав. Сегодня он был главным ведущим. Не повезло только Манюне, она с ужасом прочитала «Творческий конкурс». Раз в день кто-нибудь обязательно попадался, ей обычно везло, а последние две недели и во все эта участь обходила ее стороной. «Изобразить Папу Карло?» – она уставилась на Йосю, а затем и на подругу: «Вы оба в химичке реактивов нанюхались?» И тут к ним в дверь постучался Андрюша. «А тебя каким ветром занесло?» – не удержалась Манюня. «А я вот за Фросей, «медведи» переживают!» – поправляя очки он присел рядышком. «Ой ли!» – покачал головой Йося, наконец догадавшись от чего у Фроси такое хорошее настроение: «Передай «медведям», чтобы не переживали! Вернётся!» Фрося заулыбалась от удовольствия и вида прибежавшего за ней Андрюши: «Жди меня! И я вернусь! Только очень жди!» «А можно я здесь, с вами подожду Фросю, Манюня раздай и на меня картишки!» – он пододвинул пустой стакан, и Фрося собственноручно налила ему чаю. «Перед начальством прогибаешься?» – не удержалась Манюня. «Каков начальник! Таков и подчиненный!» – гордо произнес парень.

Трудоголики покинули веранду, а Манюня не выдержала и бросила в Йосю тапок: «Я тебе такого Буратинку выстрогаю! Во век не забудешь!» и хлопнув дверь растворилась в

пространстве базы. Серега невозмутимо хрустнул сушкой и дал команду Суслику раздавать карты. И тут она начала читать чьи-то стихи: «Жизнь хороша, как скумбрия в томате. Лишь надо б, но проснуться и понять, поменьше ныть о долге и расплате, побольше жить и чутко наблюдать!»

Манюня на ужин не пришла, и хищники сильно забеспокоилась. ТВ их быстро успокоила: «Ее «медведи» накормили. Она там какой-то конкурс готовит.» Не появилась она и на ночных посиделках. «Точно Буратинку стругает!» – режюмировал Йося.

На следующий день Манюня никуда с ними не поехала и осталась на базе в гордом одиночестве. И вот на вечерних посиделках она наконец представила плоды своих творческих мук. На большом листе плотной бумаги она нарисовала горящий камин, увидев который Йося аж присвистнул: «Я бы у такого даже руки погрел! Талантище!» Серега остался невозмутимым: «А где Папа Карло собственно говоря?» И тут Манюня не растерялась: «А он ушел за поленом! И еще не вернулся!!» Громче всех хохотал Пашка, так что минчане постучали к ним в стенку с просьбой успокоиться.

Камин Манюня забрала с собой, и он так понравился ученому мужу, что он попросил Бендя повесить его на стенку в коридоре напротив кухонного стола. Теперь всяк входящий невольно останавливался возле него и подставлял руки.

Фрося затаив дыхание перевернула крохотную бумажку, где с обратной стороны прочитала название конкурса. Йо-

ся, ему вновь выпала честь раздавать задания аж потер руки. Она, заметив его движения четко поняла, что он придумал для нее очередную пакость! Недаром они так хорошо знали друг друга и явно симпатизировали, только никогда не показывали это на публику, хотя для окружающих это было ясно без слов. И точно, на обратной стороне она прочитала замысловатые слова: «Написать сказку про дерево – дуб «Мудрый Карл» и рассказать нам ее через три дня! В полночь!» «Я что, должна еще и волком завывать на большую луну?» – не удержалась она от комментариев. Все дружно засмеялись и Йося довольно поерзал на стуле: «Думай о смысле, а слова придут сами!!»

«Творческие задания» всегда были «поподавало», как сказали бы современные дети. Для каждого из них это действительно означало творческие муки, ведь вокруг собирались не абы кто, а образованные и очень умные соплеменники, а перед ними стыдно упасть в грязь лицом. А при условии, что каждодневные обследования стали у них нормой и содержанием жизни, то на выполнение задания оставались редкие часы для сна, что и так стали стремительно сокращаться под действием Вознесенского, он как одержимый наращивал темпы исследований. Фрося тяжело вздохнула, деваться не куда! Через этот конкурс проходили все, хорошо хоть «вистующий» как они на манер преферанса звали раздающего в этот день шарады был как правило человек разумный и всегда учитывал «политическую» обстановку. Ес-

ли работы намечалось очень много, «Творческий конкурс» как правило ограничивался прочтением стихотворения, рисунком или поделкою, на худой конец «изобразить» того или иного человека или предмет. Фросе не повезло, впереди их ждали выходные и творческий конкурс автоматически предполагал за собой утяжеление «творческих мук», как они их называли.

С лучами первого солнца Фрося пошла в химичку, задолго до завтрака. Она села на подоконник, надеясь, что любимые стены помогут. На листке старой желтой бумаги она нацвртала заглавие: «Мудрый Карл» и тяжело вздохнула. «Он родился с красивой и правильной шляпкой, как это принято у благородных деревьев. Истори, только такие большие и пузатые желуди, без плесени, могли продолжить род, идущий от самого Мудрого Карла, как все звали пра пра дедушку, самого главного долгожителя этого леса. Его необъятный и могучий ствол служил прибежищем для птиц и зверей и оставших путников, что могли устроить себе приют в его огромном дупле и кроне» – родились у нее первые строки. Ей стало полегче, и она осталась очень довольна. Не даром она пришла в столь ранний час в благословенные стены. Пока она сосредоточенно писала первые строки, из своей комнаты вышел Абрам Моисеевич и увидев ее на подоконнике сильно удивился. Она его даже не заметила, умел старый лис подкрасться незамеченным. Он, заметив, что она сосредоточено что-то пишет не стал отвлекать ребенка и пошел в сто-

рону заветного места. На обратном пути он вновь увидел ее сидящую с отсутствующим взглядом быстро записывающей какой-то текст в тетрадке. Она заметила его, и они поздоровались. «А что это ты тут делаешь, еще звонок на завтрак не слышался?» – дружелюбно улыбаясь спросил динозавр, предполагая все что угодно. Она засмушалась как – будто ее взяли на месте преступления и поспешно закрыла листок руками. Такая поспешность сразу бросилась ястребиному его взгляду, и он вплотную подошел к открытому настежь окну и попытался забрать у нее листочки, она их просто так из рук не отпускала. Коган настолько устал от их выходок и розыгрышей, что мог предположить все что угодно, вплоть до того, что она изобретает порох. К его облегчению он прочитал «Мудрый Карл» и текст с помарками и ошибками, что она успела к этому времени написать. Он глубокомысленно перечитал рассказ, поднял на нее глаза и удивленно хмыкнул. Протянув ей листки, он лишь спросил, кто на этот раз отличился: «Йося!» – гордо ответила Фрося и старый лис довольно покачал головой: «Я так и знал! Ну что ж твори!» – он дал понять, что он и так про них все знает и дает полную свободу действий: «Будет что у камина почитать!»

«Он лежал рядом со своим прародителем на солнечной стороне и боялся только одного, чтобы большая и жирная свинья, пришедшая утолить свой голод оставила его в покое, и он смог прорасти большим и красивым деревом. А свинья и не думала жалеть их – молодых и статных отпрысков благо-

родного дома. Она набила ими свой рот и «маленький Карл», как назвал его пра пра дедушка, увидев, как он красиво и элегантно падает на землю, тоже оказался среди захваченных собратьев. Он зажмурил глаза, ему захотелось натянуть свою твердую шляпку поглубже, чтобы не видеть свою раннюю смерть. А свинья с огромным набитым ртом чего-то испугалась и бросилась бежать наутек, так и забыв расколоть и прожевать маленький желудь. Она бежала сломя голову, пока стрела на попала ей в толстый бок и заревев от боли и ужаса она выронила не съеденные желуди на прекрасную землю. Так «маленький Карл» оказался на краю леса, в гордом одиночестве от всех остальных братьев и сестер, ибо неугодное животное надкусила и не дала им возможности выжить.

Он лежал на теплой земле, а рядом лежала та, что не дала ему вырасти вблизи родных и близких. Не даром он был голубых королевских кровей с такой бесподобной шляпкою. Желудь аккуратно перекатился в маленькую круглую ямочку и закрывшись красивыми осенними листиками стал ждать своего часа. И час пробил! Лежа во влажной и рыхлой земле, он дал всходы и так началась полная приключений и опасности жизнь молодого благородного дуба. Через несколько столетий уже никто не мог вспомнить о той свинье, что перенесла его через весь лес. Проходящие мимо путники и зверье, живущая в чаще, стали звать его Молодой Карл. Много веков он оставался для всех ориентиром и главной достопримечательностью волшебного леса».

Читать сказку на середину комнаты Фросю нежным пинком отправил Йося. По окончании рассказа ей даже поаплодировали, Андрей, сидя, а Пашка встал и с высоты своего гигантского роста уважительно поклонился и пожал ее творческую руку. «Не ожидал!» – вынес вердикт Йося и тоже хлопнул пару раз в ладони. «Я так понимаю, что под свиньей ты изобразила всесильного ученого мужа?» – Манюня произнесла это не открывая глаз. Фрося даже опешила, она как-то не обратила внимания на этот факт. Полулежа Манюня открыла левый глаз и спросила: «А что сказка закончилась? Что там случилось со свиньей – террористкой?» Йося толкнул ее в бок. «Да она вечно напоминает отцу через свои подарки, что он родился в год свиньи! Неужели не понятно?» – в виду позднего времени и усталости они не так быстро соображали в отличии от неутомимой хищницы: «Так это что, гимн Вознесенскому или рассказ про зоохорию?» – проспав половину сказки она никак не могла понять ее содержание. Йося ласково погладил ее по голове и показал на старый будильник: «Какой гимн? Какая зоохория? Время пол первого ночи! А что такое кстати зоохория?!» Услышав который час, она подскочила как ужаленная, ей срочно нужно было ложиться спать. Йося отправился проводить нежное создание, чтобы ТВ меньше ругалась, но сначала они дошли до «заветного» места. По дороге она просветила друга: «Да Фрося просто описала один из способов распространение растений, в данном случае животных. Ничего креативного!» Йося за-

смеялся: «Дитяте биолога видней!» ТВ конечно сильно рассердилась, они с ученым мужем писали очередную научную статью, так что совершенно забыли про поздний час, сроки им поставили сжатые. «Йося!» – начала она тоном строгой учительницы: «Ну ладно вы взрослые! И то, это не дело не спать по ночам! Она же еще ребенок, вы хоть это понимаете?» Предводитель хищников интеллигентно кивнул и пообещал отслеживать распорядок дня всех членов прайда. Тут динозавр спохватился: «А где Фрося?» Манюня причмокнула: «Сказки детям на ночь рассказывает!»

Местом обитания «молодой гвардии» стал второй домик, где Коган поселил Пашку с Андрюшей в освободившейся самой большой комнате. Еще ранней весной он как будто знал, что у них подберется такой отличный симбиоз «хищников» и «гвардии». Там они и проводили все свое свободное время. Второй дом традиционно принадлежал минчанам, их от недели к неделе приезжало все меньше и меньше. Начальнику экспедиции приходилось выслушивать их бесконечные жалобы, что «гвардейцы и хищники» совершенно не дают им спокойно спать. Почесывая лысую голову или как Йося, шутил «кучеряшки» он с заумным видом обещал, что обязательно разберется. Что сделаешь с этой молодежью? Он хорошо помнил все попытки отселить пышущих неумеренной энергией и задором хищников. Сейчас «муравейник» на краю базы сиротливо глазел темными окнами. Переселить туда «молодую гвардию» было очень заманчиво, но Паша

с Андрюшей не вызвали у него абсолютно никакого доверия несмотря на то, что находились бы в его непосредственной близости. «Нужно перевести вас поближе к цивилизации» – как-то задумчиво пробормотал он, забирая у гвардейцев ключи от «муравейника» в конце весны. «Ты думаешь, что симбиоз гвардии и хищников слишком опасен?» – уточнил Вознесенский: «Нужен глаз да глаз за ними» – подтвердил Коган. «А минчане люди выдержанные – это раз, послушают музыку и анекдоты – это два. В конце концов у нас суперталантливая молодежь – это три! Цыкнут на них, они хоть вовремя угомоняться! А в вагончике кто их гонять будет? Я?» «Тебя надолго не хватить! Против лома нет приема!» – подтвердил ученый муж. «Правильно! Только если нет другого лома! Так хищники говорят?» – и они оба заулыбались: «Не бойся ножа, а бойся вилки! Один удар – четыре дырки!» – продолжили они декламировать. «Не бойся вилки, бойся ложки! Один удар – протянешь ножки! А домик, по традиции отдадим студенткам из калужского техникума! Тем более они скоро придут!» – подытожил свое решение Коган.

Когда из открытого окна доносились песни, анекдоты и дружный смех, столпы экспедиции не раз останавливались и с удовольствием слушали их задорные звонкие голоса.

Минчане постепенно привыкли к ним и даже притихали за стенкой, услышав до боли знакомые слова «Мы лежим с тобой в маленьком гробике...» или «Смешную песенку про

разное». Хищники про это прознали и старались петь их погромче. Особенно Манюне удавалась концовка «Смешной песенки»:

Комарик гнусное животное,
Он не любит к девкам приставать,
Его по морде били чайником,
Большим, зеленым, ржавым чайником,
Его по морде били чайником,
А он лишь чайник поломал...

Манюня смешно закатывала глаза, и они буквально падали со своих стульев от смеха. Ребята любили попеть эту песенку на разные голоса, каждый из них пел по заранее оговоренному сценарию свой куплет. Фросе всегда доставался куплет про бегемота : «Наверное я просто толстая» – думала она немного обиженно глядя на себя в зеркало, выбор сделали исключительно из-за ее звонкого голоса, как нельзя лучше подходящего под «бегемота», как объяснил ей все тот же Йося, совершенно не понимавшей ее комплексов по поводу фигуры и внешности. В его глазах Фрося выглядела симпатичной и волевой девушкой, с хорошим характером, с ней никогда не было скучно. Временами правда излишне серьезной и хмурой, но кто здесь не загрустит? Отец раздавал ей поручения, совершенно не обращая внимания на юный возраст. Временами Йоси казалось, что он и вовсе относиться к дочери как к вполне себе взрослому человеку. Коган тоже перенял эту манеру и Йося впервые почувствовал, что дет-

ство уходит безвозвратно. Уезжая по своим дедам, он без зазрения совести поручал ему вместе с Николаем Денисовичем, бывшим лесником, а ныне сотрудником базы общее руководство по хозяйственной части.

Ощувив первую и такую редкою победу над шуточками Андрея, Фрося стала гораздо реже слышать от него в свой адрес, что он начальник, а она дурак. Конечно, он придумывал множество других шуточек, на которые она не могла сразу среагировать, ответ как правило приходил в ее голову гораздо позже, а так как Андрей практически никогда не повторялся, то Фрося стала сосредотачиваться на карточных играх, стараясь обыграть всех и отплатить ему каким ни будь сложным заданием. Скоро он понял, что она нашла его слабое место и чуток сбавил обороты.

Суслик само собой разумеющееся немедленно присоединилась к их в работе над анализами. Ее меланхоличные движения раздражали всех гораздо больше, чем бегающая как ураган Фрося. Последняя хоть и была время от времени посуду, ни у кого из них не получалось работать без потерь, зато делала все молниеносно. «Химические медведи» ужасались такому варварскому отношению к дорогостоящей посуде, но на дочь своего начальника старались не обращать внимания.

А Суслик, как она ела не спеша и почему-то всегда чайной ложкой, так и хлебала эту жизнь. Порой казалось, что она просто спит над мензуркой или колбами, настолько медлен-

ными были ее движения. «Два зверя-ленивца висят на дереве. Через пять лет один из них подтягивается и зевает. Другой: – Слушай, ты меня своей возней раздражаешь!» – наблюдая за ее работой резюмировала Манюня, а затем и все добавила: «У нее наверное замерший мозг?» Йося отсмеявшись поинтересовался: «Какие симптомы?» «У ленивца гладкий мозг без извилин, это всем известно, а у человека содержит около девяносто миллиардов нейронов! Сечешь?» «Не особо» – встрял в разговор Серега. «Куда она дела такое уйму нейронов?»

Они сидели с Серегой за деревянным столом и играли шашки. Манюня проигрывала и спросила у него: «У нас в прайде есть два химика самоучки, начальник транспортного цеха» – она показала на Йосю стоящего у гаражей с Зайцем и Бендем: «Я промежуточное звено! А ты?» Серега задумался: «А я по минимизации маразматизации всех членов!» Ответ ей понравился: «Точно старшенький! Опять продула! Пойдем что ли в бадминтон поиграем! Вон малахольные калужанки с УДИ приехали, а то опять в своем «муравейнике» спрячутся, мы их до вечера не увидим!»

Пашка собрался ехать в Москву. Хищники сильно удивились, что ему так срочно потребовалось закрыть командировку и открыть новую, а заодно сдать отчеты. Манюне в этот раз не повезло, требовательный окрик ТВ отправляться ко сну не позволили очаровательной девочке остаться с ними до утра. На прощание она сплела ему венок из белых рома-

шек и водрузила на голову. Пашка стал похож на греческого философа. Она уткнулась ему в живот и пожалела скорейшего возвращения. Проводы затянулись до утренней зари, когда первые лучи солнца коснулись их лиц. Они зажигали от души, как будто прощаются не на неделю, а до конца своих дней.

Экспедиционная неделя, это не быстро и не долго, хотя именно эта почему-то показалась всем практически бесконечной, настолько много событий произошло за семь дней, да и отсутствие Пашки сказывалось на их общем настроении. Как не крути, а молодой ученый вносил в их жизнь большую толику позитива. Его каждодневные ляпы пересказывались из уст в уста и служили лучшим подтверждением неординарности его натуры.

Буквально на следующий день после отъезда Пашки, динозавры спешно организовали ночные замеры. Они резонно полагали, что при его участии у них вряд ли получится спокойно осуществить задуманное. Он снова решит изобрести какой-нибудь новый вид исследований или прибор не поддающийся осмыслению. Йося с ними согласился и тут же рассказал анекдот: «Британские ученые изобрели прибор, с помощью которого можно легко проходить сквозь стены, и назвали изобретение дверью!» «Это ты про дырки в фильтре вспоминаешь?» – смеялся Коган. «Не только!» После затяжных дождей установилась ясная погода. Этим обстоятельством во многом объяснялась поспешность принятого

решения.

Манюня пребывала в полном восторге, когда ей сказали, что она тоже поедет на Верхний пруд и сможет участвовать в ночных замерах и запрыгала аж до потолка. С раннего утра они собирали оборудование, готовили припасы и по несколько раз перепроверяли список.

В полдень, на Верхний пруд забросили лучший состав базы, то есть хищников во главе с ТВ. Исследования решили начать днем, чтобы к ночи заучить алгоритм действий. Разожгли костер, повесили котелок и чайник.

«Небо было лунявое лунявое! И на небе ярко топырщались звезды!» произнесла Манюня глядя на бескрайние россыпи звезд. В ее огромных глазах отражался весь восторг молодой души начавшей соприкасаться с вечностью. «Ведь не даром кто-то сказал: «Меня поражает звездное небо над головой и нравственный закон внутри» – не остался в долгу мудрый ученый, заметив ее неподдельный интерес к прекрасному. Восторг девочки сразу сменился задумчивым выражением лица, а Йоси и вовсе захотелось развить эту тему и только педантичная, не любящая отвлекаться по пустякам ТВ остудила их пыл удариться сейчас в философию: «Пора склянки Винклера доставать! Время без пяти минут двенадцать! Какое небо!? Какой нравственный закон!?» – указала она строго. «Зерно истины, брошенное даже вот так и как бы не в значай, рано или поздно упадет в благодатную почву» – провожая их фигуры в темноту не унимался ученый муж.

«Шевелите лапками! Дармоеды!» – подгоняла их Манюня и включила фонарик.

Сергея отказался участвовать в их эксперименте, его подвязали к ворошению сена приехавшие накануне минчане, а Суслика не пустила боязливая Ольга Яковлевна. Она и слышать не хотела ни о каких ночных исследованиях на пруду, пожертвовав свой фирменный фонарик. «Откупилась!» – сквозь зубы проговорила Манюня: «Мы ей это припомним!»

Ближе к двум часам ночи она благополучно заснула, Йося без зазрения совести прикорнул рядом. Он целый день наблюдал за их стараниями, особо не принимая участия в сборе данных, больше помогая по хозяйственной части. Прекрасно понимая, что утром кто-то должен остаться бодрым и вменяемым. Фрося держалась до утра и уснула уже на рассвете. К этому времени взрослые ушли на базу до собрать оборудование, что они забыли в торопливых сборах. За главного оставался Андрей, он утомленный их постоянными ночными посиделками в конце концов не выдержал и заснул в нескольких метрах от Фроси, расстелив широкий плащик. А потом и вовсе завернулся в него с головой, словно гусеница. К этому времени Йося с Манюней благополучно выспались и решили снова развести костер, покупаться и попить на углях картошечки. Глядя на удаляющихся взрослых, Йося, как всегда, начал загадывать очередную загадку, что так любил их Серега: «Летят напильники в Африку. Манюня, почему они не долетят до дому?» Она, прекрасно по-

нимая, что это очередной подвох просто спросила: «Почему не долетят?» «Да у них же ручек нету!» – весело закончил Йося.

Заяц затормозил прямо над Андреем, едва не раздавив его молодое тело. Незаслуженное наказание экспедиции, без зазрения совести въехал в их очерченное оборудованием и палаткой пространство. Он высунулся из окна кабины и попросил Йосю помочь выгрузить ящики и сумки: «Профессура собирал!» От такого будильника проснулся бы даже слон, Фрося даже не пошевелилась. А бедный студент напротив, увидев над собой нависший бампер грузовика спросонья не понял, что происходит и попытался лежать, не шевелясь в надежде, что Заяц сдаст хоть немножечко назад. Упрямый белорус решил подождать пока они сами освободят дорогу. Парень с трудом высвободил руки и отталкиваясь ими появился из-под чрева железного чудовища. Заяц аж присвистнул: «Тебе жить надоело? Ты зачем под грузовик лезешь?» Йося толком не успел ничего сообразить и промолвил: «Очень ленивый самоубийца, умер от старости!» Андрей в явно неадекватном состоянии попытался выпутаться из плаща и пополз дальше. Йося поймал его за ноги и стянул необъятную вещь пятьдесят шестого размера. Они оба сидели на земле, пока окрик Заяца не вернул их в действительность: «Биологические медведи» долго ждать не будут. Потом сами у них семечки выпрашивать будете!» От мыслей о еде у Андрея в животе заурчало и он помог Йосе поднять-

ся и выгрузить из грузовика остатки оборудования и кулек с пищей. Заяц газанул, обдал их едким дымом и стремительно умчался. Фрося перевернулась на другой бок, и он укрыл ее своим плащиком.

После такого весьма жесткого пробуждения он пошел умываться с твердым намерением позавтракать. Они сняли «продукцию»⁸, отобрали пробы воды и уселись к костру. Утреннее умиротворение дополняло пение птиц, треск костра и лежащая в ней картошка. Для всех присутствующих это стал неслыханный деликатес. Бесподобный запах костра заметно улучшил его настроение, а Манюня весьма грациозно разложила по тарелкам три зажаренных хлебushка. «Уж больно картина напоминает харчевню три Пескаря!» – не удержался Йося оглядывая сервировку. На что она мало обратила внимания и попыталась разбудит Фросю, та даже не пошевелилась. «Да оставь ты ее в покое! Даже завидно!» – Йося с улыбкой посмотрел на торчащие стройные ноги. И тут же вспомнил очередной анекдот-загадку: «Рядом с кроватью стоит и на «Б» называется?» Манюня тут же ответила: «Тумбочка!» «Сама ты тумбочка! Я же сказал на «Б»!» «Тогда ботинок!» – правильно ответил Андрей. Йося удовлетворенно кивнул и продолжил: «Правильно! А под подушкой что – то лежит и на «Ы» начинается?» Похрустывая пережаренными

⁸ «Продукция» – Первичная продукция – биомасса, созданная автотрофными организмами (продуцентами) из минеральных веществ в процессе фото- или хемосинтеза.

хлебцами и запивая горячим чайком ребята сосредоточенно думали над загадкой, ответ так и не приходил в их светлые головы. Йося не стал тянуть время и сам ответил: «Ыще бо-тинок!» Манюня смешно надула губки, в попытке изобразить обиду и бросила в него фантик от конфетки: «Вот всегда ты такой умный!» «Мне до твоего Папы Карло далеко!» – он пошарил палкой костер, и они пошли вместе плавать на лодке и купаться. Андрей воткнул палку возле Фроси, привязал белое полотенце и сел с ними за весла: «Это маяк для Зайца! На всякий случай!»

Случая так и не предвиделось. Заяц, как и динозавры больше к ним не приехали. Фрося проснулась к двум часам дня от боли в затекших ногах и долго не понимала который час. Рядом сидел ошалевший от жары и усталости Андрей и в полной прострации кидал мелкие камешки в воду, ощущая в животе острый приступ голода. За это время хищники успели два раза съездить базу. Утром предусмотрительные взрослые передали им велосипеды вместе с Зайцем. Они привезли им новые склянки для планктона. Фрося открыла глаза, когда они как раз собирались на базу за очередной порцией склянок. Увидев несколько картошин и поджаренный хлебушек, она от всей души отблагодарила представителей своего племени и даже поделилась с Андрюхой, зная его неуемный аппетит. «И куда в тебя столько помещается?» – не удержалась Манюня, наблюдая как он с жадностью уминает зажаренный хлеб: «Вреде такой худой! А ест как троглодит! Даже

завидно!» «Он Манюня не троглодит, а продуцент!» – парировал Йося и тот подавился крошками, услышав привычный термин из Пашкина арсенала. «Продуцент?» – Манюня не поленилась, поднялась со своего места и оглядела студента со всех сторон. Он закашлялся еще сильнее, и она побила его по спине. Смеясь Йося, напомнил, что продуценты способны синтезировать органическое вещество в процессе фотосинтеза. «Тогда я скорее консумент!» – окончательно пришёл в себя парень и тоже блеснул очередным научным термином: «Я же в большей степени питаюсь готовым органическим веществом живым или мертвым!» Им оставалось лишь встать и похлопать ему в ладоши: «Браво!» – от всей души пожала ему руку Манюня и сунула в руки склянки: «Заформолинить не забудь! Консумент.»

Несколько часов они с Андреем провели вдвоем на замерах. Время от времени Андрей присаживался у костра и пел своим красивым мелодичным голосом баллады. Проходящие мимо люди и вовсе думали, что отдыхает молодая парочка влюбленных. И вот уже на исходе дня появились довольные и веселые лица хищников. Они спрыгнули с велосипедов и как ни в чем не бывало позвали их искупаться. «А как же замеры!» – возмутилась Фрося, показывая на часы. «Счастливые часов не наблюдают!» – помахала ей полотенцем Манюня: «А планктон и вовсе никуда не денется! Он здесь прекрасно обитает без нас» – резонно заметила дочь биолога окунаясь в нагретую за день воду: «А вот темпера-

турный режим водоема, не устойчивый!» – переворачиваясь на спину она поманила за собой Йосю.

Они всласть накупались, успели взять пробы и развалились на полосатом пледе прогреть молодые косточки. На горизонте появился их любимый грузовик. Из кабины вылез ученый муж, а ТВ спрыгнула с кузова. Оба находились в отрешенном состоянии. Им заказали очередную научную статью о новых видах исследований. ТВ достала новые колбочки и необычные бутылочки, явно из новой микролаборатории, отметили острым взглядом юные хищницы. И оказались правы. Вознесенский пребывал неутомимым в своем научном энтузиазме и ТВ приходилось подстраиваться под его новые идеи и замыслы. Пришла еще одна ночь. Манюня, всласть насладившись звездами и красотой природного огня уснула рядом с Фросей в палатке. Сбоку от них пристроился Андрей. Ученый муж заснул рядом с кострищем. Счастливые и хорошо отдохнувшие, они проснулись около шести утра, когда сонный Йося попросил их сменить на боевом посту. Он вместе с ТВ всю ночь бдительно выполнял заранее запланированные мероприятия по изучению ночного планктона и колебаний кислорода в воде.

Андрей разжег костер, со стороны пруда донеслась прохлада, да и от зажаренного хлеба с горячим чаем никому не хотелось отказываться. Ученый муж достал из палатки гитару, и они слышали бодрые трели: «Поздно утром только сони спят, свернувшись калачом, мы встаем, лишь солн-

це тронет нас своим косым лучом...» Манюня не оценила столь ранний подъем и умывшись дистиллированной холодной водой попросилась покататься с Йосей на лодочке: «Заодно данные поснимаем. Совместим приятное с полезным. А вы пока чай заварите!»

Целый день они пели песни и снимали пробы воды на удивление местным жителям, приходившим или приезжавшим на пруд искупаться. Манюня с Фросей даже несколько раз объехали на велосипедах пруд, после чего обратились к динозаврам свернуть их первый выезд на круглосуточные замеры. «На нас все смотрят, как на городских сумасшедших» – резюмировала Фрося их предложение: «Я сама слышала. Не равен час, еще милицию вызовут!» Так оно и случилось. Местный участковый их узнал и попросил сместить лагерь. Лагерь они решили не трогать, а вот ближе к вечеру, накупавшиеся и загоревшие хищники начали собирать оборудование и единственную палатку, верой и правдой прослужившая им двое суток. Заяц и его грузовик прибыл вовремя. Первой в кабину погрузили гитару.

Фрося отправилась на почту получать телеграмму для Когана. В ней говорилось, что Калужский сельхозтехникум отзывает своих студентов. Он тяжело вздохнул: «Хоть картошку успели на нашем поле два раза прополоть и то хорошо, а то зимой есть нечего будет!»

В первый раз динозавр отправил на поле калужанок, Манюню, Серегу и Пашу в качестве исправительных работ.

Увидев чуть ли не гектар земли они пригорюнились, а Манюня расстелила плед, достала термос и книгу О. Генри «Вождь краснокожих.» Серега присвистнул: «Ты собственную биографию изучаешь?» – и положил книгу обратно. «У Суслика отобрала, ей пока рано такие книги читать!» Он показал ей на поле, там уже одев перчатки трудились девушки и Пашка. Манюня покачала головой: «Мне велено приглядывать. Так сказал динозавр?» Он не стал спорить и отправился на поле, через какое-то время вернулся, попил чайку, и они пошли играть в бадминтон, а потом в ближайшем лесу долго собирали землянику. Часа через два они вернулись и Манюня произнесла: «Good!⁹» Серега с ней согласился, оглядывая как девушки лихо борются с сорняками и опять пил с ней чаек. Паша от девушек не отставал, заглаживая вину перед динозавром. К приезду Когана хищники еще раз побегали за воланчиком, поели землянику, а он нашел дерево с опятами и довольные они саждалась в грузовик. Калужанки еле залезли и укоризненно смотрели на хищников. Манюня не растерялась: «Это ваш профиль, вот и тренируйтесь» – довольно перебирая грибочки заключила: «Не зря в поте лица поработали!»

Второй раз она решила не ехать и поехали калужанки с объединенными хромосомами, так Манюня окрестила брата и сестру. Суслика отпускать на прополку Ольга Яковлевна категорически отказалась. Они сидели в столовой и огля-

⁹ Good – отлично на английском языке

дев всех она четко промолвила: «Там же опасно!» «Чем?» – не удержался Серега, вспоминая как они лежали на пледе, пили чай и наслаждались солнцем. «Лес рядом» – выпучив глаза вещала грузная женщина. «Стесняюсь спросить, а за нашим забором что?» – он не мог успокоиться, вспоминая пень с опятами и их с Манюней неподдельную радость. Ради добычи он принес свою олимпийку, и они доверху набили ее грибами, а затем и куртку Манюни. «Это свой лес, а там чужой!» И как бы Суслик не рвалась с ними, матушка осталась непреклонна. Тут Серега не выдержал и спросил: «Ольга Яковлевна, а жить страшно?» Хищники заулыбались, предвкушая очередной шедевр. И тут она произнесла: «Я тебе больше скажу, не только страшно, но и вредно!» Смеялись даже динозавры, а она сильно обиделась, совершенно не понимая их гомерический хохот.

Вечером они сидели в штаб-квартире, и Фрося с трудом передвигаясь присела на свое законное место, тело болело все, от пяток до макушки головы. Глядя как трясутся ее натруженные руки при сдаче карт Манюня не выдержала: «Слышь, трудоголик! Я, конечно, понимаю, что это вероятно твоя врожденная черта, но ты лучше завязывай! Такая привычка до добра в жизни не доведет! Помяни мое слово!» Поле сильно заросло в следствие обильных осадков и теплых дней. Она печально покачала головой: «Учту! Перебор!» «Вот смотри лучше на нас с Йосей, у нас все в стиле танго! Правда?» – с этими словами она встала, одела вокруг талии

чей-то забытый халат из химички, подала ему руку и начала напевать мотив танго «Комперсита». Он подыграл ей, и они лихо станцевали танец. «Усекла!?» – сев на место и пытаясь отдышаться она взяла в руки карты: «По воздействию на сестру» – обратилась она к Сереге: «В тебя вроде подобную функцию не особо вложили!» В отличие от сестры он выглядел не таким уставшим. И тут в дверь постучали. «Суслик» – предсказала Манюня. И правда, дверь отворилась, и зеленая панамка с очками появилась в проеме. «Мама отпустила? Или за руку привела?» – спросила хищница, лихо отбивая взятку. Суслик давно привыкла к ее шуточкам: «Я вот сушек и шоколадку принесла» – осторожно присаживаясь на свободный стул она положила трофеи на стол. «Опять откупаешься» – разглядывала она плитку шоколада: «Учись Фрося! А ты вечно на передовой!»

Научный руководитель, как и Коган остались очень довольны их работой и пообещали дать выходной, едва в субботу вернется их главный гвардеец Жилкин. «Как известно, обещанного три года ждут» – объясняли им внезапное решение организовать внеплановый выезд. «Заодно Пашку встретим!» – привел он еще один аргумент в пользу своего решения. «Вот он обрадуется!» – не удержалась Манюня: «Пашенька, как там твоя диссертация? – Еще не закончил, но скоро начну! Ну вы и монстр! А так и не скажешь!» – оглядывая тучную фигуру ученого мужа возмущалась хищница. «Ты же можешь не ехать?!» – не удержалась ТВ. На что ей

резонно ответили: «У нас тут каторга, дело добровольное! Тем более мы в Барановичи заезжать будем. А там мороженое вкусное!» У Когана поменялись планы и Пашку никто не встретил.

«Вы пробирки на железо подготовили?» «Нет!» «Вы реактивы в пробирки налили?» «Нет!» «А где сачок?» «Химические медведи» изо дня в день наблюдали за их приготовлениями. Сегодня день был особенный. Они собирались открыть «Супербольшой» круг, как окрестил его Вознесенский, так что сборы контролировал лично. «А где сачок?» – переспросил он еще раз. «Вот!» – Манюня помахала своим любимым научным аксессуаром. «А банки для гидрохимии собрали?» переспрашивал он по второму кругу. На что она не выдержала и рассказала анекдот: «У вас провалы в памяти бывают? Да что-то не припомню такого!» Все засмеялись, ученый муж парировал: «Планктон – совокупность растительных и животных организмов, живущих в воде и объединенных одним свойством!» «Это вы сейчас к чему?» – отдышался от смеха Андрюша. «Банки Винклера забыли?» «Да!» Манюня не осталась в долгу: «В вы знаете, что к планктону относятся диатомовые водоросли, отдельные бактерии, икринки рыб и ряд беспозвоночных животных?» «Ну конечно!» – подтвердил ученый муж. «А мы хищники, а не икринки рыб!» – победно помахав сачком она вышла из лаборатории.

«От винта!» – скомандовала Манюня своим верным соратникам. На рассвете они погрузились в Nysa и отправились

в первый столь далекий путь. За рулем сидел лично Коган, накануне возвратившийся на базу. Он радовался перспективе заодно пополниться съестными запасами. Время карточной системы еще не пришло, до нее оставалось всего две недели. Машина завелась с трудом, на что они вынесли общий вердикт: «Нервничает! Не хочет так далеко ехать!» Самое интересное машина стала каждый раз сопротивляться столь длительным заездам, только на «Малый круг» она почти всегда ехала с удовольствием, за исключением плохой погоды. И все работающие на базе стали подозревать, что она действительно живой организм. «С душой и мозгами» – выразилась Манюня на этот раз. Выезжая из ворот, машина снова заглохла, Абрам Моисеевич открыл капот и подергал там какие-то проводки. Как он признался позже, он и сам толком не знал, что он там дергает, но Nysa завелась. Он обнял ее за капот, и машина поехала, будто и не глохла. «Нужно взять на вооружение» – удивился Коган. «Проводки дергать?» – уточнила Манюня. «Обнимашки» – улыбнулся динозавр: «Кормилица наша Нисочек!»

Исследователи вернулись на базу ближе к ночи, когда ужин давно ушел в далекое небытие. Тем не менее их накормили вкусной яичницей. Настоящий деликатес. Довольные и счастливые они вышли из столовой. О том что на них бросится огромное черное чудовище они конечно не знали. Лежа на сырой земле и глядя в глаза большой черной лайки, Манюня улыбнулась и попросила собачку не гавкать. Паша

с Йосей такой реакции не ожидали. Они подбежали к лежащей девочке и попытались оттащить псину. Собака долго сопротивлялась, Пашка оказался сильнее. «Это кто?» – спросила Фрося, осторожно поглаживая ее по шерсти. Манюня поднялась на ноги. «Танечка» – как ни в чем не бывало ответил Жилкин. «Почему Танечка?» – хором спросили ребята. «Я же в Москву разводиться ездил!» «И что?» – подал голос всегда все знающий Йося. «Как что!? Собаку я нашел на автобусной остановке, сразу после развода. Вышел из загса, а она сидит. Вот и решил назвать ее Танечкой!» «Очень оригинально» – не унималась Манюнечка отряхивая землю: «А кучеряшка уже видел твою новую боевую подругу?» – она сразу попала в болевую точку. «Еще не познакомились» – озадаченно произнес Паша, поглаживая лохматую проблему, а заодно высматривая глазами динозавра. «Боюсь, как бы Танечке не пришлось уехать за сто первый километр» – Йося аккуратно прикоснулся к животному.

Коган буквально обомлел, когда на него из темноты бросилась мохнатая Танечка. Его возмущенный рык и огромная лысина быстро обозначили место нахождения хозяина базы. Йося сориентировался первым: «Бежим!» Динозавр командовал еще быстрее: «Стоять! Где вы это чудовище откопали?» и эффектно появился из темноты, а вокруг него весело бегала Танечка. Увидев перед собой мятые штаны Жилкина он и без ответа все понял. И даже после жалостливого рассказа про развод, вновь обретенное счастье и верном това-

рище, его слова совершенно не тронули сердце начальника: «Я сказал вон за пределы! Паша?! Какая Танечка? Это же охотничья собака, она всех кур соседских передавит! А потом и нам шеи посворачивают» – Коган обвел взглядом соседские дома: «Ты будешь их первой жертвой! Я второй!» – он достал из кармана сухарик и протянул его псине.

При Мите с Александрой Федоровной чай традиционно пили в пять часов вечера, в новые времена в десять, а то и за полночь. Коган присел в кресло, вытирая мокрую голову. «Опять дождь?» – вздохнула ТВ. «Если оно и так, то вот вам и пожалуйста» – забирая бутерброд со стола высказался он в стиле Вознесенского. Все дружно повернулись в его сторону. ТВ спросила: «Все так плохо!?» Он кивнул головой: «Для кого-то катастрофа, а для кого-то – лучший день жизни!» «Это вы сейчас про кого?» «Жилкин с женой развелся!» «Ты ж смотри! Даже хищникам не сказал! Они нам сразу бы доложили!» Сделав небольшую паузу, ученый муж произнес: «Царица биологии, у тебя есть лекарство заменить нервные клетки на спокойные?» ТВ молча удалилась в комнату и вышла с двумя литровыми колбами, запечатанными сверху резиновыми пробкам. Коган внимательно рассмотрел каждую, взболтнул и выбрал ту, где растений плавало больше. «Хороший выбор» – ТВ разлила жидкость в три малюсеньких химических стаканчика, они чокнулись и Коган рассказал анекдот: «В суде: – Объясните, почему вы разводитесь? – Потому что поженились!»

Танечка осталась на базе, хотя динозавры несколько раз пытался угрожать аспиранту выселением, после очередной находки дохлой соседской курицы. Первых трех кур Пашка старательно уничтожил, а потом понял, что это ценный продукт и решил отнести их Светлане Игоревны, при чем в том самом убиенном виде, как ему преподнесла их неумная психона. А Танечка начала входить в раж и потянулись первые возмущенные соседи. Увидев издалека идущих, с явно недружественными намерениями людей, он решил спрятать их в открытой комнате повара. Проворным движением он сунул двух почивших несущек ей под подушку и вышел навстречу к пострадавшим. Между тем крики и требования соседей становились сильнее и начальник экспедиции, под их напором, организовал обыск в комнате Павла. Обшарив все углы, пернатых они не нашли и Коган приятно удивился, что они вроде как ни при чем. На том и решили разойтись, тем более Танечку они не увидели, предусмотрительный Жилкин запер ее в «конюшне». «Конюшной» прозвали длинное белое здание, с огромными окнами, его главной достопримечательностью долгое время оставался бильярд. Там же помещалось огромное количество оборудования, назначения которого знали не многие. В бильярд сотрудники играли регулярно, в вот детям сотрудников категорически запрещалось даже подходить к столу, не то, что играть. Те времена канули в лету. Хищники получили право катать шары без ограничений. Во времена наступающей разрухи взрослым стало

не до игры.

Светлана Игоревна решила не пропускать послеобеденный сон и как ни в чем не бывало прилегла на постельку. Ее лицо оказалось все в крови, а из-под подушки торчали мертвые куриные лапки. Она орала так громко, что чуть не оживила пернатых.

Коган, с трудом избавившись от назойливых соседей шел с Пашкой освобождать неугомонную Танечку, тут то он и увидел следы преступления собачки. Не доходя до Павла, разъяренная женщина кинула в ему в лицо свою находку: «Я! Я! Да я тебя! – только и повторяла она, показывая на лежащих пернатых и бегающую вокруг них собаченцию. Соседи, услышав шум, тут же развернулись и увидели своих почивших курочек. Скандал разгорелся с новой силой. На Павла орали все, включая Светлану Игоревну. Плата за двухдохлых кур оказалась равна четверти его месячной зарплаты, и он нехотя компенсировал моральный и материальный ущерб, нанесенный неумной собачкой. При чем кур соседи забрали с собой. Так Пашка остался без кур и денег, а Танечке одет ошейник и по базе она без спросу больше не бегала.

Решив загладить вину перед Светланой Игоревной, Пашка пообещал ей испечь вкусеньких шанежек. «А что это?» – бывшая медсестра недоверчиво посмотрела на худого и небритого мужчину, он же уверял, что за годы супружеской жизни жена научила его готовить вкуснейшие круглые открытые пирожки. «Это особый вид лепёшек с начинкой!» –

демонстрировал он свои кулинарные познания.

Для острых глаз хищников не осталось не замеченным, как Пашка садится в грузовик с тремя «биологическими медведями». Его научный руководитель тоже в не малой степени удивился просьбе своего неугомонного аспиранта съездить в поля для сбора очередного биологического материала. Ему, впрочем, как и ТВ, стало интересно, что на этот раз задумал его воспаленный мозг. «Медведи», заметив, как Пашка садиться с ними в грузовик с ворохом бумажных пакетов в не малой степени возмутись его присутствием на полевом выезде. Он же авторитетно заверил: «Мне Сам дал добро!» «А Коган?» «И он тоже!» ТВ подтвердила его слова и в назначенное время они отправились в путь.

Заяц высадил их у Нижнего пруда. Пашка с большим энтузиазмом принялся выполнять их задания. Мужские руки оказались очень кстати, особенно когда это касается водной растительности. К удивлению «медведей», они остались им очень довольны. Когда приехал грузовик он отказался уезжать. «Мы с Танечкой пешком прогуляемся!» и он показал на их предполагаемый маршрут. ТВ, как суперответственный человек, не любила разброса и шатанья среди своих подчиненных, тем более в отношении Паши. Его настойчивость пересилила все ее возраженья: «Восемь километров – это не крюк, тем более Танечке нужно обязательно выгуляться!» Это был весомый аргумент. Собака теперь большую часть времени сидела на привязи или взаперти. Такая забота о

животном тронула ее сердце, и она со скрипом согласилась оставить его без присмотра.

Грузовик умчался в даль, а Павел с неведомым энтузиазмом принялся собирать какие-то цветы и травы. Танечка весело бегала вокруг, разделяя восторг от соприкосновения с природой.

Пашка вернулся чуть ли не к ужину, голодный и с острым желанием покурить. Деньги у него закончились, и верный товарищ поделился с ним последними сигаретами, хотя и у него с финансами стало туго. Показывая на огромные пакеты с травками, он уверил, что найдет им замену. «Замену табаку?» – искренне удивился студент. «Обыкновенную! Я что, зря на биофаке МГУ отучился!» Андрей, конечно, знал, что тот может не только дырки на фильтре считать, но и выдавать волне гениальные идеи, которыми сам ученый муж восхищался, а вот про замену табака он верил с трудом. «Все бы тогда в поле ходили и не тратили деньги на сигареты» – разумно высказал он набежавшие мысли. «Так это же белорусы. А мы с тобой будущие ученые! Цвет нации. Разницу понимаешь? Он мне сам рассказывал, что они в Якутии так делали, когда у них курево закончилось!» Сигареты они стреляли у него регулярно и Андрею показалось, что тот нарочно это придумал, дабы отвадить Пашу. Имя научного руководителя стало весом аргументом, чтобы поверить. «Точно?» «Точнее не бывает. Сам спроси!» Помятую о богатой биографии ученого мужа, он не стал больше спорить. «А что

за травки они собирали в Якутии, он часом не рассказывал?» «Нет! Сказал все подряд. Что понравились, те и брали. Тут главное сердцем выбирать» – Пашка показал на впалую худую грудь. Сердцем оно может и правильно, только он подумал, что лучше выбирать разумом и эта история показалась ему очень подозрительной. Вознесенский может и курил самокрутки, а вот состав подбирал скорее всего избирательно, а не абы как. Пашка от него отмахнулся, как от надоедливой мухи: «Он что, не человек? Он почище нас с тобой в молодости зажигал. Мне сама Александра Федоровна, его жена и Фрося рассказывали. У него в Якутии вместо домашних животных суслики на проволоке сидели!» После этих слов Андрюша еще раз недоверчиво посмотрел на Жилкина и решил переспросить у Фроси. «Суслики! Представляешь?! А вы мою Танечку все ругаете! Она хоть собака, а не род грызунов семейства беличьих. Глядишь и тоже великими учеными станем» – Пашка радовался как ребенок, направляясь в «конюшню», ему хотелось в тишине и покое разложить свой биологический материал. То ли травы оказались не подходящими, то ли засушил их Пашка до состояния пыли, покурить у них совершенно не получилось. «Вы давно курите? – Двадцать лет – Вы в пять лет начали? – Вообще-то, мне сорок два. – Прекрасно выглядите! – А это уже алкоголь!» – резюмировал Йося, рассказав очередной анекдот, Пашка на него обиделся: «Коган не разрешает мне заниматься дистилляцией, говорит, что алкогольный делирий нам не нужен!»

«А что это?» – удивился Йося, услышав не понятный термин. «Говорит, что только белой горячки нам не хватало!» – высыпая серую труху, в которую превратились набранные им травы Пашка тяжело вздохнул.

К вечеру хищники узнали, что Коган собирается уезжать и вздохнули полной грудью. Не важно, что всего на несколько дней, они задумали соорудить себе новую спортивную площадку для игр в бадминтон и волейбол. С этим вопросам хитрый Йося подошел к нему, когда тот садился в свои жигули и ему было некогда разбираться во всех деталях. Тем более предварительно сын уже закидывал ему эту идею и даже показал предполагаемое место на базе, где они будут сооружать площадку. Место ему понравилось, впрочем, как и идея. Спорт, это же не карты, а тем более бесконечные шарады, в которых разыгрывались по очереди все члены экспедиции. Их неумная фантазия стала напрягать старого лиса, при виде хищников он каждый раз ждал очередной пакости и подвоха. Он завел машину и медленно тронулся, Йося от него не отставал и тот вынужденно согласился: «Делайте! Только аккуратно! Будешь отвечать головой за сохранность имущества! Ты все-таки, мой сын и сам все понимаешь!» Сыночек заверил, что в его отсутствие будет сдувать пылинки с обетованной земли. На этом они попрощались, отец даже не сомневался, что сын все сделает правильно.

После его отъезда, Йосе пришлось самостоятельно встречать очередного сотрудника. Им оказался шестидесяти се-

милетний Сергей Петрович с семилетним внуком Дениской. По указанию родителя он поселил их во втором домике. С его точки зрения выбор совершенно не удачный, ведь они каждодневно заседали почти до утра. Спорить с отцом он не собирался. Дениска оказался весьма шустрым мальчиком, не смотря на большой вес, явно превышающим нужные параметры для ребенка. «Колобок» – произнесла Манюня, едва взглянув на парнишку: «Бабушка с дедушкой явно перестарались, выгребая свои сусеки.» Дедушка же выглядел весьма подтянутым и спортивным мужчиною. Йося это заметил, сделал комплимент, на что Петрович рассказал, что занимается йогой и хотел бы сделать себе удобный тренажер для занятий. Обо всем этом Йося узнал по дороге в Лесное и дал добро на занятия спортом. «А доски вы мне найдете?» – проникся мужчина к весьма шустрому юноше. «А сколько надо?» – Йося достал блокнот. Петрович долго считал и выдал нужные размеры. «Йося, желательно струганные, сам понимаешь, занозы ставить не хочется!» В первый раз он почувствовал себя малым начальником, как прозовут его после этого случая везде сущие хищники. Он закивал головой и заверил, что все сделает правильно. «А каким видом спорта ты занимаешься?» спросил Петрович, и тот недолго думая, ответил: «Фигурным лежанием, конечно!»

«А что такое йога!?» – хищникам захотелось узнать поподробнее про неведомую гимнастику и какие упражнения делает весьма пожилой человек на таком хитроумном снаряде.

Как говорят психологи – ситуация должна дозреть. Так и к приезду большого начальника из цветочков, все превратилась в ягодки выходной спелости. Он прибыл, по своему обыкновению, поздно ночью и в свете фар заметил лишь натянутую волейбольную сетку. Довольно хмыкнув, что сын учиться держать свое мужское слово. Больше ему ничего не бросилось глаза, дома целы, во всем визуально наблюдался порядок. Он проснулся в шесть утра и по заведенному многолетнему порядку, решил сделать предварительный обход. Наличие хищников, а особенно Паши, вселяло в его сердце тревогу, особенно когда он покидал их даже на несколько часов, не то, что несколько дней.

Густой туман тяжелой пеленой застилал окружающее пространство, неделю шли дожди, то проливные, то как сейчас моросящий. Прекращался он не на долго. Он заметил торчавший небольшой крест напротив второго домика. Грешным делом, он решил, что это наконец бдительные соседи застрелили неугомонную Танечку и он сможет спокойно спать, не опасаясь их праведного гнева. Своей торопливой походкой он быстро дошел до означенной точки и увидел перед собой шест, увенчанный небольшим крестом, а под небольшим уклоном прилаженную плоскую поверхность. Опытным глазом он сразу определил, что доски явно из его древних запасов и для чего Йося решил их взять и потратить на непонятную фигню, он совершенно не понял. Его дорогое чадо еще явно спало крепким сном и посмотрев на часы, отец решил

его пока не беспокоить, тем более дело сделано, доски потрачены, оставалось узнать что это такое, тем более он услышал лай Танечки и ему стало понятно, что это точно не ее могила, а значит еще немало его нервных клеток падет под ее натиском.

После захода в «заветное» место и «конюшню», где он обнаружил пучки каких-то пересушенных травок, он инстинктивно решил вернуться ко второму домику. И вдруг в густоте тумана он увидел торчащие ноги прямо напротив креста. Он прибавил ход, надеясь найти разумное объяснение непонятному действию. Ноги медленно опустились. На жестких досках, с накинутым небольшим покрывалом на спине лежал пожилой мужчина. «Здравствуйте!» – вежливо поздоровался Коган и Сергей Петрович, не меняя позы ответил ему тем же самым. Затем он легко встал со своего места и обойдя крест, с другой стороны, проворно встал на голову, причем его ноги в аккурат оказались напротив перекладины креста. Коган много чего видел на своем веку, такого действия не припоминал. В последние годы много говорилось о «революции сознания», но что она так быстро зашагает в умах человечества, он конечно же не ожидал. С закинутыми назад ногами Петрович пытался ему что –то сказать, тот попросил его не беспокоиться: «Стойте! Стойте на голове! Если вам так больше нравится!» – пытался он остановить его жаркий пыл. Петрович же, в перевернутом виде, продолжал рассказывать какой замечательный и умный сын вырос у него и как

он активно помогал ему в сооружении тренажера. Выслушав речь до конца и не зная то ли радоваться, то ли огорчаться из-за потраченных досок он решил вернуться к тщательному обходу базы. Спортивная площадка произвела на него более благоприятное впечатление, чем зловещий крест почитателя йоги, тем более оказалось, что это не могилка Танечки и этим фактом он сильно опечалился.

Сетку натянули между двух вкопанных железных столбов. По периметру аккуратно окопали и очертили чем-то белым, а поверхность земли более-менее выровняли и утрамбовали. Как ребята успели сделать все это за четыре дня, оставалось для него загадкой до вечера, хотя и он уже практически ничему не удивлялся. Довольно хмыкнув, он увидел приближающегося к нему сына. Сынок, прекрасно зная привычки отца, решил встать пораньше. И они медленно пошли в сторону его комнаты, в пол голоса обсуждая насущные дела и вопросы.

Вечером, возвратившиеся с УДИ, Бендь первым подошел поздороваться с начальником и с гордостью показал на площадку: «Хорошо получилось!» Коган удовлетворенно качнул головой: «Ребята постарались!» Бендь, хоть и был глуховат на одно ухо, но глухонемым не был: «Ребята!?» – хмыкнул он в ответ: «Они конечно тоже принимали участие, а вот копали в основном мы с Андрюхой!» Коган увидел Йосю и помахал ему рукой, тот сделал вид, что занят и скрылся в пространстве «конюшни». Он уже догадался, что предводи-

тель хищников провернул небольшую аферу. Поблагодарив Бендю, тот, конечно, сразу потребовал себе лишний выходной, показывая на мозоли, он не спеша направился в сторону «конюшни». Прайд сидел там в полном составе. Как же они смеялись, когда Йося рассказал, как он задействовал Бендю, уверив, что так сказал им начальник и что до приезда площадка должна быть готова полностью. Манюня легонько стукнула его кием и обратилась к динозавру: «Далеко пойдет ваш сыночек! Он нам сказал тоже самое! А то вдруг отец передумает!» Андрей не выдержал и рассказал анекдот: «Еврейский спортсмен бежал настолько хитро, что прибежал не только первым, но и вторым!»

Вторая попытка Паши изобрести замену табаку закончилась «Чернобыльским взрывом», как охарактеризовала Манюня едва не взорвавшийся автоклав в «конюшне». На прямую эти два события не были связаны, в автоклаве он решил про стилизовать посуду под «продукцию», совершенно забыв это сделать по указке ТВ, занимаясь сушкой очередных растений с непременным желанием покурить. Переборщив с давлением, дабы ускорить процесс и успеть к утреннему выезду он превысил допустимые значения, а заодно совершенно забыл про клапан его регулирования. Спас всех Петрович, он, стоя вверх ногами едва не завалился на бок, услышав страшное шипенье внутри огромного здания, что стояло метрах в семидесяти от него. Не раздумывая, он бросился босиком и успел кое как стравить давление и предотвратить

катастрофу, если бы он действительно взорвался. На удачу Пашки никто не пострадал, он мирно спал у себя в кровати. Самое главное, что и динозавр в этот момент отсутствовал. Коган узнал все последним и совершенно случайно от проговорившихся «химических медведей». Вот тогда он и предложил ему выбор между виселицей и гильотиной. Автоклав наладил тот же Петрович, не зря он числился одним из лучших наладчиков. Помогал ему ученый муж: «Рано ему еще на виселицу, пусть защититься и четвертуем!»

Коган, каждый раз возвращаясь на базу, обязательно привозил им те или иные продукты. Так и в этот раз, он где-то раздобыл шмат свинины. Они уже очень давно не ели нормального мяса и вожделенный кусок выглядел, как замороженный деликатес. Мудрый динозавр не спешил нести на кухню с таким трудом добытый трофей, а решил вначале поговорить с ТВ. После завтрака, она радостно закивала ему головой и пообещала на ужин приготовить отличные отбивные. И только тогда он отнес вожделенный кусок свинины и строго предупредил Светлану Игоревну, даже не прикасаться к мясу. «С вашей квалификацией, вам пока рано приниматься за столь сложные блюда!» – вполне миролюбиво дал он понять, что не стоит переводить продукт и вмешиваться в действия ТВ. Светлана Игоревна страшно обиделась, с начальником правда спорить не стала и так прекрасно понимая, что ее местопребывание здесь висит в общем-то на волоске.

Хищники пришли на ужин и не поверили своим глазам,

узрев аппетитные кусочки. Они-то сразу догадалась, что ТВ не просто так пробыла весь вечер на кухне. «Пусть это останется сюрпризом» – благоразумно подумал прайд.

Сюрприз оказался более чем замечательным. Правильно сваренные макароны, не жёсткие и не слепшие в один сплошной комок, лежали аккуратными маленькими трубочками в огромной кастрюле. А рядом стояла огромная тарелка, доверху наполненная отбивными. Понимая, что все это приготовила ее мама, Манюня заранее предупредила, что это будет бесподобно. Так оно и оказалось! Аппетитно пахнувшее, тающее во рту мясо, макароны, огурчики, их она тоже не поленилась собрать в теплицы и правильно заваренный чай – только так мог выглядеть идеальный ужин.

Светлана Игоревна по своему обыкновению сидела хмуря прямо у входа в столовую, а рядом ее худосочная дочечка. Тем самым контраст между сидящим напротив довольным жизнью Сергеем Петровичем и толстым Дениской резанул неугомонных хищников. Они пытались в пол голоса все это обсуждать, их заразительный смех еще больше погружал в уныние бедную женщину. Дениска в одну секунду умял свою отбивную и сказал: «Мало! Еще!» В конце стола, как по команде, все замолчали и стали внимательно смотреть, что сейчас будет. «Одной отбивной вполне достаточно» – леденящим тоном провозгласила повариха и надменно посмотрела на пожилого мужчину. Дениска не даром носил имя легендарного героя повести Носова, тон и слова толстой тетки

его совершенно не задели и он как ни в чем не бывало положил свою вилку и пока она буравила не добрым взглядом его пуленепробиваемого дедушку, перегнулся через стол и схватил с ее тарелки крупную отбивную. Вначале никто ничего не понял, мальчик, не обращая внимания на взрослых уже ел вторую порцию. «Я же есть хочу!» – промолвил он с набитым ртом. Светлана Игоревна вышла из себя и попыталась поймать его руку со своей свининой, шустрый парень как мог уворачивался от ее рук, тем более половину отбивной он уже успел скушать и совершенно не понимал, что эта тетенька от него хочет. «Это моя отбивная» – зашипела она на всю столовую и встала во весь рост, нависая над столом и дедушкой. Понимая, что не видать ей свой кусок мяса, она пытались хотя бы морально задавить старикашку. Дениска, дожевывая отбивную, поднял на нее свои лучистые глаза и просто сказал, что думали окружающие: «А почему у вас с Оксаной по две отбивные, а у меня с дедушкой по одной? Мы же все-таки мужики. А вам и по одной хватит. Дочка ваша вон какая худая и тощая. Как дистрофик!» Хищники пока не знали, занимается ли Дениска йогой, но что у него бойцовский дух поняли моментально. Коган, совершенно не испытывая дружеских чувств к никчёмному повару, тоже решил немножечко похулиганить: «Нищий стучится в дом. Открывают ему евреи. Мужик, я уже три дня не видел мяса. – Сара, покажи ему котлету!» Светлана Игоревна тут же села на место и вытащила вилкой отбивную из тарелки дочери, пыта-

ясь положить ее начальнику, тот ловким движением выхватил тарелку, и отбивная упала мимо. Дениска тут же сориентировался и попытался дотянуться еще до одной порции, своей загребущей рукой, тут уж Светлана Игоревна показала чудеса проворства и опередила парня, положив мясо обратно. «Это реальный плюрализм мнений» – прокомментировала Манюня выпад любимого начальника, и хищники долго не могли успокоиться от смеха, на что Коган показал им кулак. Дениска встал из-за стола и пошел, не спеша к выходу. Светлана Игоревна, глядя ему в спину, не выдержал и произнесла: «Как жаль, что вы наконец-то уходите».

Хищники вышли следом и смотрели как Дениска семенит в сторону спортивной площадки качаться на качелях. Андрей не выдержал и спросил: «А вы знаете, что такое йога?» Манюня окончательно уложила всех на обе лопатки: «Конечно! Это комплекс физических, психических и духовных практик, помогающих человеку осознать своё место в мире и прийти к душевному равновесию!»

В очередной утренний обход Коган увидел стоящего Петровича аккуратно напротив креста и трехлитровой банкой, она висела на веревке вокруг его мощной шеи. «Что это?» – выныривая из-за тумана спросил начальник экспедиции. «Двенадцатые лунные сутки» – как ни в чем не бывало ответил Петрович, показывая рукой на воду. «И-и?» – не унимался Коган. «И я наполняю ее энергией для оздоровления души и тела» – в этот момент он максимально раздул щеки и легкие

воздухом и стал с усилием сжимать свои руки над банкой. Коган, не отрываясь смотрел на необычное действие, к сожалению, больше ничего интересного не происходило, вода не бурлила, банка не взрывалась, за исключением, работающим как большие меха легких Петровича и его напряженных рук. Так они и стояли друг напротив друга, пока из домика не появился Андрей, спешащий в «заветное место». Даже он настолько поразился двенадцатыми лунными сутками, что совершенно забыл зачем вышел на улицу в столь ранний час. Между тем Петрович продолжал с усилием заряжать воду. Видно что-то у него сегодня не получалось. И он попросил отойти их в сторону: «Энергия плохо струиться» – прокомментировал он свою просьбу. Как и почему плохо струиться энергия они так и не поняли. А вот Андрей вдруг почувствовал, что может не добежать до «заветного места» и стремглав бросился в нужную сторону. «Пошла энергия!» – довольно улыбнулся Петрович и в последний раз сомкнул руки над банкой.

Коган тоже не стал ждать окончания эксперимента и решила зайти к сыну. Он, конечно, понимал, что Перестройка сломала «тяжелое наследие застоя», но, чтобы «новое мышление» так быстро входило в их жизнь, он совершенно не ожидал.

Йося сразу обратил внимание, что отец находится явно не себе. И получил не менее туманный ответ: «Да не обращай внимания. Просто двенадцатые лунные сутки на дворе!

Нужно заряжаться энергией!» Молодой человек потянулся у себя в кровати и полной грудью вдохнул свежий воздух, им пахло из-за настежь открытой двери. Что могли означать его слова он мог только догадываться, при условии, что в стране шли невиданные обновления и теперь чего только не появилось в жизни. Гороскопы и гадалки, разного рода астрологи и экстрасенсы, как грибы после дождя вылезли на свет божий.

Календарь остановился на седьмом июля, дне Яна Купалы. Большой компанией они пошли на Верхний пруд, посмотреть, что там происходит. Между тем на пологом берегу пруда шли активные приготовления, звучала музыка, особенно их обрадовал огромный костер. Такого ребята еще никогда не видели. Они вообще не знали, что такой праздник существует. «А ты что будешь загадывать?» – спросил Йося у Пашки, заметив, что тот заглядывается на симпатичных девушек в красивых венках из цветочков. Манюне естественно сразу понадобился точно такой же, и они дружно пошли собирать ей цветочки. Их оказалось так много, что у Фроси с Сусликом на голове появились точно такие же веночки. «Очень красиво»– оценил их старания Йося. «А сколько желаний можно загадать?» – решила уточнить скрупулёзная Суслик. «Одно! И то, если найдем папоротник» – продолжал рассказывать легенду Йося. «У!» – разочарованно протянул Жилкин: «А я хотел загадать себе женщину!» «Какую?» «Красивую»– и он погладил свою ненаглядную Танечку.

ку, собака шла с ними в первых рядах. «Надо попросить Танечку» – согласилась Манюня. «Точно!» – обрадовался Йося: «Наша псина найдет все что угодно» – и угостил ее сухариком.

Ночью начались забавы! Перепрыгивая через огонь, они совсем раздухарились. Лучше всех через костер перемахнула собака, на что Йося его успокоил: «Будет тебе женщина!» Манюня с Сусликом принялись выделять замысловатые па, и Андрей присоединился к их чудному танцу. Местные девушки подошли к краю пруда и принялись опускать свои венки на воду. «А это еще, что за фитопланктон образовался?» – не выдержала юная хищница. Местные жители ничего не поняли, пояснив, что это для суженого. «Нам еще рано» – она категорично отказалась расставаться с цветами. Суслик долго колебалась: «А вдруг потом будет поздно? – она опустилась к воде, что-то прошептала и пустила его в далёкое плавание. «И эта ту даже» – не удержалась Манюня, подовая ей руку на крутом склоне. «Нужно идти искать папоротник» – сказали им гуляющие на праздники люди. «Завтра найдем. У нас же завтра исследования!» – ответила за всех Манюня. «Его нужно сорвать именно сегодня, в полночь!» – уточнил Йося, глядя на удаляющуюся в лес толпу разгоряченных людей. И они с Пашкой решили сходить со всеми. Фрося категорически отказалась идти, и они остались на дамбе. Играла музыка, они танцевали, выделяясь, как приходило в голову. Им было очень весело! И тут они уви-

дели, как к ним приближается Nysa. «Все! Кина не будет!» – грустно проговорила Манюня. «А где Жилкин?» – первым делом спросила ТВ, за дочь она совершенно не волновалась. «Ищут волшебный папоротник» – разъяснила Фрося. «Зачем? Он что, хочет второй раз автоклав взорвать?» – не удержался Коган, вглядываясь в ночную тьму. «Желание загадывать будет» – уточнила Суслик. «Ему нельзя давать в руки волшебную палочку» – хватаясь за сердце уточнила ТВ. Манюня взмахнула платочком и всех успокоила: «Потомственный маг снимет порчу, сглаз и симпатичную блондинку на ночь.» Коган засмеялся и даже не стал спрашивать, в какой газете она все это прочитала.

Волшебный папоротник они с Йосей не нашли, зато чуть не получили по шее, прямо в лесу Пашка решил познакомиться с местной красавицей. Она шла в красивом платье и огромном венке на голове. Вид ободранного аспиранта с огромной собакой не вызвал у нее желания продолжить знакомство. Местные мужики и вовсе приняли его за бандита и замахнулись дубинами. «Бежим лучше» – скомандовал Йося, а Пашка не унимался: «А как же папоротник?!» «Из тебя сейчас коэффициент усушки такой сделают, что даже формалином не отолыют!» – тащил его за рукав Серега.

На обочине дороге бесформенной кучей лежало их оборудование, а в ведре плавала пойманная Манюней рыбка. Она непременно хотела привести ее на базу живой. «У тебя вон собака имеется. А я что, не могу позволить себе занять до-

машинное животное» – возмущалась она на их предложение отпустить рыбку обратно. «Она сама прыгнула мне в сачок. Пусть будет!» «Пусть будет» – согласился Пашка, ему надое-ло с ней спорить. «Очень! Очень жрать хочется дорогие то-варищи» – выразил он общее мнение и посмотрел вдаль на дорогу, а потом печально закатил глаза к небу, откуда шел мелкий непрекращающийся с утра дождичек. «Это, потому что ты, волшебный папоротник вчера не нашел» – резюми-ровал она, запахивая свой плащ. Зайца по народной при-мете, видно не было. «Кто бы сомневался» – проговорила Манюня и без зазрения совести присела на хрупкий ящик со склянками Винклера: «Динозавры небось в город уехали. И про нас забыли!» Фрося с ней согласилась и предложила пойти пешком. «Пошли! Я возьму ящики, а ты посади меня на шею!» – вспомнила она мультфильм про чебурашку. «А давайте поймаем машину! Вдруг нас довезут? Мы же служи-тели науки» – смело предложил Павел Евгеньевич. Манюня недоверчиво посмотрела на Жилкина. В длинном вязанном свитере, уже окончательно потерявший свой цвет и форму, серых брюках со множеством пятен от реагентов и кирзо-вых сапогах сорок седьмого размера, рьяный служитель на-уки выглядел более чем странно. Правда и они в своих огром-ных плащах особо от него не отличались. Дождь лил, спря-таться им было совершенно некуда, и они стали ловить ма-шину. Все как одна проезжали мимо. «Их ваши плащи сму-щают» – вынес он вердикт, когда и через сорок минут никто

не захотел их подбросить. «Спрячьтесь лучше в канале» – скомандовал он юным помощникам. Они с трудом спустились по мокрому и скользкому откосу и стали ждать. Наконец какая-то машина затормозила, Пашка показал в их сторону и зачем-то сказал: «Здравствуйте, вы двух девочек до деревни не подбросите?» Как только их две взъерошенные головы показались над поверхностью, водитель резко газанул и унёсся в светлую даль. «Это из-за вас он не захотел нас подбросить» – объявил он им опечалившись: «Вы посмотрите какие вы страшные!» «А может это из-за тебя» – обиделась Манюня и приказала им двоим спрятаться. Она встала на обочине, повязала вокруг головы платочек и вытянула руку. Машина затормозила буквально через пять минут: «Куда тебе надобно деточка?» спросила ее сердобольная женщина. «На базу! Домой хочу!» – промолвила она жалостливым голосом, и водитель вышел из машины помочь ей погрузить ящики. На земле осталось только ведро с рыбкою, его она толкнула, вода разлилась, а она промолвила: «А у меня в канале еще двое товарищей плавают!» Тетка вышла из машины и решила лично посмотреть на утопленников, как она выразилась, округлив глаза. «Да мы живые» – не выдержал Пашка, вылезая из-под кустов. Пожилая женщина едва не перекрестилась и категорически отказалась сажать в машину непонятное чудовище заметив еще и Танечку. Та для порядка пару раз гавкнула. Собака ей понравилась, а вот Пашка категорически нет. Фрося едва не подавилась от смеха.

Манюня быстро сориентировалась и гордо сказала, что это старший научный сотрудник: «Ну пожалуйста! Хотя бы до прудика! Он же не донесет все беденький!»

Женщина сильно испугалась вида старшего научного сотрудника и всю дорогу оборачивалась назад, с пристрастием разглядывая мужчину. Всклоченные, давно не то, что не стриженные, но и не причесанные волосы, как и борода очень роднили его со снежным человеком. «Старшенький» вел себя изумительно, он выпучил глаза и молчал всю дорогу. Через пол пути Манюня прошептала: «Есть очень хочется!» Тетка заерзала и неожиданно стала копаться в своей огромной сумке, что стояла у нее под ногами. И тут по машине распространился божественный запах колбаски. Фрося не выдержала и громко сглотнула. Женщина достала кругляшок и разломав его на две части протянула двум девочкам: «А этому не дам! Больно страшный! И не похож он на старшего научного сотрудника!» Манюня чуть не подавилась от смеха и посмотрела на Пашку, он держал руки на коленочках, а его ноги чуть ли не упирались в крышу машины. Танечка легла ему под ноги. Он наклонился к Манюне и тихонько попросил оставить ему хотя бы попочку: «Я хоть понюхаю ее, попозже!» Она улыбнулась и молча кивнула головой. Но видно у женщины душа была добрая и она вновь стала капаться у себя под ногами. Она вытащила кусочек другой колбаски и протянула ему со словами: «Скажи спасибо, что у тебя такой хороший младший сотрудник! Заботливый! И

красивый!» Пашка едва не откусил ей все пальцы, настолько он был голоден и всю дорогу чувствовал, как желудок прилип к его позвоночнику. Женщина сильно испугалась и едва отдернула свои толстые пальцы: «Больше не проси! Вурдалак проклятый! Не дам!» Пашка рад был и этому. Когда еще попробуешь настоящей домашней колбаски. К концу пути женщина успокоилась и смотрела на их счастливые лица: «Как оказывается, мало нужно для счастья!» Они подъехали к воротам базы и увидели привычную картину. Напротив грузовика стояла Nysa, а Коган стоял возле синий кабины и показывал рукой в сторону канала: «Как ты мог?! Ну сколько можно?! Четвертый час по полудню! Толя, у тебя совесть есть?» – вопрошал начальник экспедиции. «А у вашего Пашки она в наличии? Мы его по часу ждем перед замерами?» – сильный аргумент, против фактов спорить бесполезно. «А хищницы наши, в чем виноваты?» – упорствовал Коган. И тут они увидели подъехавшие жигули и довольные лица исследователей. «Вот видишь?» «Вижу! Что наши люди уже на такси с замеров возвращаются!» Он подошел к машине, радушно поздоровался с сидящими и спросил сколько он должен. Женщина стала отказываться, она от души пожалела бедных девочек, водитель же назвал сумму и Коган аж присвистнул. Поторговавшись минут этак десять, они сошлись в едином мнении, и он вытащил деньги. Легковая машина развернулась и уехала, он повернулся к Зайцу и предупредил, что ему придется вычесть эти деньги из его зарплаты. «За

что?!» – заорал на него Заяц. «За все! Память у тебя может после этого уллучшится! Будешь вспоминать о ребятах! Мне уже надоело выслушивать их бесконечные жалобы! Знаешь, как они тебя называют!?» Он сильно разозлился от предстоящей потери денег, не смея оспаривать действия начальника, хотя и посчитал их незаконными. «Бичь Божий! Понятно!?» «Понятно! Что ничего не понятно! Кто такой Бичь Божий?» – решил он уточнить у Паши. «А у него не стоило спрашивать! Он точно такой же!» – ругался начальник: «Похлеще тебе!» Заяц оторопело смотрел на него: «А этих бичей может быть несколько?!» Хищницы не унимались от смеха и Коган махнул на него рукой: «Сдавай назад лучше, дай мне проехать, я продукты привез!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.